

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

ASIA & AFRICA today

2023 № 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 1

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 1

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Вода К.Р. Кризис в российско-японских отношениях в 2022 г.	5
Вахрушин И.В. Политика санкций и ограничений США в отношении Китая. Тактические контр-меры Пекина и потенциал стратегического противодействия	14
Мусалитина Е.А. (Комсомольск-на-Амуре), Бобышев С.В. (Хабаровск). Биоэтические проблемы демографической политики Китая: предпосылки и современность	25
Микаелян А.А. Противостояние Израиля и Ирана сквозь призму китайско-израильских и индийско-израильских отношений	34
Шапошников С.В., Садои Ю. (Япония). Япония. Меры поддержки государством цифровой трансформации малых и средних предприятий	42
Singuwa Chimuka (Zambia), Svetlana A. Bokeriya (Russia). SADCC as the First Step of Regional Integration in Southern Africa	49
Бутовская М.Л., Бутовский Р.О. Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро: устойчивое развитие и традиционность	57
Мязин Н.А. (Калуга). Христианство в Индии: от апостола Фомы до нашего времени	66
Балабейкина О.А., Кузнецов Л.М., Янковская А.А. (Санкт-Петербург). Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан	74

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Kristina R. Voda. Crisis in Russian-Japanese Relations in 2022	5
Ivan V. Vakhrushin. The US Policy of Sanctions and Restrictions against China. Beijing's Tactical Countermeasures and Strategic Counteraction Potential	14
Evgenia A. Musalitina (Komsomolsk-na-Amure), Sergey V. Bobyshev (Khabarovsk). Bioethical Problems of China's Demographic Policy: Background and Present	25
Arman A. Mikaelian. Israeli-Iranian Rivalry from the Perspective of Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations	34
Sergey V. Shaposhnikov, Yuri Sadoi (Japan). Japan. Government Support Measures for Digital Transformation of Small and Medium-Sized Enterprises	42
Singuwa Chimuka (Zambia), Svetlana A. Bokeriya (Russia). SADCC as the First Step of Regional Integration in Southern Africa	49
Marina L. Butovskaya, Ruslan O. Butovsky. Maasai in the Ngorongoro Conservation Area: Sustainable Development and Traditionality	57
Nikolay A. Myazin (Kaluga). Christianity in India: From the Apostle Thomas to the Present	66
Olga A. Balabeykina, Leonid M. Kuznetsov, Anna A. Yankovskaya (St. Petersburg). Philippines. Economic and Social Activities of a Religious Institute: The Example of the Diocese of Butuan	74

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Кризис в российско-японских отношениях в 2022 г.

© Вода К.Р.^a, 2023

^a ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2775-0875; vodakris@gmail.com

Резюме. Япония ответила на специальную военную операцию России на Украине в 2022 г. введением широко-масштабных антироссийских санкций, которые затронули финансовую, торгово-экономическую, энергетическую, политическую и гуманитарную сферы российско-японского взаимодействия.

В отличие от украинского кризиса 2014 г., японское руководство в 2022 г. заняло гораздо более жесткую позицию в отношении Москвы, полностью следуя антироссийскому курсу, принятому США и другими странами Запада. В ответ Россия остановила переговорный процесс по мирному договору с Японией, вышла из ряда двусторонних соглашений, касающихся рыболовной сферы и безвизовых обменов на южных Курильских островах.

Применение Японией санкций в отношении Москвы, разногласия между Россией и Японией по многим ключевым международно-политическим вопросам и отсутствие мирного договора обусловили быстрое скатывание двусторонних отношений в состояние кризиса. Жесткая реакция Японии на российские действия на Украине – это, на наш взгляд, сигнал Китаю, что попытки изменить статус-кво при помощи силы вокруг Тайваня и в Восточно-Китайском море вызовут резкий отпор Токио.

Цель статьи – оценка состояния российско-японских отношений в 2013–2020 гг., реакции правительства Японии на кризисные события на Украине в 2014 г. и в 2022 г. и их влияние на российско-японские переговоры по заключению мирного договора.

Ключевые слова: Россия, Япония, российско-японские отношения, южные Курильские острова, санкции, специальная военная операция на Украине

Для цитирования: Вода К.Р. Кризис в российско-японских отношениях в 2022 г. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750021353-0

Crisis in Russian-Japanese relations in 2022

© Kristina R. Voda^a, 2023

^a Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2775-0875; vodakris@gmail.com

Abstract. In response to Russia's special military operation in Ukraine in 2022, Japanese government imposed large-scale sanctions that affected financial, trade, economic, energy, political and humanitarian spheres of Russian-Japanese cooperation. The negotiations on the peace treaty between Moscow and Tokyo were also suspended.

Unlike in 2014, Japanese anti-Russian sanctions in 2022 caused heavy crisis in Russian-Japanese relations. The reasons of the Tokyo's tough response included the scale of the Russian military operation in Ukraine in 2022, the harsh reaction to Russian operation of Japan's leading international partners, including the United States, European Union, Great Britain, Australia and a number of Asia-Pacific nations, desire of Japanese leadership to warn China that its possible military actions in Taiwan Strait or around the Senkaku/Diaoyu Islands in the East China Sea will meet Tokyo's serious resistance.

Another reason of severe worsening of Russian-Japanese relations in 2022 was the essential end of the rapprochement between Moscow and Tokyo in 2013–2020 with unsatisfactory results for the Japanese side. During this period, Russia and Japan could not sign a peace treaty despite the efforts of the former Prime Minister Shinzo Abe who intended to solve the long-standing territorial dispute between Russia and Japan by establishing personal ties with the Russian president Vladimir Putin and promoting economic cooperation between the two nations. This approach proved to be unpromising and was criticized in Russia and Japan.

The future of the peace treaty talks between Moscow and Tokyo will depend on whether the negotiating parties are able to lower the level of political and diplomatic confrontation and adopt their claims to the new realities of the changed international environment.

Keywords: Russia, Japan, Russian-Japanese relations, Southern Kuril Islands, sanctions, special military operation in Ukraine

For citation: Kristina R. Voda. Crisis in Russian-Japanese Relations in 2022. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021353-0

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция России на Украине в 2022 г. и жесткая реакция на неё Японии привели к тяжелому кризису в российско-японских отношениях. В течение нескольких месяцев после начала спецоперации Токио и Москва быстро опускались по спирали санкций. К осени 2022 г. Россия и Япония ввели ограничения на финансовые и торговые операции между странами по обширному перечню товаров и услуг; были высланы дипломаты и введен запрет на посещение стран для лидеров и ряда представителей политических, деловых и культурных элит другого государства; десятки японских компаний приостановили свою деятельность в России.

Токио занял жесткую позицию в отношении Москвы, полностью следуя в русле решений, разработанных странами Запада. Правительство Японии рассматривает военную операцию России на Украине с точки зрения возможного повторения данного сценария в Восточной Азии, имея в виду намерение Китая изменить статус-кво на Тайване, а также вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. Вместе с тем антироссийские санкции Японии и российские ответные меры оказали значительное негативное влияние на весь спектр российско-японских связей и отбросили их далеко назад в большинстве сфер.

Целью данной статьи является анализ влияния специальной военной операции РФ на Украине в 2022 г. на российско-японские отношения. Для этого мы даем оценку состоянию российско-японских отношений в 2013–2020 гг., сравниваем реакцию правительства Японии на кризисные события на Украине в 2014 г. и 2022 г., анализируем влияние событий на Украине на российско-японские переговоры по заключению мирного договора. Затем мы анализируем причины резкой реакции Токио на специальную военную операцию РФ на Украине в 2022 г. В заключении мы рассматриваем перспективы российско-японских отношений в новых международных условиях.

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2013–2020 гг.

В 2013–2020 гг. российско-японские отношения переживали достаточно благоприятный период. Между странами развивалось взаимодействие в торгово-экономической, политико-дипломатической и гуманитарной сферах. Этот период сближения начался после прихода в декабре 2012 г. на пост премьер-министра Японии С.Абэ, который выступил с предложениями улучшить отношения Москвы и Токио, поставить точку в территориальном споре вокруг Южных Курил, заключить мирный договор между странами.

Для реализации своего курса на российском направлении С.Абэ сделал ставку на налаживание личного контакта с президентом РФ В.Путиным. Также подход С.Абэ включал готовность обсуждать развитие торгово-экономического и политического сотрудничества Японии с Россией по мере продвижения переговоров о территориальном размежевании и заключении мирного договора. Первый визит С.Абэ в Москву состоялся в апреле 2013 г. По итогам переговоров на высшем уровне В.Путин и С.Абэ признали «ненормальным» отсутствие мирного договора между странами, призвали ускорить переговоры по его подписанию. За время нахождения С.Абэ на посту премьер-министра (декабрь 2012 г. – сентябрь 2020 г.) японский лидер провел 27 личных встреч с В.Путиным.

В России предложения С.Абэ по улучшению двусторонних отношений были восприняты с интересом. Как неоднократно заявляли представители российского МИДа и политического руководства РФ, подписание мирного договора должно вывести российско-японские отношения на новый стратегический уровень.

В частности, глава МИД РФ С.Лавров еще в 2012 г. заявлял, что диалог по мирному договору с Японией должен выстраиваться «в атмосфере тесных партнерских отношений, углубления сотрудничества и партнерства по всем направлениям контактов, развивая сотрудничество и в торгово-экономической, и

в научно-технологической, и в культурной, и в гуманитарной сферах, предполагая согласование подходов к ключевым проблемам современного мироустройства» [1]. А в начале 2022 г. посол РФ в Японии М.Галузин заявлял, что мирный договор с Японией задумывается как «фундаментальный документ о мире, дружбе, добрососедстве, сотрудничестве и партнерстве, который должен отвечать современным реалиям и учитывать весь позитивный опыт развития двусторонних отношений в послевоенные десятилетия, и задавать ориентиры для дальнейшего совершенствования российско-японских отношений в будущем» [2].

Украинский кризис 2014 г., когда полуостров Крым вошел в состав России, а на юго-востоке Украины были провозглашены независимые Донецкая и Луганская Народные Республики (ЛНР и ДНР), притормозил, но не остановил российско-японское сближение.

В мае 2016 г. состоялся неофициальный визит Абэ в Сочи и переговоры с российским президентом, в ходе которых японская сторона предложила «план из восьми пунктов» по развитию экономического сотрудничества с Россией. План включал взаимодействие в сфере энергетики, меры по развитию малого и среднего бизнеса, сотрудничество на Дальнем Востоке РФ, помощь в расширении экспортной базы двусторонней торговли, сотрудничество в развитии передовых технологий, в том числе атомной энергетики, а также сотрудничество в гуманитарной сфере.

Для подготовки конкретных проектов в рамках данного плана в Японии при канцелярии премьер-министра была создана специальная группа, включавшая заместителей министров экономического блока. Кроме того, в японском правительстве был создан министерский пост ответственного за развитие экономических отношений с Россией, который занимал министр экономики, торговли и промышленности Японии.

Результатом российско-японского сближения в 2013–2020 гг. стал рост взаимодействия по ряду направлений в экономической, политической и гуманитарной сферах. По итогам визита В.Путина в Токио в 2016 г. было подписано более 80 соглашений и меморандумов о сотрудничестве, в 2017 г. в ходе визита С.Абэ в Москву – около 20 документов о реализации совместных проектов.

В экономике наиболее значимыми проектами в рамках данного этапа стали: участие японских компаний *Mitsui&Co* и *Jogmec* в строительстве завода по сжижению природного газа в Ямало-Ненецком АО в рамках проекта «Арктик СПГ-2», японские инвестиции по которому оценивались в \$5 млрд; учреждение совместного инвестиционного фонда в размере \$1 млрд, соучредителями которого выступили Российский фонд прямых инвестиций и Японский банк для международного сотрудничества (*JBIC*); создание совместно корпорацией «Российские железные дороги» и *Marubeni* российско-японского Центра превентивной медицины и диагностики «МиР японской медицины» в г. Хабаровск на базе клинической больницы РЖД, инвестиции по которому составили около \$10 млн; строительство в г. Якутск круглогодичного тепличного комплекса «Саюри» в рамках соглашения между ВЭБ.РФ и *JBIC*.

Однако многие российско-японские соглашения и договоренности так и остались нереализованными. Объем торговли между странами за данный период не демонстрировал стабильного роста и не смог достичь показателей 2012–2013 гг. Причины заключались в слабости покупательного спроса в России, неспособности расширить базу российского экспорта в Японию, преимущественно состоящего из сырьевых товаров. Негативное влияние на показатели двусторонней торговли в этот период оказали и западные санкции в отношении РФ, а также последствия пандемии *COVID-19*.

В политической сфере, помимо регулярных контактов на высшем и высоком уровне, достижением этого периода следует считать проведение в 2013 г. и 2019 г. консультаций в формате «2+2» между министрами иностранных дел и обороны России и Японии.

Отметим, что переговоры в данном формате Япония проводит лишь с рядом стран, которые она считает значимыми международными партнерами. Среди них такие страны, как США, Великобритания, Австралия, Франция, Индия, Филиппины.

Несмотря на то, что российско-японские переговоры в формате «2+2» демонстрировали различия в оценках и подходах сторон к существующей и желаемой конфигурации в области политики и безопасности в Восточной Азии, их ценность состояла в попытке установить контакт и доверие в области безопасности и расширить сферы двустороннего взаимодействия. На укрепление доверия в военной сфере были направлены также совместные учения российских пограничников и служащих Управления береговой охраны Японии, которые прошли в сентябре 2019 г. на Сахалине.

В гуманитарной сфере ярким событием этого периода стало проведение в 2018–2019 гг. перекрестного года России в Японии и Японии в России, в рамках которого состоялось более 600 культурных мероприятий в 59 российских городах, в т.ч. фестивали, выставки, концерты, кинопоказы. В них приняло участие около 1,6 млн российских граждан.

Однако по наиболее трудным вопросам двусторонних отношений – проблеме делимитации границы и подписанию мирного договора – в период 2013–2020 гг. прорыва не произошло. Договоренность В.Путина и С.Абэ ускорить переговорный процесс по мирному договору, взяв за основу Совместную декларацию СССР и Японии 1956 г., объявленная на их встрече в Сингапуре 14 ноября 2018 г., не привела к конкретным результатам.

Стороны не смогли преодолеть глубокие разногласия по вопросу о суверенитете над южными Курильскими островами, а также согласовать условия для подписания мирного договора. Неудачей закончилась инициатива проводить совместную хозяйственную деятельность на южных Курильских островах, которую прорабатывали Токио и Москва с 2016 г. Ни один проект так и не был реализован. Стороны оказались неспособны решить юридические проблемы, вызванные нежеланием японской стороны вести бизнес на островах по российскому законодательству [3].

РЕАКЦИЯ ЯПОНИИ НА СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ В 2014 г. и 2022 г.

Реакцией Токио на события на Украине в 2014 г. стала временная приостановка дипломатических контактов с Москвой, а также введение санкций против отдельных российских физических лиц и организаций. Японское правительство в марте-декабре 2014 г. отказалось признать результаты референдума в Крыму; выступило за приостановку членства РФ в «большой восьмерке»; остановило дипломатические переговоры, направленные на упрощение визового режима между странами; приостановило работу по подготовке двустороннего соглашения в инвестиционной сфере; заморозило военное и космическое сотрудничество с Москвой. В результате украинских событий 2014 г. был отложен визит президента РФ В.Путина в Японию, планировавшийся в 2014 г. в ответ на визит премьер-министра С.Абэ в Москву в 2013 г.

Также в 2014 г. Япония ввела санкции в отношении 5 российских банков (Сбербанк, ВТБ, Внешэкономбанк, Газпромбанк, Россельхозбанк), запретив им выпускать ценные бумаги на японском рынке, и ограничила экспорт технологий военного назначения и импорт крымских товаров. Кроме того, Токио запретил въезд в страну российским гражданам, связанным с украинским кризисом 2014 г., крымским чиновникам и представителям ЛНР и ДНР, включая бывшего президента Украины В.Януковича, главу Республики Крым С.Аксенова и др.

В целом японские санкции в 2014 г. были мягче мер, принятых в США и ЕС, и оказали ограниченное негативное влияние на российскую экономику и российско-японские экономические отношения. Также политические и гуманитарные контакты, в том числе и на высоком уровне, были сохранены. В 2016–2019 гг. Японию посетили многие высокопоставленные российские чиновники и представители бизнеса, проводились крупные мероприятия, конференции, реализовывались совместные проекты в сферах экономического, политического и гуманитарного сотрудничества.

В 2022 г. реакцией Японии на обострение конфликта между Россией и Украиной и начало военной операции РФ вновь стало введение антироссийских санкций. На этот раз их масштаб был гораздо более значительным, чем меры, принятые в 2014 г. Токио осудил действия Москвы, которые, по его мнению, «нарушали суверенитет и территориальную целостность Украины», «расшатывали международный порядок» [4]. Японское правительство охарактеризовало военную операцию РФ на Украине как «попытку изменить статус-кво силой», «что является нарушением международного права» [5].

Антироссийские санкции Японии содержали меры в финансовой, энергетической и торгово-экономической сферах. Японские санкции 2022 г. включали: ограничения на операции с Центральным банком России, запрет на выпуск правительством РФ новых суверенных облигаций и их обращение в Японии, заморозку активов 11 российских банков и их дочерних предприятий (Сбербанк, Альфа Банк, ВЭБ, Промсвязьбанк, ВТБ, Банк Россия, Совкомбанк, Новикомбанк, Банк «Открытие», Россельхозбанк, Московский кредитный банк), поддержку отключения попавших под санкции банков от системы *SWIFT*, поддержку отказа финансирования России со стороны ведущих международных финансовых

организаций, включая МВФ, ВБ и Европейский банк реконструкции и развития. Кроме того, правительство Японии с 1 августа 2022 г. ввело запрет на импорт российского золота [6].

Токио принял решение о сокращении зависимости от России в области энергетики, включая постепенное прекращение и запрет импорта угля. Первыми шагами в рамках реализации данного курса стал отказ японских компаний от спотовых контрактов на закупку угля, а также отказ компании *Mitsui O.S.K. Lines* – одной из крупнейших в мире судоходных компаний – от перевозки российского угля, реализуемого по разовым спотовым сделкам. В мае 2022 г. японское правительство объявило о присоединении к мерам по постепенному отказу от импорта российской нефти, разработанным западными странами. Япония ввела ограничения на экспорт в Россию оборудования для нефтепереработки.

Под вопросом оказалась и судьба крупнейших энергетических проектов с японским участием – «Сахалин-1» и «Сахалин-2», в особенности после заявлений об уходе из России компаний *Exxon Mobil*, *BP* и *Shell*, владеющих акциями в данных проектах. Японский консорциум *Sodeco* владеет 30% акций в проекте «Сахалин-1», а компаниям *Mitsubishi* и *Mitsui* принадлежит 10% и 12,5% акций в проекте «Сахалин-2». Япония участвует еще в двух энергетических проектах в России: компания *Arctic LNG*, принадлежащая *Mitsui&Co* и *Jogmec*, владеет 10% в вышеупомянутом проекте «Арктик СПГ-2»; компании *Japan South Sakha Oil Co Ltd.* – совместному предприятию корпораций *Itochu* и *Inpex* – принадлежит 49% акций компании «ИНК-Запад», занимающейся добычей нефти в Иркутской области.

В августе 2022 г. правительство Японии приняло решение сохранить участие Японии в энергетических проектах в России, которые вносят вклад в обеспечении энергетической безопасности страны. Россия является пятым (после Австралии, США, Малайзии и Катара) крупнейшим поставщиком Японии сжиженного природного газа – доля российского «голубого топлива» составляет 8,3% в японских закупках газа за рубежом. Кроме того, из России поступает 4% японского импорта нефти и 11% импорта угля [7].

В торгово-экономической сфере японское правительство в 2022 г. ввело запрет на новые инвестиции в Россию; лишило РФ статуса наибольшего благоприятствования, в результате чего были повышены пошлины на импорт древесины, лосося, икры и краба; ввело запрет на импорт из России машинного оборудования, некоторых видов древесины, алкоголя и др.; запретило экспорт предметов роскоши; ограничило экспорт в адрес российских структур, связанных с военной деятельностью, и экспорт контролируемых товаров, включенных в согласованный на международном уровне список, и других товаров двойного назначения.

Это более 300 наименований продукции, среди которых полупроводники, средства связи, телекоммуникационное оборудование, квантовые компьютеры, программное обеспечение, оборудование для обеспечения морской и авиационной безопасности и др.

Также правительство Японии утвердило список российских компаний и организаций, в отношении которых вводятся экспортные санкции. В него вошли Министерство обороны РФ, ФСБ, СВР, ГРУ, «Рособоронэкспорт», «Адмиралтейские верфи», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Казанский вертолетный завод», «Объединенная судостроительная корпорация», «Иркут», МФТИ и другие – всего более 300 организаций [8].

Затем японский «санкционный список» был дополнен продукцией, «способствующей укреплению промышленной инфраструктуры» РФ, куда вошла грузовая техника, самосвалы, бульдозеры, железнодорожные локомотивы, обрабатывающие станки и другое электрическое оборудование, используемое в промышленности. Кроме того, был введен запрет на предоставление японскими компаниями услуг по бухгалтерскому учету, аудиту, консалтингу и трастовых услуг на территории России [8].

Япония ввела персональные санкции, включающие приостановку выдачи виз и заморозку активов, в отношении более 560 российских граждан. В их числе президент РФ, министр иностранных дел, члены правительства, обеих палат парламента, а также военные, чиновники, бизнесмены и некоторые члены их семей [8].

Также правительство Японии выслало восемь сотрудников посольства и торгового представительства России в Токио. В ответ на японские меры Россия 4 мая 2022 г. ввела запрет на въезд в страну 63 гражданам Японии, включая премьер-министра Ф.Кисиду, министра иностранных дел Ё.Хаяси, министра обороны Н.Киси, генерального секретаря кабинета министров Х.Мацуно, ряда депутатов парламента, журналистов, профессоров университетов. Затем с 14 июля российское правительство ввело аналогичные меры против 384 депутатов нижней палаты японского парламента, которые, по заявлению МИД РФ, «занимали недружественную антироссийскую позицию».

С начала военных действий на Украине ряд японских компаний заявил о приостановке или ограничении своей работы в России. В качестве побудительных мотивов таких шагов некоторые компании называли политическую ситуацию и репутационные риски, тогда как другие заявляли о нарушениях цепочек поставок, а также ссылались на негативные экономические последствия нынешних событий.

Среди них компании, владеющие предприятиями на территории РФ, – *Toyota* (остановила завод в Санкт-Петербурге), *Nissan* (прекратила экспорт, остановила завод в Санкт-Петербурге), *Komatsu* (прекратила экспорт, остановила завод в Ярославле), *Hitachi Construction* (остановила завод в Московской области), *Mazda* (остановила завод во Владивостоке), *Bridgestone* (остановила завод в Ульяновске), *Japan Tobacco* (заявила о выходе из России), *Uniqlo* (закрыла магазины одежды в России). В банковской сфере было объявлено о прекращении работы в РФ японской платежной системы *JCB*. О приостановке деятельности в России объявили такие известные японские компании как *Honda*, *Yamaha Motor*, *Nintendo*, *Sony*, *Epson*, *Shiseido*, *Hitachi*, *Mitsubishi Electric* и др.

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКИХ СОБЫТИЙ 2022 г. НА ПЕРЕГОВОРЫ ПО ЗАКЛЮЧЕНИЮ МИРНОГО ДОГОВОРА

Негативное влияние санкций, введенных правительством Японии в ответ на проведение РФ военной операции на Украине, распространилось на весь комплекс российско-японских отношений, включая переговорный процесс по проблеме мирного договора и делимитации границы.

5 марта 2022 г. распоряжением российского правительства Япония была включена в перечень недружественных стран наряду с еще 47 государствами, включая США, страны-члены ЕС, Великобританию, Канаду, Республику Корея и др.

21 марта 2022 г. российский МИД объявил о прекращении переговоров с Японией по мирному договору. Кроме того, российская сторона прекратила безвизовые поездки японских граждан на Южные Курилы, а также остановила диалог о налаживании совместной хозяйственной деятельности на островах. 5 сентября 2022 г. Россия вышла из российско-японских соглашений 1991 г. и 1999 г. об облегчении посещения южных Курильских островов японскими гражданами – бывшими жителями этих островов.

В качестве причин этих шагов РФ назвала невозможность вести диалог с недружественным государством, которое «сознательно сделало выбор в пользу антироссийского курса вместо развития взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства». Ответственность за ущерб двустороннему взаимодействию российская сторона возложила на Токио.

В Японии решение РФ прекратить переговоры по мирному договору вызвало протест. Глава МИД Ё.Хаяси заявил о несправедливости и недопустимости «перекалывания ответственности» на японскую сторону. Токио ужесточил риторику по территориальной проблеме с Россией.

В период нахождения у власти премьер-министра Японии С.Абэ (2006–2007 гг. и 2012–2020 гг.) официальные лица в Японии часто отказывались публично комментировать вопросы, связанные с проблемами мирного договора с Россией или территориального размежевания, объясняя это возможным негативным влиянием на ход правительственных переговоров. Однако после начала военной операции РФ на Украине в опубликованной в 2022 г. «Синей книге по дипломатии» Япония впервые с 2003 г. обозначила острова как «незаконно оккупированные» Россией [9]. Кроме того, острова были названы «неотъемлемой частью» Японии. Ранее, в 2012–2021 гг., «Синие книги по дипломатии» Японии обозначали «северные территории» как острова, «на которые распространяется суверенитет Японии».

Российские официальные лица, со своей стороны, также сделали ряд резких заявлений в отношении перспектив переговоров с Японией. Официальный представитель МИД РФ М.Захарова «рекомендовала навсегда забыть о территориальных претензиях Токио к Москве». Заместитель председателя Совета Безопасности РФ Д.Медведев в личном комментарии назвал «исторически оправданным» отказ от диалога по мирному договору, который, по его мнению, «всегда носил ритуальный характер» [10].

ПРИЧИНЫ РЕЗКОЙ РЕАКЦИИ ТОКИО

Реакцию японского правительства на военные действия на Украине в 2022 г. определило сочетание ряда внешних и внутренних факторов.

Важнейшим внешним фактором стала резкая негативная реакция ключевых международных партнеров Японии – США, стран ЕС и ряда стран АТР, – осудивших действия России. Премьер-министр Японии Ф.Кисида, министр иностранных дел Ё.Хаяси и другие официальные лица в своих выступлениях и комментариях неоднократно подчеркивали, что санкции в отношении России принимались в согласовании с США, странами-членами «большой семерки», ЕС. При этом Токио не выступал инициатором новых санкций, однако и не проявлял желания отступить от решений, принятых США и другими партнерами. Это заметно отличается от ситуации 2014 г., когда, вопреки позиции США и ряда стран G7, премьер-министр С.Абэ пошел на развитие диалога с российским президентом В.Путиным¹.

Еще одним значимым внешним фактором стал гораздо более значительный масштаб военных действий в 2022 г. по сравнению с 2014 г., сопровождающийся более существенными разрушениями в результате военных действий на территории Украины.

Особую роль в становлении позиции Японии по украинским событиям играет китайский фактор. По распространенному в Токио мнению, специальная военная операция России на Украине может подтолкнуть Китай к более решительным действиям по обретению контроля над Тайванем. Кроме того, сохраняется напряженная ситуация в Восточно-Китайском море вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, находящихся под управлением Японии, но оспариваемых Китаем. Поэтому жесткая реакция Токио на украинские события должна стать для Пекина предупреждением о высокой цене, которую придется заплатить за попытки изменить статус-кво при помощи силы в Восточной Азии [11].

По словам бывшего премьер-министра С.Абэ: «То, что произошло с Украиной, может произойти с Тайванем. Чтобы не допустить возникновения такой ситуации, международное сообщество должно объединиться и выступить против России, а также наложить на неё жесткие санкции» [12]. Премьер-министр Ф. Кисида также заявил: «То, что происходит на Украине сегодня, завтра может произойти в Восточной Азии», имея в виду возможные военные действия КНР².

Ключевым внутренним фактором, определившим поведение Токио после украинских событий в 2022 г., стала решимость нынешнего японского правительства на деле реализовать намерение играть более активную роль на международной политической арене.

Согласно распространенной в Токио интерпретации внешнеполитической стратегии, чтобы занять достойное место в формирующемся международном порядке, характеризующемся, с одной стороны, снижением однозначного доминирования США, а с другой стороны – ростом влияния Китая и усиливающимся противостоянием между Пекином и Вашингтоном, Японии необходимо активнее взаимодействовать со странами, разделяющими с ней общие взгляды на международный порядок.

Сейчас к таким странам относятся, помимо США, Великобритания, Австралия, государства-члены ЕС, прежде всего, Германия и Франция, а также ряд стран АТР. Участие в антироссийском фронте воспринимается как шаг по укреплению солидарности со странами-партнерами, что, в свою очередь, важно для позиционирования страны в качестве одного из западных лидеров.

Кроме того, согласно мнению, распространенному в японских политических кругах, сближение между Россией и Японией в 2013–2020 гг., инициатором которого выступал С.Абэ, не принесло желаемых результатов.

Во-первых, несмотря на предпринятые японской стороной усилия по развитию экономического сотрудничества с Россией, Москва не пошла на уступки по территориальному вопросу. Не понравилось также японской стороне и то, что российские власти продолжили развитие южных Курильских островов, включая строительство на них промышленных и инфраструктурных объектов.

Во-вторых, одним из побудительных мотивов по сближению с Москвой для С.Абэ стала попытка не допустить объединения России и Китая на антияпонской основе. Однако российско-китайские отношения, в особенности в военно-политической сфере, укрепились за последние 8 лет. Так, обеспокоенность в Японии вызвали российско-китайские учения 2021 г. «Морское взаимодействие», в ходе которых 5 российских и 5 китайских кораблей прошли через Сангарский пролив между главным Японским островом Хонсю и северным островом Хоккайдо. В марте 2022 г. во время украинского конфликта 10 российских кораблей совершили проход через Сангарский пролив. Эти шаги были напряженно восприняты в Токио и оценены как вызов своей безопасности.

¹ Interfax, 22.03.2022.

² Reuters, 06.05.2022.

Негативное отношение японской общественности к военной операции РФ на Украине определяется сохранившимся в Японии, по крайней мере, в качестве социально одобряемой поведенческой нормы, пацифизмом и неприятием военных действий, основанным на собственном негативном опыте ведения войны, сопровождавшейся многочисленными жертвами и разрушениями.

Несмотря на то, что в последние годы в японском обществе актуализируется запрос на «пересмотр» итогов Второй мировой войны и статуса Японии как пораженной в правах «проигравшей нации», пацифизм остается важнейшим элементом идентификационной матрицы и политической культуры японцев [13]. Значимым фактором стало регулярное освещение украинских событий японскими и ведущими зарубежными СМИ, а также постоянное присутствие данной темы в популярных социальных сетях. Как показывали опросы общественного мнения в марте 2022 г., 86% респондентов в Японии поддерживали санкции в отношении России из-за украинских событий [14].

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И тем не менее диалог между Россией и Японией во время украинского конфликта 2022 г. не был окончательно остановлен.

Во время активной фазы военных действий на Украине продолжались консультации в сфере рыболовства. Сохраняется кооперация между ведомствами стран при возникновении чрезвычайных ситуаций вблизи российско-японской границы. Требуют решения вопросы обеспечения работы остающихся на территории РФ японских предприятий. После окончания конфликта на Украине можно надеяться на возобновление контактов в гуманитарной сфере. Однако для восстановления отношений между Россией и Японией потребуется длительное время.

При определении вариантов развития отношений с Россией после окончания активной фазы украинского конфликта Япония будет, прежде всего, ориентироваться на решения, принятые международным сообществом, в т.ч. в рамках G7. Поскольку Япония, наряду с другими западными странами, на официальном уровне поставила задачу «изолировать Россию от международной финансовой системы и мировой экономики» [6], вероятно, на длительное время сохранятся японские санкции в финансовой, торгово-экономической, военной и научно-технической сферах. Ожидается значительное снижение торгово-экономической и инвестиционной активности японских компаний в России в последующие несколько лет. При этом наибольший ущерб двусторонним отношениям будет нанесен в случае выхода Японии из энергетических проектов в России.

В политической сфере на длительное время останутся замороженными контакты военных ведомств двух стран. Существует вероятность возобновления российско-японского диалога в области безопасности на региональных площадках в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где стороны имеют общие интересы, включая противодействие терроризму, трансграничной преступности, наркотрафику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что касается диалога по мирному договору, его возобновление возможно в случае снижения конфронтации между сторонами на политическом и дипломатическом уровне, перехода к трезвой оценке позиций сторон, целей и достижимых результатов будущих переговоров. Это в текущих условиях представляется маловероятным. Новые переговоры Москвы и Токио будут проходить в изменившейся международной обстановке, роль и место России в которой будет определяться по итогам нынешнего украинского кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Японии К.Гэмбой, Сочи, 28 июля 2012 года. <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/1611519> (accessed 02.08.2022)
The Speech and Answers of the Russian Minister of Foreign Affairs S.V.Lavrov to Mass Media Questions in the Course of the Joint Press Conference According to the Results of Negotiations with the Japanese Minister of Foreign

- Affairs K. Gemba, Sochi, 28 July 2012. Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russ.). <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/1611519> (accessed 02.08.2022)
2. Интервью посла России в Японии М.Ю.Галузина информационному агентству «Интерфакс», 10 февраля 2022 года. <https://mid.ru/ru/maps/jp/1797839/> (accessed 04.05.2022)
Interview of Mikhail Galuzin, the Ambassador of the Russian Federation to Japan to Interfax News Agency. 10.02.2022. (In Russ.). <https://mid.ru/ru/maps/jp/1797839/> (accessed 04.05.2022)
3. Вода К.Р. Территориальная проблема в российско-японских отношениях в 2013–2019 гг. *Пути к миру и безопасности*, 2019, № 2, с. 9–20.
Voda K.R. 2019. Territorial Issue in the Russian-Japanese relations in 2013–2019. *Pathways to Peace and Security*. № 2, pp. 9–20. Moscow. (In Russ.)
4. 林外務大臣会見。YouTube 外務省動画チャンネル。令和4年2月22日。
Press Conference of the Minister for Foreign Affairs of Japan Y.Hayashi. 22 February 2022. (In Japan.). <https://www.youtube.com/watch?v=xDN0oW5nPcc> (accessed 04.05.2022)
5. 岸田内閣総理大臣記者会見。首相官邸のホームページ。令和4年2月25日。
Prime Minister of Japan Fumio Kishida. Press conference, 25 February 2022. Prime Minister of Japan and His Cabinet. (In Japan.). https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2022/0225kaiken2.html (accessed 10.03.2022)
6. Response following Russia's aggression towards Ukraine. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/ongoingtopics/pdf/jp_stands_with_ukraine_rus.pdf (accessed 6.08.2022)
7. Imahashi R. Walking a Tightrope: Ukraine War Puts Japan's Energy Security on Thin Ice. *Nikkei Asia*. 04 May 2022. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Big-Story/Walking-a-tightrope-Ukraine-war-puts-Japan-s-energy-security-on-thin-ice> (accessed 12.05.2022)
8. ウクライナ情勢に関する外国為替及び外国貿易法に基づく措置について。経済産業省のホームページ。令和4年2月12日。
Measures Based on the Foreign Exchange and Foreign Trade Law Concerning the Situation in Ukraine. Ministry of Economy, Trade and Industry, *METI*. (In Japan.). https://www.meti.go.jp/policy/external_economy/tradeIn (accessed 19.05.2022)
9. Japan Diplomatic Bluebook. https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html_control/01_seido/04_seisai/downloadCrimea/20220412press_russia.pdf (accessed 06.08.2022)
10. Japan PM Abe Says Wants Dialogue with Putin Despite G7 Threats. *Reuters*. 05 June 2014. <https://www.reuters.com/article/uk-g7-japan-russia-idUKKBN0EG1QY20140605> (accessed 29.04.2022)
11. Kawashima S. China and the War in Ukraine: Anatomy of a Tightrope. *Nippon.com*. <https://www.nippon.com/en/in-depth/a08101/> (accessed 29.06.2022)
12. Interview with Former Prime Minister of Japan Shinzo Abe and Post-Interview Analysis. Woodrow Wilson Center. Official YouTube Channel. 31 March 2022. <https://www.youtube.com/watch?v=xN1TR-zpXPo&list=WL&index=18&t=1084s> (accessed 29.06.2022)
13. Чугров С.В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5, с. 22–45.
Chugrov S. 2020 Rethinking the results of World War II in Contemporary Japan. *Polis. Political Studies*. № 5, p. 22–45. Moscow. (In Russ.)
14. 86% Back Japan's Sanctions on Russia over Invasion in Ukraine: Poll. 20 March 2022. <https://english.kyodonews.net/news/2022/03/65dff5d6bb6c-breaking-news-support-rate-for-japan-cabinet-rises-to-601-kyodo-poll.html> (accessed 29.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вода Кристина Рудольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Kristina R. Voda, PhD (Political Science), Senior Researcher, Center of Asia-Pacific Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 07.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 03.12.2022

Принята к публикации
(Accepted) 20.12.2022

Политика санкций и ограничений США в отношении Китая. Тактические контрмеры Пекина и потенциал стратегического противодействия

© Вахрушин И.В.^a, 2023

^a ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6750-4620; ivmarin14@mail.ru

Резюме. В статье анализируется санкционная политика США в отношении Китая. После длительного периода конструктивных в целом китайско-американских отношений с избранием президентом США Д.Трампа Вашингтон начал проводить акцентированную антикитайскую политику, что вылилось в полноценную торговую войну и технологическое противостояние двух стран.

За последние годы США ввели рестрикции по целому ряду направлений (военно-промышленный комплекс Китая, САР Гонконг, Синцзян-Уйгурский автономный район КНР), но особенно чувствительны для Пекина ограничения, введенные в отношении технологических компаний. На фоне санкционного давления Вашингтона Пекин принимает активные контрмеры. Разработано и принято национальное антисанкционное законодательство, провозглашен курс на достижение технологической самодостаточности. К возможным санкциям активно готовится финансовый сектор, в частности, ускорив процессы диверсификации и дедолларизации активов, интернационализации юаня. Многие китайские компании покидают американские фондовые площадки и переходят на Гонконгскую биржу. Несмотря на это, сделан общий вывод, что к настоящему времени в отношении Китая введены хотя и чувствительные, но все же довольно ограниченные санкции, в целом не оказывающие значительного влияния на социально-экономическое развитие страны.

Ключевые слова: Китай, США, американская политика сдерживания, антикитайские санкции, технологическая война, антисанкционное законодательство КНР, китайский опыт преодоления санкций

Для цитирования: Вахрушин И.В. Политика санкций и ограничений США в отношении Китая. Тактические контрмеры Пекина и потенциал стратегического противодействия. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 14–24.
DOI: 10.31857/S032150750024062-0

The US policy of Sanctions and Restrictions against China. Beijing's Tactical Countermeasures and Strategic Counteraction Potential

© Ivan V. Vakhrushin^a, 2023

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6750-4620; ivmarin14@mail.ru

Abstract. A sharp reversal of the Chinese vector of the US foreign policy inevitably came with the election of Donald Trump to the presidency in 2017, whose entire election campaign was accompanied by accentuated anti-Chinese rhetoric.

Beijing's response to the powerful pressure of the Trump administration was not the curtailment of state industrial development programs (Made in China – 2025, etc.) required by Washington, but the proclamation of a course to ensure the country's economic security, increase the level of technological self-sufficiency, further strengthen the role of the domestic market and reduce dependence on exports. In particular, the latest provisions were included in the "double circulation" policy adopted in October 2020.

By now, Washington has imposed on China, though sensitive, still limited sanctions which generally do not have a significant impact on the socio-economic development of the country. Even with the WH's firm political will, effective sanctions potential of the US against China is significantly limited due to enormous interdependence of the two largest world economies.

In general, the US sanctions of recent years against China can be divided into two large blocks: officially justified by the interests of US national security (restrictions on telecommunications companies, the ban of Chinese software, etc.) and related to accusations of human rights violations (restrictions on Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC and Hong Kong SAR). However, in some cases the real reason for the restrictions imposed is the desire of the United States to contain China in the context of general political, economic and technological rivalry of the two countries.

Keywords: China, USA, the US deterrence policy, anti-Chinese sanctions, technological war, anti-sanctions legislation of China, Chinese experience in overcoming sanctions

For citation: Ivan V. Vakhrushin. The US Policy of Sanctions and Restrictions against China. Beijing's Tactical Countermeasures and Strategic Counteraction Potential. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 14–24. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024062-0

ВВЕДЕНИЕ

На фоне мощнейшего санкционного давления, с которым столкнулась наша страна, актуализируется задача изучения зарубежного опыта противодействия санкциям. В этом отношении полезным и во многом релевантным представляется опыт КНР как крупнейшего государства, подвергавшегося масштабным санкциям и довольно успешно преодолевавшего их негативное воздействие.

В соответствии с международным правом санкции представляют собой ограничения и запреты политического и экономического характера в отношении государств, своими действиями нарушивших, в представлении мирового сообщества, общепризнанные нормы и ценности. Такие меры призваны подавить социально-экономическую активность в стране, подорвать её экономический потенциал с целью принудить её правительство к уступкам и изменению проводимой политики.

Ввиду вышесказанного, серии обоюдного повышения импортных пошлин в ходе китайско-американской торговой войны находятся за рамками данного исследования, поскольку эти меры по своей сущности не относятся к санкциям, а являются стандартными инструментами таможенно-тарифного регулирования внешней торговли.

Впервые США выступили инициатором введения в отношении КНР масштабных санкций после трагических событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине (июнь 1989 г.). Политика Вашингтона была поддержана большинством развитых стран Запада. Перечень введенных рестрикций был достаточно широк и включал приостановление всех политических контактов на высоком уровне, сворачивание программ кредитования и сотрудничества на уровне государств, международных финансовых организаций и национальных финансовых институтов, запрет на поставки в КНР всех видов вооружений и продукции двойного назначения, резкое сокращение научно-технического сотрудничества, культурного, образовательного и туристического обменов.

Мощным ассиметричным ответом Пекина тогда стала активизация политики открытости и реформ с акцентом на либерализацию внутриэкономической деятельности и стремительное расширение внешнеэкономических контактов с новыми государствами. Довольно быстрым результатом этих мер стал скачок ключевых экономических показателей КНР. На этом фоне США и другие западные страны были вынуждены уже с 1990 г. начать постепенно ослаблять санкционное давление ввиду опасений окончательно потерять в лице Китая перспективнейшего торгово-экономического партнера [1].

Предпосылки для инициирования Вашингтоном полномасштабной политики сдерживания в отношении Пекина формировались по мере наращивания Китаем экономической, технологической и отчасти военной мощи. В качестве периода оттепели в двусторонних отношениях можно рассматривать 2 срока президентства Б.Обамы, который для достижения конструктивного сотрудничества допускал определенные уступки Пекину, в частности, уважительно относясь к принципу «одного Китая» применительно к Тайваню. В 2009 г. США присоединились к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, подписанному в 1976 г. 5 странами-основателями АСЕАН: Сингапуром, Индонезией, Малайзией, Таиландом и Филиппинами. Договор, принципы которого основываются на мире, мирном сосуществовании, уважении суверенитета государств, сотрудничестве и борьбе с угрозами и насилием, Китай подписал в 2003 г.

Однако резкий разворот китайского вектора внешней политики Вашингтона неизбежно наступил с избранием в 2017 г. на пост президента США Д.Трампа, вся избирательная кампания которого сопровождалась акцентированной антикитайской риторикой [2].

Ответом Пекина на мощное давление администрации Д.Трампа стали не требуемые Вашингтоном либерализация экономики и сворачивание государственных программ развития промышленности (Сделано в Китае – 2025 и др.), а провозглашение курса на обеспечение экономической безопасности страны, повышение уровня технологической самодостаточности, дальнейшее укрепление роли внутреннего

рынка и сокращение зависимости от экспортных поставок. В частности, последние положения были закреплены в политике «двойной циркуляции»¹, принятой на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (октябрь 2020 г.) и положенной в основу составления 14-го 5-летнего плана социально-экономического развития страны (2021–2025 гг.) [3].

Помимо ужесточения официальной антикитайской риторики Вашингтона, на президентский срок Д.Трампа также пришелся резкий скачок количества принятых в отношении Китая ограничительных мер, связанных главным образом с обвинениями в нарушении прав человека и распространении пандемии коронавируса. Так, если в 2014–2016 гг. санкции были введены лишь в отношении 28 граждан и организаций КНР, то в 2017–2019 гг. подобных ограничений насчитывалось уже 118 [4].

В целом конфронтационная политика США в отношении Китая в последние годы включала несколько составляющих: активная поставка вооружений и наращивание военного сотрудничества с Тайванем; санкции в отношении физических лиц и организаций, связанных с «нелегальной деятельностью» (строительством насыпных островов) в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях; давление на Пекин в связи с акциями протеста в Гонконге; повышение импортных пошлин в рамках торговой войны; рестрикции в отношении отдельных компаний и организаций как инструмент технологического сдерживания [5].

ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ

Академическое сообщество Китая предлагает различные оценки перспектив и возможностей страны в торгово-экономическом и технологическом противостоянии с США. Так, заместитель декана Школы международных исследований Народного университета Китая проф. Цзинь Цаньжун в своей статье утверждает, что у Китая есть три «короля» (козыря) в торгово-экономическом противостоянии с США. К «малым королям» автор относит, во-первых, полный запрет поставок редкоземельных металлов в США (Китай обеспечивает 70% их мирового производства).

Во-вторых, Пекин может продать государственные облигации США. «Большой король», по мнению проф. Цзиня, обусловлен значимостью китайского рынка для американских компаний. Так, для корпорации *Apple* китайский рынок является вторым по значимости после самих США. Китай, например, может ограничить продажи *Apple*, потребовав оснащать всю её продукцию модулями китайской системы геопозиционирования *Beidou*².

Напротив, директор Института международных финансов Восточно-китайского педагогического университета проф. Хуан Цзэминь отмечает, что колоссальные вложения Китая в казначейские облигации США обусловлены структурой его валютных резервов, которые в т.ч. необходимы для поддержания стабильности китайского финансового рынка. Китай, по сути, вынужден хранить свои накопления в американских ценных бумагах, в то время как их гипотетическая массовая продажа повлечет за собой серьезные финансовые потери для Пекина. Таким образом, вложения в американские долговые обязательства – это, скорее, проблема Китая, а не США³.

Обсуждается также гипотетическая возможность девальвации юаня к доллару до уровня, который компенсировал бы повышенные американские импортные пошлины, т.е. примерно на 25%. По мнению китайских экспертов, такой шаг Пекина может привести к дестабилизации финансового рынка при том, что его стабильность является приоритетом для Пекина. Например, за последние годы китайские компании заняли около \$2 трлн за пределами КНР, в основном в валютах, привязанных к доллару. Таким образом, девальвация юаня приведет к обратно пропорциональному росту задолженности этих компаний⁴.

Неизбежное нарастание глобального китайско-американского противостояния также актуализировало для китайских исследователей вопрос о возможной конфигурации отношений в треугольнике Вашингтон – Москва – Пекин. Отмечается, в частности, что в рамках этой конструкции существует потенциал для дальнейшего повышения уровня стратегических отношений между Россией и Китаем на

¹ Стратегия экономического развития «двойная циркуляция» делает главный акцент на «внутреннем цикле» – разработке, производстве и потреблении товаров внутри самого Китая. При этом сохраняется и менее значимый «внешний цикл» – импорт иностранной и экспорт китайской продукции, преимущественно с высокой добавленной стоимостью (прим. авт.).

² <https://new.qq.com/omn/20190512/20190512A053RC.html> (accessed 07.09.2022)

³ <https://www.dw.com/zh/美债贸易战中的中国王牌抑或烫手山芋/a-48762067> (accessed 06.09.2022)

⁴ <http://www.chinafile.com/conversation/what-are-we-getting-wrong-about-trade-war> (accessed 10.09.2022)

базе стратегии «интеграции экономики и безопасности (политики)» как инструмента совместного противодействия давлению США. Конкурентным преимуществом России здесь является большой опыт использования инструментов в сфере внешней политики и безопасности, на стороне Китая – гигантский экономический потенциал [6].

САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ КОМПАНИЙ

Американская политика рестрикций в отношении китайского телекоммуникационного сектора берет начало в марте 2017 г., когда Министерство торговли (Минторг) США наложило на компанию *ZTE*, крупного китайского разработчика и поставщика телекоммуникационного оборудования и сетевых решений, штраф в размере \$1,2 млрд за поставку американских технологий в Иран и КНДР в нарушение введенных санкций.

Далее, в апреле 2018 г. Минторг США ввел 7-летний запрет на сотрудничество с *ZTE*, после чего китайская компания объявила о приостановке своей работы на американском рынке.

В мае 2018 г. американские власти запретили госучреждениям закупать камеры для наружного наблюдения китайского производства. Под запрет попала продукция *Hangzhou Hikvision Digital Technology* (далее – *Hikvision*), которая на 41% принадлежит китайскому правительству и является крупнейшим в мире производителем оборудования для видеонаблюдения, а также продукция китайских компаний *Dahua Technology*, мирового лидера в области профессиональных, частных телекоммуникационных решений, и *Hytera Communications*, разрабатывающей многофункциональные сети передачи голоса, видео, данных для заказчиков в сфере общественной безопасности.

В августе 2018 г. Д.Трамп подписал указ о запрете правительственным ведомствам США использовать оборудование, произведенное китайскими компаниями *Huawei* и *ZTE*. В мае 2019 г. Минторг США внес *Huawei* и 70 аффилированных с ней структур в свой специальный перечень («черный список»), что значительно ограничило возможности компании закупать высокотехнологичное оборудование в США⁵.

В августе 2020 г. в отношении *Huawei* введен полный запрет на продажу ей чипов, а также их собственное производство компанией с использованием оборудования, компонентов и технологий американского происхождения.

Тогда же новыми правилами по регулированию федеральных закупок были запрещены поставки правительству США любых товаров или услуг компаний, которые в каком-либо виде используют продукцию 5 китайских компаний (*Huawei*, *ZTE*, *Hytera Communications*, *Hikvision* и *Dahua Technology*).

Попавшие под санкции компании приняли ряд мер по преодолению их негативных последствий. Так, после первых введенных рестрикций *Huawei* начала формировать значительные запасы импортных чипов. В 2018 г. компания закупила высокотехнологичных компонентов на \$13 млрд, в 2019 г. – уже на \$23,5 млрд⁶.

Под давлением санкций *Huawei* практически полностью ушла с международного рынка смартфонов, а её доля на домашнем рынке сократилась до 6%. Резкое падение выручки смартфонного сегмента частично было компенсировано ростом продаж другой электроники. С целью предотвратить дальнейший обвал компания начала активно развивать другие направления бизнеса, начиная с интеллектуальной добычи полезных ископаемых и заканчивая электромобилями⁷.

В стремлении спасти смартфонный бизнес *Huawei* нашла способ обойти санкции США путем передачи лицензий на производство своих смартфонов другим китайским компаниям, не ограниченным в доступе к американским технологиям. Так, *Huawei* наладила выпуск собственных смартфонов под маркой китайского производителя телекоммуникационного оборудования компании *TD Tech*. Фактически же последняя закупает оборудование у *Huawei* и маркирует его своим именем.

В ноябре 2020 г. *Huawei* продала свой бизнес по производству бюджетных смартфонов *Honor* консорциуму *Shenzhen Zhixin New Information Technology*, выпускающему потребительскую электронику,

⁵ Включение компании в данный перечень влечет запрет для американских компаний поставлять ей товары, услуги и технологии без специальной лицензии Минторга США (прим. авт.).

⁶ <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Huawei-crackdown/Huawei-builds-up-2-year-reserve-of-most-important-US-chips> (accessed 05.09.2022)

⁷ <https://mobile-review.com/news/huawei-investiruet-1-mlrd-v-sozdanie-texnologij-avtonomnogo-vozhdeniya-i-elektromobilej> (accessed 03.09.2022)

что позволило вывести эти смартфоны из-под санкций США и закупать для них чипы 5G у иностранных поставщиков, включая американскую *Qualcomm* и тайваньскую *MediaKit*.

Несмотря на ряд введенных ограничений и неоднозначную репутацию компании в ЕС, *Huawei* планирует активизировать усилия на европейском направлении. В частности, началось строительство завода по производству оборудования для сетей 4G и 5G во Франции.

Что касается *Hikvision*, по оценке *Bloomberg*, до 80% оборота компании изолировано от торговых санкций США. В среднесрочной перспективе она сможет закупать альтернативные компоненты у местных поставщиков. По заявлениям самой *Hikvision*, несмотря на сокращение активности на американском направлении, внутренний рынок является основным для формирования выручки. Компания была готова к введению санкций и создала значительный запас импортных комплектующих для продолжения бесперебойной работы⁸.

По данным компании *Forescout*, китайские камеры продолжают работать более чем в 2700 федеральных государственных учреждениях США. Более того, даже спустя год после вступления в силу запрета камеры производства *Hikvision* и *Dahua* все еще можно было приобрести на онлайн-площадке, где правительственные ведомства и учреждения США закупают оборудование.

САНКЦИИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В августе 2020 г. Д.Трамп подписал указы о запрете американским гражданам и организациям в целях обеспечения национальной безопасности вести дела с китайскими компаниями *ByteDance* и *Tencent* – мировыми лидерами по объёмам выручки от принадлежащих им мобильных приложений *TikTok* и *Wechat* соответственно. Американские онлайн-магазины были вынуждены исключить указанные приложения из продажи, а госслужащим запретили использовать их на служебных устройствах⁹.

В июне 2021 г. Дж.Байден подписал указ, которым отменены вышеназванные указы и установлены критерии для идентификации потенциально опасного ПО, несущего риски для персональной информации граждан США и служебной деловой информации. К потенциально опасному отнесено ПО, разработанное, произведенное или поставленное организациями, аффилированными с иностранными государствами-противниками США, включая КНР.

В апреле 2021 г. Минторг США внес в свой «черный список» ведущих китайских разработчиков суперкомпьютеров для оборонного комплекса, включая национальные суперкомпьютерные центры Цзинаня, Шэньчжэня, Уси, Чжэнчжоу, Шанхайский центр проектирования высокопроизводительных интегральных схем, а также компании *Sunway Microelectronics* и *Tianjin Phytium Information Technology* [7]. В Вашингтоне считают, что новые члены списка «участвовали в создании суперкомпьютеров, используемых вооруженными силами КНР в дестабилизирующих усилиях Китая в сфере военной модернизации и/или в программах создания оружия массового поражения».

САНКЦИИ В ВАЛЮТНОЙ СФЕРЕ

В августе 2019 г., после того как курс китайского юаня преодолел психологически важную отметку в 7 юаней за \$1 (впервые за 10 с лишним лет), министр финансов США С.Мнучин по указанию Д.Трампа принял решение о присвоении Китаю статуса валютного манипулятора (впервые с 1994 г.). По мнению США, Китай нарушил обязательство, принятое в рамках «Группы 20», о недопущении девальвации национальной валюты с целью получения конкурентных преимуществ. По данным Вашингтона, Народный банк Китая (НБК) намеренно позволил юаню девальвироваться более чем на 2%.

Вместе с тем, по мнению ряда американских экспертов, указанное обесценение юаня не было рукотворным, а стало естественной реакцией валютного рынка на вновь введенные Вашингтоном повышенные импортные пошлины¹⁰.

⁸ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-10-19/china-surveillance-giant-warns-of-client-losses-after-u-s-curbs> (accessed 03.09.2022)

⁹ <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-addressing-threat-posed-wechat/> (accessed 07.09.2022)

¹⁰ <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/08/06/by-naming-china-currency-manipulator-mnuchin-has-damaged-his-credibility/> (accessed 08.09.2022)

В ответном заявлении НБК отметил, что будет и далее внедрять инновации и обогащать инструментарий контроля на валютном рынке. Минфином США это было воспринято фактически как признание выдвинутых обвинений¹¹.

Статус валютного манипулятора, помимо причинения репутационного ущерба стране, предусматривает также возможность исключения китайских компаний из программы госзакупок США¹².

Минфин США отозвал статус в январе 2020 г., незадолго до подписания 1-й фазы китайско-американской торговой сделки. Решение было обосновано тем, что в период с сентября по октябрь 2019 г. курс китайской национальной валюты окреп с 7,18 до 6,93 юаней за \$1. Также было отмечено, что в рамках 1-й фазы сделки Китай взял на себя обязательство в дальнейшем не прибегать к практике конкурентной девальвации юаня, а также публиковать данные об обменном курсе и платежном балансе¹³.

СИТУАЦИЯ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Последовательное проведение Китаем политики закрытой финансовой модели с опорой на внутренние финансовые ресурсы и ограничением трансграничных потоков капитала делает финансовый сектор страны значительно менее уязвимым перед санкционным давлением в сравнении со странами с открытой финансовой системой.

Более того, Китай активно и успешно развивает собственные международные проекты в финансовой сфере, которые являются потенциальными страховочными инструментами на случай введения масштабных санкций.

Так, уже с 2002 г. функционирует национальная платежная система *China UnionPay*. На сегодняшний день её карты принимают в 180 и выпускают в 70 странах. В общей сложности выпущено более 150 млн карт. По данным *Nilson Report*, в 2020 г. по объему транзакций *UnionPay* была на 2-м месте с долей 32% после *Visa* (40%). Однако пока абсолютное большинство платежей в системе осуществляется внутри Китая¹⁴.

В 2015 г. Китай запустил систему *CIPS* (*Cross-border Interbank Payment System* – Трансграничная межбанковская платежная система – в определенной мере аналог *SWIFT*), которая позволяет проводить платежи в юанях, евро и долларах. К системе подключено порядка 1200 банков более чем в 100 странах. Однако говорить о глобальных перспективах проекта пока не приходится: по своему размеру *CIPS* составляет всего около 0,3% *SWIFT*, а на долю юаня в международных расчетах приходится лишь около 2%.

По некоторым оценкам, китайская система может функционировать автономно, однако *SWIFT* и *CIPS* взаимосвязаны, при этом *CIPS* является лишь сегментом глобальной *SWIFT* и критически зависит от её технологий. По мнению китайских экспертов, в настоящее время банковская система КНР не готова к гипотетическому отключению от *SWIFT*¹⁵.

В мае 2022 г. правительство Китая начало принимать превентивные меры на случай введения США масштабных санкций против финансового сектора, в первую очередь, блокировки золотовалютных резервов. В частности, Пекин ускоряет процесс диверсификации и дедолларизации резервов. По данным Минфина США, в апреле 2022 г. НБК сократил вложения в казначейские облигации США на \$150 млрд против \$15 млрд в марте. Активизируется процесс интернационализации юаня. Прорыву на этом направлении, в частности, сможет способствовать вероятное достижение договоренности с Саудовской Аравией о переходе на расчеты в китайской валюте за поставки нефти.

Регуляторы КНР также предписали всем системообразующим финансовым учреждениям провести стресс-тесты для определения степени устойчивости финансового сектора к санкциям в рамках «российского» сценария¹⁶.

¹¹ <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm751> (accessed 15.09.2022)

¹² <https://www.reuters.com/article/cnews-us-usa-trade-china-currency-idCAKCN1UV2BK-OCATP> (accessed 06.09.2022)

¹³ <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-idUSKBN1ZC2FV> (accessed 11.09.2022)

¹⁴ <https://www.paymentsdive.com/news/unionpay-expands-pact-with-fiserv/618489/> (accessed 02.09.2022)

¹⁵ <http://merics.org/en/short-analysis/digital-yuan-will-only-lend-minor-boost-internationalization-currency> (accessed 12.09.2022)

¹⁶ <https://www.ft.com/content/45d5fcac-3e6d-420a-ac78-4b439e24b5de> (accessed 09.09.2022)

ОГРАНИЧЕНИЯ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

В конце 2020 г. в США был принят Закон о холдинговой отчетности иностранных компаний (*Holding Foreign Companies Accountable Act – HFCAA*), в соответствии с которым в случае непредставления публичными иностранными компаниями аудиторских отчетов в течение 3 лет подряд их акции будут подвергнуты делистингу (т.е. будут исключены из котировального списка) с фондовых бирж США.

В июне 2021 г. принят Закон об ускорении подотчетности иностранных компаний, который, по сути, является поправкой к *HFCAA* и сокращает предельный срок представления аудиторских отчетов с 3 до 2 лет¹⁷.

Под таким регулятивным давлением рыночная капитализация китайских компаний в США сократилась на \$600 млрд (с максимума в \$2 трлн). 12 из 15 крупнейших китайских корпораций с листингом в США уже получили параллельный листинг в Гонконге.

На этом фоне Гонконгская фондовая биржа упростила требования для получения параллельного листинга. По оценкам *Goldman Sachs*, одного из крупнейших в мире инвестиционных банков, эти меры в ближайшей перспективе откроют доступ на биржу Гонконга по крайней мере для 27 крупнейших китайских компаний, котирующихся в Нью-Йорке¹⁸.

По данным Комиссии по ценным бумагам и биржам США (*SEC*), в соответствии с *HFCAA* в настоящее время 273 китайские компании находятся под угрозой делистинга с американских бирж. С учетом этого в марте 2022 г. финансовые регуляторы КНР предложили главным игрокам сектора электронной коммерции (*Alibaba, Baidu, JD.com* и др.) подготовиться к большому раскрытию информации, в частности, аудиторских отчетов за 2021 г. Таким образом, в интересах сохранения американского листинга высокотехнологичных корпораций Пекин рассматривает возможность предоставления их рабочих аудиторских документов надзорным органам США¹⁹.

САНКЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С СУАР

В октябре 2019 г. Минторг США внес 28 китайских организаций в «черный список» в связи с их предполагаемой причастностью к нарушениям прав мусульманских этнических меньшинств, населяющих Синцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР.

В список попали Управление общественной безопасности СУАР, 19 подчиненных ему организаций, а также 8 компаний, включая крупнейших производителей систем видеонаблюдения и распознавания лиц – *Hikvision, Megvii Technology, SenseTime Group*²⁰.

В январе 2021 г. Таможенная и пограничная служба США издала приказ о порядке задержания и освобождения товаров, произведенных с использованием принудительного труда в СУАР. Документ разрешает задерживать подозрительные товары в любом национальном порту ввоза вплоть до выяснения их происхождения и возможной связи с использованием принудительного труда в СУАР.

В декабре 2021 г. Дж.Байден подписал Закон о предотвращении принудительного труда уйгуров. Документом введен запрет на импорт в США товаров, произведенных полностью или частично в СУАР, в том числе предприятиями, содействующими правительству СУАР в организации и применении принудительного труда, а также компаниями, использующими материалы и комплектующие из СУАР.

В стремлении избежать попадания в «черный список» местные компании стали проводить аудит в сфере соблюдения прав человека и трудовых отношений, а также составлять отчеты на основе результатов проверки всей цепочки поставок при производстве конечной продукции. Подобные отчеты принимаются правительством США и являются весомым аргументом в пользу компании в случае привле-

¹⁷ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-27/why-delisting-is-a-worry-in-china-u-s-market-mess-quicktake?sref=cus85deZ> (accessed 07.09.2022)

¹⁸ <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/us-china-financial-market-tensions-the-road-to-riches-or-ruin/> (accessed 04.09.2022)

¹⁹ <https://www.reuters.com/business/exclusive-chinese-regulators-ask-some-us-listed-firms-prepare-audit-disclosures-2022-03-23/> (accessed 12.09.2022)

²⁰ <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2019/10/us-department-commerce-adds-28-chinese-organizations-its-entity-list> (accessed 11.09.2022)

чения международно-признанной аудиторской фирмы и обеспечения компанией должной прозрачности. При этом сбор необходимых данных на территории КНР может быть затруднен, поскольку китайские поставщики опасаются предоставлять информацию о происхождении своей продукции в интересах американского законодательства²¹.

В качестве упреждающей меры рядом компаний также применяется практика открытости и прозрачности. Так, корпорация *Daqo New Energy* (крупный производитель полисиликона для солнечных панелей в СУАР) открыла для представителей международной общественности (журналисты, представители финансовых кругов и пр.) доступ к своим производственным площадкам²².

САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ КИТАЯ

В январе 2021 г. одним из последних указов Д.Трампа был введен запрет организациям и гражданам США инвестировать в китайские предприятия, осуществляющие разработки в интересах ВПК Китая. В соответствии с документом запрещены сделки купли-продажи публично торгуемых ценных бумаг компаний, включенных в соответствующий перечень («черный список») Минфина США. Американские инвесторы обязаны избавиться от активов таких компаний в течение 1 года со дня их внесения в перечень. В качестве обоснования указа был приведен закон 1999 г., обязывающий Пентагон составлять каталог компаний, принадлежащих вооруженным силам КНР или контролируемых ими²³.

К настоящему времени перечень увеличился с 9 до 59 компаний. Он, в частности, включает авиастроительные корпорации *COMAC* и *AVIC*, нефтяного гиганта *CNOOC*, ведущего китайского производителя микросхем *SMIC*, а также лидеров телекоммуникационной отрасли *China Mobile*, *Hikvision*, *Huawei*²⁴.

Вместе с тем китайские компании могут оспорить свое внесение в перечень в американском суде. Так, компания *Xiaomi* выиграла подобный иск в суде округа Колумбия, в мае 2021 г. признавшем недействительным решение Пентагона в отношении неё. Примечательно, что включение *Xiaomi* в «черный список» произошло вскоре после того, как её доля на рынке смартфонов превысила аналогичный показатель *Apple*.

Еще одно смягчающее обстоятельство связано с тем, что в соответствии с последними инструкциями Управления по контролю за иностранными активами Минфина США (*OFAC*) американские инвесторы могут владеть ценными бумагами компаний из перечня по истечении 1 года при отсутствии намерения осуществлять с ними какие-либо сделки²⁵.

САНКЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ГОНКОНГОМ

В ноябре 2019 г. в США был принят Закон о правах человека и демократии в Гонконге, который предоставил правительству США возможность далее не рассматривать Гонконг как отдельную и в высокой степени независимую от КНР территорию и, следовательно, распространять на американо-гонконгские торгово-экономические отношения повышенные тарифы и ограничения.

В рамках этого закона возможно введение санкций в отношении китайских юридических и физических лиц, причастных, в представлении Вашингтона, к нарушению прав человека в Гонконге, вплоть до блокирования активов нарушителей. К группе повышенного риска относятся китайские высокотехнологичные компании.

Закон также направлен на противодействие практикам обхода повышенных тарифов США и санкций в отношении КНР и других стран посредством гонконгской юрисдикции.

В июле 2020 г. Д.Трамп подписал Закон об автономии Гонконга, а также исполнительный указ, лишающий Гонконг особого статуса, торгово-экономических преференций США и вводящий запрет на

²¹ <https://www.politico.com/news/2021/12/23/forced-labor-china-law-debate-526044> (accessed 08.09.2022)

²² <https://www.bloomberg.com/news/features/2021-05-16/xinjiang-s-daqo-factory-opens-doors-to-counter-forced-labor-claims> (accessed 07.09.2022)

²³ <https://media.defense.gov/2021/Jan/14/2002565154/-1/-1/0/DOD-RELEASES-LIST-OF-ADDITIONAL-COMPANIES-IN-ACCORDANCE-WITH-SECTION-1237-OF-FY99-NDAA.PDF> (accessed 13.09.2022)

²⁴ https://home.treasury.gov/system/files/126/eo_cmhc.pdf (accessed 11.09.2022)

²⁵ <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20210127> (accessed 08.09.2022)

американский экспорт в Гонконг чувствительных технологий. Меры были приняты в ответ на принятие Закона КНР об обеспечении национальной безопасности в Гонконге.

Закон об автономии Гонконга предусматривает санкции в отношении китайских официальных лиц, причастных к разработке и принятию указанного выше Закона КНР, а также аффилированных с ними банков и компаний. Преференций также лишаются владельцы паспортов Гонконга. Товары местного производства, импортируемые в США, более не могут иметь маркировку «Сделано в Гонконге», а маркируются «Сделано в Китае».

АНТИСАНКЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КНР

В ответ на усиление давления Вашингтона Пекин был вынужден начать процесс формализации антисанкционных процедур, результатом чего стало принятие ряда нормативных актов.

В мае 2019 г. Минкоммерции КНР создало Перечень ненадлежащих лиц, в который вносятся иностранные компании, организации или физические лица, ставящие под угрозу государственный суверенитет, безопасность и интересы развития Китая, нарушающие принципы рыночной торговли, принимающие дискриминационные меры в отношении китайских компаний и пр. Решение о включении иностранного субъекта в Перечень принимается по итогам расследования.

В отношении субъектов, внесенных в Перечень, могут быть приняты такие меры, как ограничение или запрет импорта и экспорта товаров и услуг, инвестиций в Китай, въезда сотрудников и транспортных средств, приостановление или аннулирование разрешения на работу или проживание в Китае, наложение штрафа и др.

В случае своевременного и полного устранения выявленных в результате расследования нарушений Минкоммерции может принять решение об исключении субъекта из Перечня²⁶.

В январе 2021 г. Минкоммерции утвердило Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства – т.н. Блокирующие правила, разработанные в значительной мере на основе аналогичного нормативного акта ЕС. Документ обязывает китайских юридических и физических лиц, включая местные подразделения иностранных компаний, в течение 30 дней сообщать в Минкоммерции о запретах и ограничениях в своей привычной торгово-экономической деятельности с 3-ми странами, возникших вследствие несправедливого экстерриториального действия зарубежного законодательства. На основе этих данных Минкоммерции издает запретительные ордера, служащие законным основанием для блокировки соответствующих иностранных нормативных актов²⁷.

В июне 2021 г. был принят и вступил в силу Закон КНР о противодействии иностранным санкциям, который уполномочивает правительственные ведомства составлять и вести специальный перечень организаций и физлиц, прямо или косвенно причастных к разработке, введению или применению антикитайских санкций иностранных государств. Законом предусмотрен широкий перечень контрмер, включая визовые запреты, блокировку или арест активов, ограничения на транзакции. Все организации и граждане на территории КНР обязаны соблюдать принятые в соответствии с законом контрмеры. В то же время организации и граждане, независимо от места нахождения, не должны исполнять или содействовать исполнению любых антикитайских дискриминационных ограничительных мер, введенных иностранными государствами.

Действие документа распространяется на Гонконг и Макао и в целом имеет экстерриториальный характер. Закон также предписывает Госсовету КНР создать централизованный механизм для координации работы правительственных ведомств с целью реализации принятых контрмер²⁸.

КУРС НА ДОСТИЖЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ САМОДОСТАТОЧНОСТИ

Определение руководством КНР новых задач развития в условиях технологического противостояния с США во многом продиктовано сохраняющейся зависимостью Китая от западных технологий, ко-

²⁶ <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/questions/202009/20200903002580.shtml> (accessed 06.09.2022)

²⁷ <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2021/01/China-Issues-Blocking-Statute-Briefing-Jan2021.pdf> (accessed 02.09.2022)

²⁸ <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2021/07/China-Introduces-Anti-Foreign-Sanctions-Law-July2021.pdf> (accessed 09.09.2022)

торая по-прежнему остается достаточно критичной в таких отраслях, как полупроводники, авиационное, судовое двигателестроение и др. Именно в этих отраслях усиливается курс на самообеспечение.

Показательно, что в марте 2021 г. на сессии ВСНП был выдвинут новый лозунг «Спроектировано в Китае – 2030» (перекликающийся с названием программы «Сделано в Китае – 2025»), в соответствии с которым к 2030 г. планируется преодолеть зависимость промышленности от импорта высокотехнологичных компонентов [8].

На фоне введения США запрета на поставку в Китай комплектующих для производства полупроводников толщиной 10 нм и менее, полного запрета на продажу чипов компании *Huawei*, а также введения санкций в отношении китайской полупроводниковой корпорации *SMIC* Китай анонсировал амбициозные планы резкого ускорения разработки и производства собственных чипов.

В мае 2020 г. Си Цзиньпин заявил, что в полупроводниковую отрасль Китая до конца 2025 г. будет направлен \$1,4 трлн. По оценкам Morgan Stanley, Пекин будет инвестировать в IT-сектор в 2020–2030 гг. в среднем по \$180 млрд ежегодно, что позволяет оценить всю программу почти в \$2 трлн. Примечательно, что важную роль в реализации этих планов играют лидеры отрасли *Huawei*, *Alibaba* и *Tencent*²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать вывод, что к настоящему времени в отношении Китая введены, хотя и чувствительные, но всё же довольно ограниченные санкции, в целом не оказывающие значительного влияния на социально-экономическое развитие страны. Таким образом, ввиду отсутствия полноценных секторальных санкций или ограничений финансового сектора, масштаб санкционного давления на Китай несопоставим с таковым на нашу страну. Необходимо также учитывать, что даже при наличии твердой политической воли Вашингтона эффективный санкционный потенциал США в отношении Китая значительно ограничен в силу колоссальной взаимозависимости 2 крупнейших мировых экономик.

В целом, американские рестрикции последних лет в отношении Китая можно подразделить на два крупных блока – официально обоснованные интересами национальной безопасности США (в отношении телекоммуникационных компаний, запрет китайского ПО и пр.) и связанные с обвинениями в нарушении прав человека (в отношении СУАР и САР Гонконг).

Вместе с тем в ряде случаев подлинной причиной введенных рестрикций является стремление США к сдерживанию Китая в контексте общего политико-экономического и технологического соперничества двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Новоселова Л.В. Китай: есть ли жизнь после санкций? (актуальный ретровзгляд). *Российский экономический журнал*. 2014, № 5, с. 59–71.
- 2 Тюляндина А.А. Американско-китайские противоречия на современном этапе развития. *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2020, № 3(24), с. 207–212.
- 3 Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021, № 3, с. 48–60. DOI 10.31857/S013128120015120-3
- 4 Бакулина П.В. Кузьмина К.А. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика. *Финансовый журнал*. 2021, т. 13, № 4, с. 24–38.
- 5 Евсеев В.В. Торговая и технологическая война США и Китая. *Геоэкономика энергетики*. 2019, т. 7, № 3, с. 110–130.
- 6 Ломанов А.В. Глобальные последствия американо-китайского противостояния. *Вестник Российской академии наук*. 2021, т. 91, № 7, с. 635–639. DOI 10.31857/S0869587321070094
- 7 Кухаренко Н.В. Кухаренко С.В. Санкционная политика США в отношении Китая и России. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*. Материалы XI международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2021. С. 396–400. DOI: 10.48344/BSPU.2021.31.99.045

²⁹ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-03/china-is-said-to-plan-broad-chip-sector-support-to-counter-trump?sref=C6LRZopg> (accessed 01.09.2022)

- 8 Островский А.В. КНР: Итоги 13-й пятилетки – планы 14-й пятилетки. *Социально-экономические итоги 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)*. Статьи ежегодной научной конференции ЦЭСИК ИДВ РАН. М., 2021. С. 9–22.

REFERENCES

1. Novoselova L.V. 2014. China: Is there life after sanctions? (up-to-date retro look). *Russian Economic Journal*. № 5. Moscow. (In Russ.)
2. Tyulyandina A.A. 2020. American-Chinese contradictions at the present stage of development. *Problems of Social Sciences and Humanities*. № 3(24). Moscow. (In Russ.)
3. Salitskiy A.I. 2021. Two contours: China has responded to the challenges of 2020. *Far Eastern Studies*. № 3. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013128120015120-3
4. Bakulina P.V. Kuzmina K.A. 2021. The policy of economic sanctions of the People's Republic of China: legal regulation and law enforcement practice. *Financial Journal*. V. 13. № 4. Moscow. (In Russ.)
5. Evseev V.V. 2019. The US-China trade and technology war. *Geoeconomics of energy*. V. 7. № 3. Moscow. (In Russ.)
6. Lomanov A.V. 2021. Global consequences of the US-China confrontation. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. V. 91. № 7. Moscow. (In Russ.). DOI 10.31857/S0869587321070094
7. Kukhareno N.V., Kukhareno S.V. 2021. US sanctions policy towards China and Russia. *Russia and China: History and prospects of cooperation*. Materials of the XI International Scientific and practical conference. Blagoveshchensk. Pp. 396–400. (In Russ.). DOI: 10.48344/BSPU.2021.31.99.045
8. Ostrovskiy A.V. 2021. China: Results of the 13th five-year plan – plans of the 14th five-year plan. *Socio-economic results of the 13th Five-year Plan of the PRC (2016–2020) and tasks of the 14th Five-year plan (2021–2025)*. Moscow. Pp. 9–22. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вахрушин Иван Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Ivan V. Vakhrushin, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 12.01.2022

Биоэтические проблемы демографической политики Китая: предпосылки и современность

© Мусалитина Е.А.^а, Бобышев С.В.^б, 2023

^а Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия

ORCID: 0000-0001-9635-0803; tarasova2784@mail.ru

^б Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Хабаровск, Россия

ORCID: 0000-0003-3906-4012; norna-zine@mail.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию биоэтических проблем демографической политики Китая. Одним из главных инструментов контроля рождаемости в стране на протяжении 30 лет было искусственное прерывание беременности – аборт. В силу этого возникает противоречие между политическим курсом государства и традиционными, укоренившимися в обществе моральными принципами и ценностями. Демографическая политика стала жестким методом ограничения репродуктивных прав и свободы частной жизни китайского населения. Сложившаяся ситуация обуславливает актуальность исследования демографической политики Китая с точки зрения биоэтики.

Рассматриваются предпосылки утверждения политики «Одна семья – один ребенок»; последствия этой политики, такие как биоэтические проблемы прерывания беременности и селективных аборт в Китае; трансформация традиционного института семьи; морально-этический статус второго ребенка; проблема запрета суррогатного материнства; гендерный дисбаланс; всплеск нелегальных услуг в сфере медико-репродуктивных технологий.

Ключевые слова: Китай, биоэтика, демографическая политика, селективный аборт, политика «Одна семья – один ребенок», гендерный дисбаланс, суррогатное материнство

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края (№ 76С/2022).

Для цитирования: Мусалитина Е.А. (Комсомольск-на-Амуре), Бобышев С.В. (Хабаровск). Биоэтические проблемы демографической политики Китая: предпосылки и современность. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 25–33. DOI: 10.31857/S032150750024040-6

Bioethical Problems of China's Demographic Policy: Background and Present

© Evgenia A. Musalitina^а, Sergey V. Bobyshev^б, 2023

^а Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-na-Amure, Russia
ORCID: 0000-0001-9635-0803; tarasova2784@mail.ru

^б Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
ORCID: 0000-0003-3906-4012; norna-zine@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of bioethical problems of China's demographic policy. One of the main instruments of birth control in the country for 30 years was artificial termination of pregnancy – abortion. Because of this, contradiction between the political course of the state and the traditional, rooted in society, moral principles and values arises. Population policy has become a harsh method of restricting the reproductive rights and freedom of private life of the Chinese population. The current situation determines relevance and necessity of studying China's demographic policy from the point of view of bioethics. Thus, the article discusses background for approval of the policy “One family – one child”; the implications of this policy, such as the bioethical issues of medical termination of pregnancy and selective abortion in China; transformation of the traditional institution of the family; moral and ethical status of the second child; the problem of the prohibition of surrogate motherhood; gender imbalance; increase in illegal services in the field of medical and reproductive technologies.

Bioethical aspects of modern Chinese demography; socio-cultural changes in Chinese society due to a long period of birth control policies are analyzed. The reasons for the low efficiency of modern state measures to stimulate childbearing are considered.

Keywords: China, bioethics, demographic policy, selective abortion, “One family – one child” policy, gender imbalance, surrogacy

For citation: Musalitina E.A. (Komsomolsk-na-Amure), Bobyshev S.V. (Khabarovsk). Bioethical Problems of China's Demographic Policy: Background and Present. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 25–33. DOI: 10.31857/S032150750024040-6

ВВЕДЕНИЕ

Современная демографическая ситуация в Китае развивается в условиях последствий политики «Одна семья – один ребенок», главной целью которой был жесткий контроль уровня рождаемости, представляет собой уникальный путь развития внутренней политики государства. С одной стороны, демографические ограничения были направлены на повышение эффективности социально-экономического развития Китая, с другой стороны – вызывали множество вопросов, связанных с морально-этическим аспектом искусственного сдерживания роста населения и применением для этого аборт. Наряду с этим неоднозначны последствия внедрения современных медицинских технологий в процесс контроля рождаемости. Для комплексного осмысления демографической политики Китая особенно актуальным представляется обращение к биоэтике. Такой подход позволяет провести анализ сложных социально-этических проблем, возникших в результате биомедицинского прогресса и использования его достижений для реализации политики ограничения рождаемости.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Современное состояние исследований политики сдерживания рождаемости в Китае отражает высокий интерес как отечественных, так и зарубежных специалистов разных сфер гуманитарного знания к данной проблеме. При этом наибольшую долю научных работ по данной тематике занимают исследования, выполненные в рамках двух направлений: 1) политико-правового и 2) социально-экономического.

Сторонники первого направления рассматривают проблемы законодательства и прав человека в контексте ограничительной демографии КНР. Ряд ученых (И.В.Ставров¹, Дж.Ву²) отмечают, что ограничения, вводимые демографической политикой КНР 1979–2015 гг., не соответствуют Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в 1950 г. [5]³. При этом С.Веремейчик⁴ подчеркивает «региональный» и этнический характер введенного закона, что создает неравные условия для национальных меньшинств и ханьцев [9]. Гендерные аспекты проблем китайской демографии исследуют К.Харди⁵, С.Тянь⁶ [6, p. 117].

Социально-экономические проблемы демографической политики КНР нашли наиболее полное отражение в работах Я.М.Бергер⁷, Н.Кай⁸, Т.Юань⁹ [11].

Несмотря на всестороннее исследование проблем политики «Одна семья – один ребенок», аналитический обзор литературы позволяет сделать вывод о существующей в современном гуманитарном знании недооцененной роли биоэтического подхода к изучению проблем демографии. Так, практически отсутствуют работы, посвященные вопросам гуманности и этики искусственного сдерживания численности населения в рамках государственной программы КНР.

Можно предположить, что данная ситуация наблюдается в силу того, что биоэтика как относительно «молодая» наука, появившаяся в 70-х гг. XX в., изначально была призвана решать в основном про-

¹ Ст.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток).

² Доктор философии Хэйлунцзянского университета (Харбин, КНР).

³ National report submitted pursuant to paragraph 15 (a) of the annex to Human Rights Council resolution 5/1. China. Geneva, February 2–13, 2009. https://lib.ohchr.org/HRBodies/UPR/Documents/Session4/CN/A_HRC_WG6_4_CHN_1%20China_R.pdf (accessed 11.06.2021)

⁴ Ст.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток).

⁵ Специалист Центра международных исследований (Вашингтон, США).

⁶ Научный сотрудник Китайской Национальной академии наук (Пекин, КНР).

⁷ Доктор экономических наук, китаист, Институт Китая и современной Азии РАН.

⁸ Профессор Института международных отношений Пекинского университета.

⁹ Профессор факультета социологии Государственного университета Огайо (Колумбус, США).

блемы только медицинской этики. Однако современный подход к биоэтике как междисциплинарному знанию позволяет использовать её ключевые положения в исследованиях разных феноменов человеческого бытия. Биоэтику можно определить как теорию и практику этики в междисциплинарном контексте, как систематические исследования этических аспектов наук о жизни и здравоохранении, включая сферу политики и права [4].

Биоэтика объединяет этические и моральные вопросы, обусловленные техническими, научными достижениями и политическими процессами, которые могут оказать влияние на людей [1]. Обращение к биоэтическому подходу в исследовании проблем ограничения рождаемости позволяет выявить их морально допустимые и социально правомерные решения.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕДРЕНИЯ ПОЛИТИКИ ОГРАНИЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Рассматривая причины внедрения политики ограничения рождаемости в Китае в 1979 г., обратимся к истории вопроса.

В период основания Китайской Народной Республики в 1949 г. социально-экономическое положение государства находилось в процессе кардинальных преобразований. Поскольку в стране отмечался высокий уровень безработицы среди городского населения, нехватка сырьевых источников, низкий уровень жизни, голод, быстрый прирост населения, от правительства требовалась разработка кардинальных мер по улучшению социально-экономической и демографической ситуаций. Тем не менее Мао Цзэдун выступал против установления системы государственного планирования семьи, утверждая, что «ограничение деторождения разрушит Китай...»¹⁰. В результате Министерство здравоохранения одобрило меры по смягчению контроля над рождаемостью. Согласно данным статистического бюро КНР, на тот момент численность населения страны превысила 600 млн человек, а темпы прироста населения были высокими (см. табл.).

Таблица. Демографический состав населения КНР
Table. Demographic composition of the China population

Год	Численность населения	Естественный прирост (на 1 тыс. населения)	Коэффициент суммарной рождаемости	Доля населения по полу (%)	
				Муж.	Жен.
1949	537 371 000	16	5,28	51,96	48,04
1955	608 655 000	20,32	5,98	51,75	48,25
1960	667 070 000	-4,57	3,99	51,78	48,22
1965	715 185 000	28,38	6,02	51,18	48,82
1970	818 315 000	25,83	5,75	51,43	48,57
1975	916 395 000	15,69	3,58	51,47	48,53
1982	981 235 000	11,87	2,32	51,45	48,55
1985	1 045 320 000	14,26	2,65	51,70	48,30
1990	1 135 185 000	14,39	2,43	51,52	48,48
1995	1 204 855 000	10,55	1,68	51,03	48,97
2000	1 262 645 000	7,58	1,45	51,63	48,37
2005	1 303 720 000	5,89	1,51	51,53	48,47
2010	1 337 705 000	4,81	1,54	51,27	48,73
2015	1 379 860 000	4,95	1,41	51,22	48,78
2020	1 412 120 000	1,45	1,30	51,21	48,79
2021	1 412 600 000	0,28	1,10	51,23	48,77

Источник: National Bureau of statistics. China population. (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/> (accessed 12.07.2022)

¹⁰ <http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0709/c427758-31222710.html> (accessed 18.07.2021)

Ситуация изменилась в 1955 г., когда, осознавая серьезность проблемы, связанной с неконтролируемым ростом населения, партия приняла решение об ужесточении контроля рождаемости, что документально было закреплено в 5-летнем плане развития народного хозяйства. По этой причине в 1957 г. член Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Ма Иньчу опубликовал статью «Новая теория народонаселения», в которой на законодательном уровне были представлены меры планирования семьи [6, p. 23].

В 1982 г. политика ограничения рождаемости «Одна семья – один ребенок» была официально записана в Конституции, что должно было способствовать адаптации роста населения к планам экономического и социального развития и контролю населения в пределах 1,2 млрд человек к началу нового столетия (см. *табл.*).

После введения в Китае нового демографического закона повсеместным явлением стали штрафы за рождение второго ребенка, принудительная стерилизация женщин, пропаганда противозачаточных средств. Таким образом, согласно статистическим данным, в результате жестких мер по снижению рождаемости среднее количество рожденных детей на одну женщину сократилось с 6,2 до 1,6 [11].

Политика «Одна семья – один ребенок» претерпела некоторые послабления лишь в 2005 г., когда разрешение на второго ребенка получили пары, которые сами являлись единственными детьми в семье [3]. Последствия политики «одного ребенка» начали проявляться во втором десятилетии нового столетия. Впервые в КНР были зафиксированы быстрый темп роста пенсионного населения и сокращение работоспособного населения. В этой в 2017 г. был принят пересмотренный «Закон о народонаселении и планировании семьи». Согласно ст. 18, «Государство поощряет супружескую пару иметь двоих детей...»¹¹.

Выделим наиболее актуальные биоэтические вопросы, связанные с исследуемой проблематикой.

БИОЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СТАТУСА ВТОРОГО РЕБЕНКА

Обратимся к рассмотрению одного из них, а именно – морально-этического статуса второго ребенка. Китайское правительство документально закрепило поощрительные меры для пар, которые заключали поздние браки и поздно становились родителями [8]. Соответственно, для нарушителей закона, которые решались на рождение второго ребенка, были предусмотрены высокие штрафы, зачастую непосильные для семьи¹².

Государство применяло жестокие санкции по отношению к семьям с низким материальным достатком, которые решили завести второго ребенка¹³. Таким образом, под угрозой был вопрос как социального обеспечения членов семей с двумя детьми, так и выстраивания цивилизованных отношений с остальными членами общества. Женщин, беременных вторым ребенком, заставляли делать аборт и принудительно стерилизовали [7].

В период политики «одного ребенка» в КНР был зафиксирован рост смертности новорожденных девочек, традиционно желанным считалось рождение мальчика [12]. Что касается положения вторых детей, которые оставались в живых, в силу сложившейся в стране демографической ситуации возникла острая социально-этическая проблема их статуса.

Во-первых, такие дети могли попасть в криминальную сферу по торговле людьми и быть проданными бездетным парам в Китае и за рубежом. В 1980-х гг. наблюдался рост пропажи детей. Например, в 1983 г. было зарегистрировано 2350 случаев исчезновения детей. По данным интернет-сообщества «Баобэй баоцзя», в 1985 г. появилось 50 тыс. сообщений от китайских семей, которые искали детей, пропавших без вести [10].

Во-вторых, второй ребенок, рожденный в сельской семье, в большинстве случаев был вынужден вести бесправное существование как в юридическом, так и в социальном плане. Отсутствие свидетельства о рождении, а впоследствии и паспорта, приводило к невозможности вести нормальную социальную жизнь и ощущать себя полноправным членом общества. Во взрослой жизни гражданин не мог претендовать на переезд в город, получение образования, медицинское обслуживание, социальное страхование [9].

¹¹ http://www.chinadaily.com.cn/m/chinahealth/2016-01/12/content_23101466.htm (accessed 15.07.2021)

¹² Chinese Academy of Social Sciences - CASS. <http://www.cass.net.cn> (accessed 05.07.2021)

¹³ <http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb> (accessed 20.07.2021)

Очевидно, что сложившаяся в результате введения политики ограничения рождаемости ситуация не могла способствовать росту благосостояния сельских жителей. Более того, она приводила к росту количества социально незащищенных граждан.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ РОЛИ СЕМЬИ

Результативность введенных ограничительных мер во многом зависела от государственной пропаганды. Правительство начало активную просветительскую работу среди молодежи о необходимости посвящать себя трудовой деятельности во благо общенациональной идеи процветания КНР [8]. В таком контексте акцентировалась роль карьеры, профессионального роста. Семья начала постепенно утрачивать свой национально-культурный статус высшей нравственной ценности и была смещена на второй план. Партийные органы призывали молодое население позже вступать в брак и заводить детей. Государство практически полностью регулировало семейные отношения, и для вступления в брак было необходимо получить разрешение от органов местного самоуправления [12].

По данным исследования Пекинского университета, в 2000 г. 62,3% мужского населения КНР и 42,2% женского населения в возрасте 18–35 лет не состояли в браке¹⁴. Искусственно созданная китайским правительством ситуация противоречила многовековым традиционным представлениям о роли семьи. Отрицалась концепция фертильности, суть которой заключалась в сохранении преемственности от поколения к поколению и преумножении семейного клана [2]. При этом китайская семья потеряла патриархальную основу, поскольку правительство требовало от женщины такой же социальной активности в достижении государственных целей, как и от мужчины. Стирались и гендерные роли в семье: женщины наравне с мужчинами начали получать высшее образование, занимать руководящие должности и стали меньше ассоциироваться с созидательницей домашнего очага.

С введением политики «Один ребенок» отсутствие детей в семье перестало быть предметом общественного порицания. Напротив, поощрялось как на уровне работодателя, так и на уровне государственной администрации [3]. Согласно результатам исследования, проведенного Центром социологических исследований Китая в 1988 г., 20% девушек в возрасте от 20 до 25 лет не планировали иметь детей даже после вступления в брак [5]. Как правило, от рождения детей отказывались образованные люди, жители крупных городов.

БИОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Особое значение в рассматриваемой проблематике имеет вопрос о суррогатном материнстве в Китае в период действия политики «Один ребенок».

В 1980 гг. резко возросло количество мужчин и женщин среднего возраста, не вступавших в брак [11]. Кроме того, ухудшение экологии в стране, повышение уровня стресса, высокий уровень аборт, поощрение государством увеличения среднего брачного возраста и оттягивание рождения ребенка привели к усугублению репродуктивных проблем. В 1983 г. трудности с зачатием испытали около 3,4% китайских женщин детородного возраста¹⁵.

Решением этой проблемы могло стать использование технологий суррогатного материнства, которое в конце XX в. активно развивалось на Западе. Однако в Китае вопрос «детей из пробирки» стал дискуссионным по морально-этическим соображениям. Китайское правительство выступало за запрет суррогатного материнства, поскольку, по его мнению, оно могло повлечь правовые проблемы, нанести ущерб физиологии и психике суррогатных матерей и вынашиваемых ими детей.

Ассоциация китайских медиков-репродуктологов во главе с С.Сюнь¹⁶ считала безнравственностью договорную основу рождения ребенка. Они утверждали, что такой способ сопоставим с коммерческой сделкой [2]. Представитель Министерства здравоохранения КНР Я.Ли поддерживал идею о противоречии технологий суррогатного материнства законодательству государства и этическим принципам. В результате в 1988 г. оно было запрещено [12]. Юридически обоснованное ограничение суррогатного ма-

¹⁴ http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-03/30/con-tent_429518.htm (accessed 07.14.2021)

¹⁵ 中国人口与计划生育大事要览...

¹⁶ Главный гинеколог-репродуктолог КНР в 1990–2000 гг. (прим. авт.).

теринства способствовало росту преступности в сфере торговли детьми. Появившиеся в Китае в конце XX в. интернет-технологии способствовали продвижению сферы услуг по продаже детей на специальных сайтах [11].

БИОЭТИКА СЕЛЕКТИВНЫХ АБОРТОВ

Политика «Одна семья – один ребенок» способствовала резкому росту числа прерываний беременности в результате скринингового определения пола плода. Это явление получило название «селективный аборт», т.е. прерывание беременности из-за нежелательного пола будущего ребенка¹⁷. Для 97% семей желанным ребенком был мальчик. Эта проблема тесно связана с традиционным для Китая патриархатом, а также с развитием медицинских технологий по идентификации пола и искусственному прерыванию беременности, превращающему выбор пола из желания в реальность [2].

Традиционное национальное культовое отношение к сыну как «маленькому императору» усилилось с введением ограничительных демографических мер. В Китае стремительно увеличивался гендерный «перевес» в сторону мужского пола, и в 1985 г. соотношение рожденных мальчиков и девочек составляло 120 к 100 [3]. Таким образом, Китай стал страной с самым серьезным дисбалансом в гендерной структуре рождающегося населения.

В сложившейся ситуации в 1986 г. правительство Китая официально ввело запрет на оглашение пола будущего ребенка на любом сроке беременности. Однако эта мера не решила проблему, поскольку доказать гендерно-селективную причину аборта практически невозможно. Кроме того, услуга по оглашению пола плода продолжала существовать, но нелегально. Одновременно с этим остро встала проблема незаконных аборт, которые проводили частные клиники и в некоторых случаях немедицинские учреждения, что повлекло рост бесплодия и женской смертности в результате осложнений после непрофессиональных манипуляций. В Китае до сих пор не введена уголовная ответственность за нелегальные аборты и гендерный скрининг, в то время как административные взыскания и штрафы не оказывают влияния на население в желании выбрать пол будущего ребенка [10].

В 2013 г. количество мужчин в возрасте от 18 до 40 лет превышало количество женщин на 16,5 млн (см. *табл. 1*). По данным статистики, к 2020 г. дисбаланс полов населения в возрасте от 18 до 40 лет увеличился до 34 млн¹⁸. Дисбаланс полов в Китае как побочный результат политики «одного ребенка» повлек ряд социально-этических проблем – уничтожение роли брака, рост гомосексуальных пар, сексуальные преступления, торговля женщинами [14].

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Отмена ограничения рождаемости в 2015 г. сопровождалась реформами социально-экономической сферы, которые были направлены на стимулирование роста населения. Были увеличены социальные выплаты, отменены штрафы на второго и третьего ребенка, модернизирована система дородового и послеродового медицинского обслуживания.

Однако длительный период осуществляемой политики ограничения рождаемости и её масштабный характер повлекли серьезные социально-культурные изменения в современном китайском обществе. По этой причине новые меры государства по стимулированию деторождения оказались малоэффективными.

В настоящее время значительную долю трудоспособного населения на рынке труда Китая составляет поколение т.н. «маленьких императоров», т.е. детей, рожденных в 1970–1980-х гг. Поколение со-трудников из «однородных» семей демонстрируют менее развитые коммуникативные навыки, пассивное отношение к делу, нежелание выходить из зоны комфорта, заниматься саморазвитием¹⁹. Ситуация усугубляется повышением уровня жизни и финансового благополучия китайского населения, поскольку

¹⁷ См.: https://lib.ohchr.org/HRBodies/UPR/Documents/Session4/CN/A_HRC_WG6_4_CHN_1%20China_R.pdf (accessed 11.06.2021)

¹⁸ Chinese Academy of Social Sciences – CASS...

¹⁹ <https://iq.hse.ru/news/177670995.html> (accessed 06.08.2021)

ценности потребительского общества формируют приоритеты на удовлетворение личных материальных потребностей.

Прогнозы министерства здравоохранения по снижению количества аборт после отмены «политики одного ребенка» не оправдались. Так, согласно данным статистики, в 2021 г. в Китае было сделано 13 млн абортов, тем самым Китай занял 1-е место в мире по данному показателю²⁰. Во-первых, причиной этому стала легализация абортов в 1988 г. Государственная пропаганда прерывания второй и последующих беременностей, в т.ч. медикаментозного прерывания, формировала представление об аборте как способе соблюдения закона по планированию семьи во благо развития государства²¹. Рекламные баннеры медицинских клиник создают имидж аборта как безопасной процедуры²².

Чтобы отсрочить тенденцию старения населения, китайское правительство официально объявило о начале «Политики двух детей» в 2015 г., ослабив ограничения на рождаемость [2]. Однако роста населения не произошло, а уровень беременности молодых женщин продолжал падать до рекордно низкого [3].

По результатам 7-й национальной переписи населения 2020 г., число рождений в материковом Китае в 2020 г. составило 12 млн, что является самым низким показателем рождаемости с 1960 г. (см. табл. 1). Это свидетельствует о том, что «Политика двух детей» оказалась малоэффективной.

В 2021 г. в рамках борьбы со старением населения китайское правительство утвердило новую политику планирования семьи, провозглашенную как «Политика трех детей». Национальная комиссия здравоохранения КНР выступила с предложением о снятии штрафных санкций за рождение более трех детей для жителей приграничных районов провинции Хэйлунцзян (в которой наблюдается высокий уровень оттока населения) [6].

Правительство предложило ввести ряд социальных мер поддержки семьи: модернизировать систему отпуска и страхования по беременности и родам, защитить права и интересы работающих женщин, усовершенствовать механизм работы по их поддержке с участием общественных организаций, ввести дополнительный вычет по НДФЛ, развивать услуги по уходу за детьми, усилить защиту несовершеннолетних, предоставлять скидку 50% по ипотеке для семей с тремя и более детьми [7].

После обнародования «Политики трех детей» был зафиксирован незначительный рост интереса китайцев к рождению трех детей. Согласно результатам исследования, проведенного в 2021 г. Цзя Мейлин, ст.н.с. Пекинского педагогического университета, среди 1907 опрошенных женщин-преподавателей готовность иметь троих детей не превышала 6%. Большинство учителей-женщин, желающих иметь троих детей, относятся к этническим меньшинствам (57%) [2].

В целом общество материкового Китая негативно отнеслось к политике «трех детей». Лю Жолань, проф. Национального института развития и стратегии Жэньминьского университета, отмечает, что семей с потребностью в троих детях становится меньше даже в относительно отсталых районах, поэтому существенного улучшения после ввода новой демографической политики не будет [13].

Помимо этого, недостаточное внимание китайского правительства к вопросам полового воспитания привело к тому, что в китайском обществе наблюдается пренебрежительное отношение к вопросу безопасного планирования семьи²³.

Базовые ценности современного поколения детородного возраста отражены в таких лозунгах, как «双倍收入, 没孩子» (Двойной доход без детей) или «孩子越少, 生的越晚, 生活会更好» (Позже – реже – лучше).

Аналогичные идеи выступали в качестве государственной пропаганды в период политики «一个家一个孩子» (Одна семья – один ребенок).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования биоэтических проблем современной демографической политики Китая позволяют сделать вывод о том, что в основном она была сформирована под воздействием политики огра-

²⁰ См.: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/china/society/95042.html> (accessed 09.08.2021)

²¹ Family Planning in China. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cegv/eng/bjzl/t176938.htm> (accessed 06.08.2022)

²² См.: <https://bmcmwomenshealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12905-020-00980> (accessed 10.08.2022)

²³ <https://ekd.me/2018/01/polovoe-vospitanie-v-kitae/> (accessed 05.08.2022)

ничения рождаемости. При этом как следствие этого государственного курса в стране возникли серьезные морально-этические, социально-культурные и правовые проблемы планирования семьи. Демографическая политика стала жестким методом ограничения репродуктивных прав и свободы частной жизни китайского населения.

Снятие ограничений и ориентация правительства на стимулирование рождаемости вопреки ожиданиям не решили демографические проблемы гендерного дисбаланса, старения населения, сокращения числа работоспособных граждан, повышения экономической нагрузки на содержание пенсионеров. Однородная семья становится устойчивой тенденцией современной китайской демографии.

Сегодня остается много нерешенных вопросов, связанных с рассматриваемой проблематикой. Необходимо провести детальный анализ влияния выявленных биоэтических проблем на развитие демографической ситуации в современном Китае; репродуктивных прав и здоровья китайских женщин, а также возможных способов стабилизации гендерного равенства и максимальной легализации сферы репродуктивной медицины.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ахметова А.В. Проблемы системы здравоохранения коренных малочисленных народов Дальнего Востока в послевоенный период (1945 – начало 1950-х гг.). *Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 г. Международному году языков коренных народов*. 2019, с. 43–49.
Akhmetova A.V. Problems of the healthcare system of indigenous peoples of the Far East in the post-war period (1945 – early 1950s). *Indigenous peoples of modern Russia: ethno-linguistic, legal, socio-cultural and spiritual problems. Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the UN announced in 2019 International Year of Indigenous Languages*. 2019, pp. 43–49. (In Russ.)
2. Волошин А.И. Селективные аборт как форма нарушения репродуктивных прав женщин. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Юридические науки*. 2020. Т. 6 (72). № 2, с. 119–127.
Voloshin A.I. Selective abortions as a form of violation of women's reproductive rights. *Scientific notes of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University. Juridical sciences*. 2020. V. 6 (72). № 2, pp. 119–127. (In Russ.)
3. Климова Е.В. Этапы развития мира детства в культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока России. *Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы*. 2019, с. 162–165.
Klimova E.V. 2019. Stages of the development of the world of childhood in the culture of indigenous peoples of the Russian Far East. *Indigenous peoples of modern Russia: ethno-linguistic, legal, socio-cultural and spiritual problems*. Pp. 162–165. (In Russ.)
4. Кубарь О.И. Социальное значение этических проблем современных генетических исследований в медицине и биологии. *Биоэтика*. 2021, № 1(27), с. 5–12. DOI 10.19163/2070-1586-2021-1(27)-5-12.
Kubar O.I. The social significance of the ethical problems of modern genetic research in medicine and biology. *Bioethics*. 2021. № 1(27), pp. 5–12. (In Russ.)
5. Ставров И.В. Социальное развитие национальных районов Северо-Восточного Китая (1978–2002 гг.). *Россия и АТР*. 2007, № 3, с. 91–95.
Stavrov I.V. Social development of the national regions of Northeast China (1978–2002). *Russia and the Asia-Pacific region*. 2007. № 3, pp. 91–95. (In Russ.)
6. Чэнь Ч. Старение населения как фактор формирования промышленной структуры Китая. *Наука и бизнес: пути развития*. 2022, № 3(129), с. 218–222.
Chen Ch. Population aging as a factor in China's industrial structure. *Science and business: ways of development*. 2022. № 3(129), pp. 218–222. (In Russ.)
7. Akhmetova A.V., Ivashchenko Y.S. The problems of legal regulation of the development of Far Eastern native minorities during the Soviet state national policy formation period (1920s–1930s). *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Switzerland. 2018. № 622, pp. 305–314. DOI 10.1007/978-3-319-75383-6_39
8. Bobyshev S.V. The influence of school on the transformation of the family institution of indigenous peoples of the Far East in the 1920s–1930s. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. Switzerland. 2020, pp. 92–99. DOI: 10.1007/978-3-030-15577-3_9
9. Franklin S. Ethical research – the long and bumpy road from shirked to shared. *Nature*. 2019. V. 574. № 7780, pp. 627–630. DOI: 10.1038/d41586-019-03270

10. Petrunina Z.V. Educational Policy of China: strategic plans and implementation mechanisms in the twenty-first century. *Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon 2020"*. 2021, pp. 869–878. DOI: 10.1007/978-981-16-0953-4_84
11. Wu Zh. Illegal births and legal abortions – the case of China. *Reproductive health*, 2019. (In Chin.). <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16095526/> (accessed 13.06.2021)
12. Yuan T. Demography in China: from zero to now. Population index. *Population Index 1981*. (In Chin.). <https://jstor.org/stable/2736034>. DOI: 10.2307/2736034
13. Zhu W. China's excess males, sex selective abortion, and one child policy: analysis of data from 2005 national intercensus survey. *BMJ Editorial Scholar*. 2009. (In Chin.). <https://www.bmj.com/content/bmj/338/bmj.b1211.full.pdf>. DOI: 10.1136/bmj.b1211
14. Cui C., Peng Sh., Li C., Zhang Ch., Wang Zh., Zhang X., Clan culture, One-Child Policy and Child Trafficking of illegal adoptions in China. *SSRN Electronic Journal*. 2019, pp. 1–17. (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мусалитина Евгения Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия.

Evgenia A. Musalitina, PhD (Culture Studies), Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-na-Amure, Russia.

Бобышев Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия.

Sergey V. Bobyshev, Dr.Sc. (History), Professor, Head of State and Law Theory and History Department, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 06.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 15.12.2022

Противостояние Израиля и Ирана сквозь призму китайско-израильских и индийско-израильских отношений

© Микаелян А.А.^a, 2023

^a МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9922-245X; mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Резюме. В статье рассматривается влияние израильско-иранского противостояния на развитие отношений Тель-Авива с КНР и Индией. Акцент на эти две азиатские крупные державы не случаен – китайско-иранские отношения Пекин и Тегеран характеризуют как стратегическое сотрудничество, в то время как Нью-Дели поддерживает высокий уровень отношений с Исламской Республикой. С момента установления дипломатических отношений с КНР и Индией Израиль всячески затрагивал вопрос Ирана на переговорах с руководством Китая и Индии. С КНР акцент стоял на поставках ракетных вооружений и поддержке в 90-е гг. иранской ядерной программы. С Индией в Израиле в начале 2000-х гг. была обеспокоенность насчет возможной утечки израильских военных технологий из Индии в Иран. Поэтому Израиль предпринимал попытки оказать влияние на изменение курса политики КНР и Индии по отношению к Ирану.

Автор приходит к выводу, что усилия Тель-Авива не оказались результативными. КНР за последние годы углубила уровень своего взаимодействия с Ираном, подписав в 2021 г. соглашение о стратегическом сотрудничестве. Индия также не пересмотрела отношения с Ираном из-за усилий Израиля. В то же время торгово-экономическое сотрудничество КНР и Ирана снизилось из-за улучшения отношений Китая с монархиями Персидского залива, аналогичный процесс наблюдается и в ирано-индийских отношениях – импорт нефти из Ирана резко снизился в свете антииранской политики администрации Д.Трампа.

Ключевые слова: внешняя политика Израиля, Израиль, КНР, Индия, Иран, Ближний Восток, Азия

Для цитирования: Микаелян А.А. Противостояние Израиля и Ирана сквозь призму китайско-израильских и индийско-израильских отношений. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750016679-8

Israeli-Iranian Rivalry from the Perspective of Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations

© Arman A. Mikaelian^a, 2023

^a MGIMO-University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9922-245X; mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Abstract. The article takes a look at how Israeli-Iranian rivalry affected the development of Sino-Israeli and Indian-Israeli relations. China characterizes its relations with Iran as strategic cooperation while India maintains a high level of cooperation with the Islamic Republic. What is more, Iran is one of major trade partners of China and India in the region. The author analyses the efforts Tel-Aviv took to try to influence China's and India's approach towards Teheran and make it more favorable for its interests. In the case of China, Israel was interested in stopping flow of Chinese weapons to Iran as well as putting an end to China's support to Iran's nuclear program. As for India, Israel in the 2000s was concerned that some of its military technologies supplied to India might be leaked to Iran. Given this, Israel tried to dissuade China's and India's from advancing ties with Teheran.

The analysis showed that Israel's efforts turned out to be fruitless. China signed new strategic agreement with Iran in 2021 and cooperates with Iran on the military and intelligence levels. Likewise, India didn't change its stance towards Iran due to of Israel's efforts. Nevertheless, China's trade relations with Iran decreased as a result of Beijing deepening ties with Arab states, namely Gulf states. This led to decline in China's oil imports from Iran. The same process can be witnessed in Indian-Iranian relations, where imports from Iran sharply decreased as a result of Trump Administration's anti-Iranian policy.

Keywords: Israel's foreign policy, Israel, China, India, Iran, the Middle East, Asia

For citation: Arman A. Mikaelian. Israeli-Iranian Rivalry from the Perspective of Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 34–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016679-8

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос противодействия Ирану в регионе Ближнего Востока занимает важное, если не центральное место в нынешнем политическом курсе Государства Израиль. Израильская сторона критикует ядерную программу Ирана, заявляя, что она представляет собой экзистенциальную угрозу для Израиля¹. В этом контексте стоит упомянуть поддержку, оказываемую Ираном ливанскому движению «Хезболла», которое Израиль классифицирует как террористическую организацию [1].

Поскольку вопрос противодействия Ирану и угроза со стороны Исламской Республики рассматривается Тель-Авивом как угроза национальной безопасности и интересам Израиля в регионе, данная тема затрагивает отношения Израиля с третьими странами. Наиболее отчетливо это можно было заметить на примере американо-израильских отношений, в частности, в период администрации Д.Трампа и активной поддержки премьер-министром Б.Нетаньяху антииранской политики Вашингтона². Отметим, что руководство Израиля старается поднимать вопрос Ирана и свое видение политики Тегерана во время встреч со многими иностранными лидерами, в частности, и с президентом РФ В.Путиным³.

С учетом вышеназванных фактов неудивительно, что принципиально важный для Тель-Авива вопрос ирано-израильского противостояния затронул также развитие отношений с КНР и Индией, особенно учитывая тот факт, что Индия и Китай являются одними из крупнейших импортеров иранской нефти. Автор попытался проанализировать, как противостояние Израиля и Ирана воздействовало на развитие отношений Израиля с КНР и Индией, и к каким действиям прибегал Израиль, чтобы продвигать свою точку зрения перед Пекином и Нью-Дели.

ИЗРАИЛЬ – ИРАН – КНР

Китайская Народная Республика и Исламская Республика Иран начали процесс сближения сразу после Исламской революции 1979 года. В частности, в ходе ирано-иракской войны (1980–1988) КНР была одним из основных поставщиков вооружений для Тегерана [2]. Со временем военно-техническое сотрудничество Китая и Ирана дало начало торгово-экономическому партнерству между странами на высоком уровне. По состоянию на 2020 г. КНР являлась самым крупным экономическим партнером Ирана⁴. В 2021 г. торговый оборот между странами составил примерно \$14,8 млрд (без учета торговли нефтью)⁵.

Необходимо отметить, что в 2016 г. во время визита Си Цзиньпина в Тегеран страны подписали соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве⁶. В марте 2021 г. министры иностранных дел КНР и Ирана подписали в Тегеране соглашение о стратегическом сотрудничестве сроком на 25 лет, в рамках которого китайская сторона обязалась осуществить инвестиции в экономику Ирана в обмен на поставки нефти в Китай. Договор также предусматривает укрепление сотрудничества в сферах, взаимодействие в которых особенно волнует Израиль, а именно в сфере безопасности и разведки⁷.

КНР также помогала Ирану в развитии его ядерной программы. В частности, при содействии Пекина был построен ядерный технологический центр в Исфахане, были подготовлены специалисты, а также направлены ядерные материалы для иранских центрифуг [3]. В настоящее время компания *China National Nuclear Corporation* занимается модернизацией иранского реактора на тяжелой воде *Arak IR-40* [4]. В то же время стоит также подчеркнуть, что КНР всегда голосовала за резолюции СБ ООН по вопросу ядерной программы Ирана, в частности, Пекин поддержал резолюции (1737, 1803, 1835, 1929, 1984, 2049, 2105, 2159), стараясь избегать пунктов, которые могли привести к военным действиям против Тегерана в рамках ст. 42 Устава ООН [5].

¹ Amb Danon calls for punitive measures against Iran. Israel Ministry of Foreign Affairs. <https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Iran/Nuclear/Pages/Amb-Danon-calls-for-punitive-measures-against-Iran-14-Mar-2016.aspx> (accessed 20.07.22)

² https://www.gov.il/he/Departments/news/spoke_iran060818 (accessed 19.07.22)

³ <http://kremlin.ru/events/president/news/61517> (accessed 20.07.22)

⁴ <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/IRN>

⁵ Iran, The World Factbook, CIA. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/iran/#economy> (accessed 21.07.22)

⁶ <http://www.president.ir/EN/91435> (accessed 21.07.22)

⁷ Reuters. 27.03.21 <https://www.reuters.com/article/us-iran-china-idUSKBN2BJ0AD> (accessed 20.07.22)

Вопрос ирано-китайских отношений всегда затрагивался израильской стороной на встречах на высоком и высшем уровнях. В первый раз на него обратили внимание на переговорах сразу после нормализации дипломатических отношений в 1992 г. во время встречи делегации депутатов Кнессета с замминистра иностранных дел Китая Я.Фучаном. Тогда китайский дипломат заверил израильскую сторону в том, что сотрудничество между КНР и Ираном в ядерной сфере находится под контролем со стороны МАГАТЭ [6].

Премьер-министр Израиля И.Рабин дважды (в 1993 и 1995 гг.) посетил с визитами Пекин. В ходе этих визитов он пытался убедить китайских руководителей прекратить поставки вооружений в Иран, а также заморозить сотрудничество с Ираном в ядерной сфере [6]. В 1995 г. Ц.Цзэминь, тогдашний председатель КНР, во время встречи с И.Рабином заявил о намерении прекратить поставки ракетных вооружений в Иран. Однако впервые подобное заявление сделал еще в 1993 г. глава МИД КНР Ц.Цичэнь на встрече со своим израильским коллегой Ш.Пересом [6; 7]. Отметим также, Цзэминь заявил Рабину, что соглашение с Ираном о поставке китайского ядерного реактора временно заморожено, и его реализация будет возможна только в том случае, если Пекин убедится в его мирном использовании. Председатель КНР отдельно подчеркнул, что строительство ядерного реактора китайского производства на территории Ирана не будет представлять собой угрозу безопасности Израиля [7].

С большой долей уверенности можно констатировать, что, несмотря на улучшение торгово-экономических отношений между КНР и Израилем, усилия израильской дипломатии не увенчались успехом. При этом данный факт признается израильским профессором А.Шаем, экспертом по израильско-китайским отношениям в его статье, опубликованной в 2011 г. в журнале *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)* [8].

О провале попыток Тель-Авива скорректировать курс внешней политики Пекина в отношении Тегерана свидетельствует также и тот факт, что Иран произвел большое количество противокорабельных ракет *Noor*, *Tondar*, *Nasr* и *Kowsar*, разработанных на основе китайских ракет *C-802*, *C-801*, *C-701*, *C-704* и *C-705* [2]. Более того, во время Второй ливанской войны 2006 г. было совершено нападение на израильский корвет «*Hanit*» со стороны «Хезболлы» с использованием ракеты китайского производства *C-802*. В результате нападения погибли четыре израильских военнослужащих [8]. В 2011 г. ВМС Израиля нашли 6 противокорабельных ракет китайского производства *C-704* на борту судна «*Victoria*», которое направлялось в Сектор Газа [7].

Статистические данные также свидетельствуют о том, что Китай не прекратил поставки оружия в Иран. Так, за период с 2010 по 2018 г. 28% всего экспорта китайских вооружений на Ближнем Востоке направлялось в Иран [7]. Что касается материальной и технической поддержки иранской ядерной программы, она была заморожена в 1997 г., однако, как отмечает специалист по израильско-китайским отношениям А.Орион, этот шаг был сделан в рамках договоренностей КНР с США, а не с Израилем [9].

Если рассматривать официальные заявления Израиля и израильских премьер-министров, то можно заметить, что и в самом Израиле также осознали безуспешность попыток добиться прекращения поставок китайских вооружений в Иран, в связи с чем акцент сместился на заявления о необходимости того, чтобы Китай повлиял на Иран в вопросе ядерной программы. В частности, этот вопрос был затронут премьер-министром Э.Ольмертом (2006–2009 гг.) во время его визита в Пекин в 2007 г., об этом также свидетельствует и речь премьер-министра Б.Нетаньяху, с которой он в 2013 г. выступил в Кнессете, подчеркнув, что этот вопрос обсуждался в ходе переговоров с Си Цзиньпином⁸.

Отметим, что каких-либо изменений в ирано-китайских отношениях, отвечающих интересам Тель-Авива, не произошло. Более того, с приходом к власти в КНР председателя Си Цзиньпина интенсифицировались контакты между Пекином и Тегераном в военной сфере, а именно возросло количество совместных военных учений, визитов высших военных чинов как из КНР, так и из Ирана [9]. Несмотря на антииранскую политику США и санкционное давление в период администрации Д.Трампа, ряд китайских компаний продолжили вести торгово-экономическое сотрудничество с Ираном в таких сферах, как ракетные технологии, грузовые авиаперевозки, импорт нефти и транспорт нефтепродуктов водным путем, причем последним, по заявлению американских властей, занимаются две дочерние компании китайской государственной судоходной корпорации *China COSCO Shipping* [5].

⁸ <https://mfa.gov.il/MFA/AboutTheMinistry/Events/Pages/Israel%20and%20China%20mark%2015%20years%20of%20diplomatic%20relations%2024-Jan-2007.aspx>; https://www.gov.il/BlobFolder/news/speech40sugn050613/he/mediacenter_speeches_documents_40sign050613_1.doc (accessed 19.07.22)

Однако было бы неправильно делать вывод о том, что на Ближнем Востоке Пекин сделал выбор в пользу развития стратегического сотрудничества исключительно с Ираном, поскольку КНР характеризует свои отношения как стратегическое сотрудничество с такими арабскими странами как ОАЭ и Саудовская Аравия, при этом объем товарооборота Китая с арабскими монархиями Персидского залива больше, чем с Ираном (\$78,1 млрд и \$48,4 млрд против \$23 млрд, соответственно)⁹ [9]. О сбалансированности позиции Пекина свидетельствует ближневосточное турне главы МИД КНР Ван И в январе 2022 г., в ходе которого он встретился с коллегами из Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта, Омана, Турции и Ирана, а также с генсеком Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), подчеркнув, что страны региона не должны зависеть от «внешнего патриарха», и что народы стран региона должны сами решать свою судьбу [10].

В то же время укрепление ирано-китайских отношений не сказалось негативным образом на развитии израильско-китайских отношений, в особенности в торгово-экономической сфере. Так, например, с 2000 до 2020 г. товарооборот КНР с Израилем вырос с \$836 млн до \$11,8 млрд¹⁰ [12].

Что касается развития сотрудничества Израиля в военной и политической сфере с Пекином, то оно было ограничено позицией США [11]. При этом отношения с Тель-Авивом, несмотря на большой объем товарооборота, Пекин характеризует с 2017 г. как «всеобъемлющее инновационное сотрудничество», избегая использования слова стратегическое сотрудничество [9]. Однако подобный шаг сделан в интересах двух стран, поскольку стратегическое сотрудничество Израиля с КНР вызывало бы недовольство у США в случае Израиля, а в случае КНР могло бы в теории привести к негативным последствиям в вопросах сотрудничества с мусульманскими странами, в частности с Ираном.

Другим примером сбалансированной позиции Китая является пример участия китайских компаний в строительных проектах как на территории Израиля, так и Ирана. В частности, китайская компания *China Railway Tunnel Group*, владеющая 51% доли в совместном израильско-китайском консорциуме, строящем линию наземного метрополитена Тель-Авива, является дочерней компанией *China Railway Group*, которая, в свою очередь, совместно с иранским конгломератом Хатам аль Анбия, аффилированным с КСИР (Корпус стражей исламской революции), занимается строительством скоростной ж/д линии Тегеран-Кум-Исфахан [5].

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на принципиальную важность вопроса противодействия Ирану в политике Израиля, он не оказывает негативного влияния на развитие израильско-китайских отношений, даже несмотря на провал попыток Тель-Авива убедить Пекин остановить поставки вооружений в Иран. Как подчеркивает А.Орион, это говорит об амбивалентности политики Израиля. С одной стороны, Тель-Авив выступает против Ирана на международной арене и принимает соответствующие законы внутри страны, позволяющие аннулировать тендеры иностранных компаний, если те принимали участие в развитии ядерной программы Ирана. С другой, он не предпринимает каких-либо действий против работающих в Израиле китайских компаний, число которых растет [9].

Как считает А.Орион, корректнее было бы классифицировать такой подход Израиля как прагматичный, поскольку в Израиле осознают важность развития отношений с КНР как с крупной мировой державой, играющей важную роль в новом формирующемся миропорядке, делая выбор в пользу долгосрочного развития торгово-экономического сотрудничества с одной из крупнейших экономик мира, не забывая при этом каждый раз при переговорах затрагивать волнующие Тель-Авив темы (в данном контексте – ирано-китайские отношения), даже несмотря на отсутствие ответной реакции китайской стороны.

Возобновление усилий Израиля по корректировке позиции КНР в отношении Ирана на фоне изменившейся обстановки на Ближнем Востоке после подписания т.н. «Авраамических соглашений» (серия совместных заявлений о нормализации отношений между Израилем, ОАЭ и Бахрейном, вступивших в силу в 2020 г. – подробнее см.: [20]). Эти соглашения способствовали нормализации отношений Израиля с монархиями Персидского залива на основе общего подхода стран к Ирану, однако это вряд ли повлияет на принципиальную позицию Пекина, заключающуюся в соблюдении нейтралитета в развитии отношений со странами Ближнего Востока.

⁹ <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country> (accessed 20.07.22)

¹⁰ Central Bureau of Statistics of Israel. https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/DocLib/2021/024/16_21_024maz_usd.pdf (accessed 19.07.22)

В то же время негативное влияние на израильско-китайские отношения оказывает не сам факт ирано-китайского стратегического сотрудничества, а Вашингтон, который на фоне ухудшения американо-китайских отношений требует ограничить вовлеченность КНР и китайских компаний в экономику Израиля [11].

ИЗРАИЛЬ – ИНДИЯ – ИРАН

Вопрос ирано-израильского противостояния находит свое отражение также и в развитии отношений между Тель-Авивом и Нью-Дели. Отметим, что Индия поддерживает высокий уровень отношений с Тегераном. В 2013–2015 гг. 6% всей импортированной Индией нефти было из Ирана [14], объем двухсторонней торговли в 2018 г. составил примерно \$17 млрд [13], однако, по данным Всемирного банка, импорт из Ирана снизился до \$3 млрд в 2019 г.¹¹ Внимания также заслуживает проект строительства газопровода «*IPI (Iran-Pakistan-India) Pipeline*», который должен пройти из Ирана в Индию через территорию Пакистана, но до сих пор так и не был реализован [15].

Несмотря на упомянутый высокий уровень отношений, можно заметить изменения в индийско-иранских отношениях, вызванные рядом объективных факторов. В первую очередь, это связано с опасениями индийского руководства относительно возможных санкций США из-за продолжения сотрудничества с Тегераном, что привело к резкому снижению импорта иранской нефти [13]. Примечательно, что это произошло параллельно с увеличением объема закупок индийской стороной нефти из Саудовской Аравии и качественным улучшением отношений между Нью-Дели и монархиями Персидского залива¹².

Несмотря на вышеуказанные факты, Иран продолжает оставаться крупным торговым партнером Индии, хотя товарооборот с Тегераном (\$7,1 млрд) уступает товарообороту Индии с ОАЭ и Саудовской Аравией (\$70,2 млрд и \$32,7 млрд, соответственно)¹³.

Руководство Израиля, на фоне углубления стратегического сотрудничества с Индией, неоднократно предпринимало попытки использовать все доступные меры для оказания влияния на позицию Индии по Ирану и, прежде всего, по вопросам, связанным с иранской ядерной программой. В частности, впервые вопрос Ирана был затронут в 1993 г. во время визита министра иностранных дел Индии. На фоне отказа Нью-Дели поставить Ирану экспериментальный ядерный реактор израильская сторона была заинтересована в прекращении ирано-индийского сотрудничества в ядерной сфере [16].

С развитием израильско-индийских отношений, в особенности в военно-технической сфере, в израильских политических и военных кругах стали озвучиваться опасения относительно возможной утечки израильских военных технологий из Индии в Иран [17]. В частности, такое мнение озвучил премьер-министр А.Шарон во время своего визита в Индию в 2003 г., учитывая почти полное сходство между теми услугами, которые израильские военные компании предоставили Индии, и теми, которые индийские компании должны были предоставить Ирану в рассматриваемый период [16].

Особого внимания заслуживает 2008 год, когда индийская сторона осуществила запуск израильского спутника «*TecSAR*», отметив, что спутник предназначен для гражданских целей. В свою очередь, у Израиля было другое мнение. Так, израильские СМИ заявляли, что с территории Индии на околоземную орбиту был выведен спутник-шпион, основная цель которого – наблюдение за территорией Ирана [17]. Можно предположить, что позиция и риторика израильских СМИ являются частью усилий Израиля по втягиванию Индии в антииранскую кампанию Тель-Авива. При этом Нью-Дели всячески отрицал антииранское предназначение спутника «*TecSAR*».

Попытки Израиля оказать влияние на иранское направление внешней политики Индии на этом не прекратились. В 2012 г. Израиль посетил с визитом министр иностранных дел Индии С.М.Кришна. Известно, что во время его переговоров с премьер-министром Нетаньяху затрагивался вопрос Ирана. В частности, относительно вопроса иранской ядерной программы и необходимости участия Индии в

¹¹ <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2018/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country>; <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country> (accessed 21.07.22)

¹² India-Saudi Economic and Commercial Relations. Embassy of India, Riyadh, Saudi Arabia. <https://www.eoiriyadh.gov.in/page/india-saudi-business-relations/> (accessed 21.07.22)

¹³ <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2019/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country> (accessed 21.07.22)

санкционном режиме индийский министр отметил, что Нью-Дели поддерживает желание Тегерана развивать мирный атом, однако этот вопрос должен рассматриваться в рамках МАГАТЭ [16].

Не менее важным событием, произошедшим в рассматриваемый период, был подрыв автомобиля, принадлежащего израильскому посольству в Нью-Дели, в результате которого ранение получила супруга военного атташе Израиля. Израильская сторона заявила, что ответственность за серию терактов против израильтян и израильских дипломатических представительств (в т.ч. и вышеупомянутый теракт в Нью-Дели) лежит на Иране и «Хезболле»¹⁴. В свою очередь, полиция Индии по итогам расследования подтвердила заявления Израиля, заявив о причастности КСИР Ирана к теракту¹⁵. Казалось бы, создавалась платформа для солидаризации Израиля и Индии и постепенного ухудшения ирано-индийских отношений. Однако в действительности итоги расследования терактов не оказали влияния на иранский вектор индийской политики.

Отметим, что в целом шаги, предпринимаемые Израилем, не смогли привести к смене подхода Индии к Ирану. Индия старается придерживаться политики баланса и не делать выбора в пользу какой-либо из сторон израильско-иранского противостояния. В этой связи примечательно, что в 2019 г. С.Чиной, генеральный директор Института оборонных исследований и анализа в Нью-Дели, отвечая на вопросы израильской газеты *Israel Hayom* относительно Ирана и его антиизраильской политики, дал сбалансированный ответ, который содержал в себе нейтральную позицию, не отдавая предпочтения ни Ирану, ни Израилю¹⁶. Этот ответ лучше всего раскрывает суть политики Индии на Ближнем Востоке и суть политики баланса, которая заключается в желании развивать отношения со всеми странами региона без выбора каких-либо сторон в конфликтных вопросах.

Для Индии важно развитие отношений с Тель-Авивом как с государством-источником высоких технологий и крупным поставщиком вооружений для нужд вооруженных сил Индии. Близкие отношения Нью-Дели с Тегераном не помешали Индии стать крупнейшим импортером вооружений израильского производства. Так, согласно данным SIPRI, как в период 2014–2018 гг., так и в 2017–2021 гг. на Нью-Дели приходилось 46% и 37% всего экспорта вооружений из Израиля, соответственно¹⁷. В то же время развитие отношений с Ираном, в особенности в сфере импорта нефти, важно для Нью-Дели, чтобы сохранить баланс и диверсификацию источников поставок углеводородов и не впасть в зависимость от одного экспортера, например от монархий Персидского залива.

Однако, несмотря на этот факт, можно заметить изменения, произошедшие в индийско-иранской торговле. В частности, как уже отмечалось выше, объем импорта нефти снизился с \$18 млрд в 2018 г. до \$3,3 млрд 2019 г.¹⁸ Примечательно, что на фоне снижения импорта в 2020 г. Тегеран подверг критике Нью-Дели за жестокое обращение с мусульманским населением страны. Также иранская сторона недовольна прогрессом в развитии порта Чахбахар, единственного океанского порта Ирана, расположенного на юго-востоке Ирана, на берегу Оманского залива, и имеющего выход в Индийский океан¹⁹. Впервые договоренность между Нью-Дели и Тегераном о развитии порта была достигнута в 2003 г., однако она не была реализована [18]. Причиной всему этому являются США и их политика санкций. Опасаясь ввода санкций, Индия подвергла пересмотру свои отношения с Ираном, что, несомненно, полностью отвечает интересам Израиля.

В то же время было бы неправильно говорить о полном провале в ирано-индийских отношениях, поскольку интерес стран к развитию двухсторонних отношений сохраняется, о чем свидетельствует двухдневный визит главы МИД Ирана Х.А.Абдоллахияна в Индию в июне 2022 г., в ходе которого стороны обсуждали возможность перевода в национальные валюты двухсторонней торговли²⁰. Более того, как замечает издание *The Diplomat*, Нью-Дели может возобновить импорт нефти из Ирана, несмотря на санкционное давление, используя при этом опыт закупок российской нефти после ввода санкций стра-

¹⁴ Ynet. 13.02.2012. (In Hebr.). <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-4189053,00.html> (accessed 19.07.22)

¹⁵ Haaretz. 30.07.2012. (In Hebr.). <https://www.haaretz.co.il/news/politics/1.1789182>

¹⁶ Israel Hayom. 06.09.2019. (In Hebr.). <https://jiss.org.il/he/iran-cannot-threaten-israels-destruction/> (accessed 20.07.22)

¹⁷ SIPRI Fact Sheet, March 2019. https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-03/fs_1903_at_2018.pdf; https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf (accessed 21.07.22)

¹⁸ <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2018/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country>; https://sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf (accessed 21.07.22)

¹⁹ Pars Today. 16.02.2020. <https://parstoday.com/ru/radio/programs-i110112>

²⁰ The Indian Express. 09.06.2022. <https://indianexpress.com/article/india/india-iran-narendra-modi-rupee-banking-mechanism-iranian-foreign-minister-hossein-amir-abdollahian-7961298/> (accessed 20.07.22)

нами Запада в 2022 г. [19]. Интерес также вызывает возобновление проекта развития порта Чабахар и газопровода Иран-Оман-Индия, который рассматривается в качестве альтернативы неудавшемуся проекту «*IPI Pipeline*», особенно принимая во внимание соглашение о строительстве газопровода между Оманом и Ираном, подписанное 23 мая 2022 г. [19].

Таким образом, можно заметить, что усилившаяся в период президентства Д.Трампа резкая антииранская политика способствовала достижению успехов в кампании Тель-Авива по снижению уровня ирано-индийских отношений, чего до этого в течение многих лет не мог добиться Израиль. В то же время этот успех можно считать временным из-за обоюдосторонних интересов Индии и Ирана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, фактор противодействия Ирану, несмотря на его приоритет во внешней политике Израиля, имеет незначительное влияние на развитие двухсторонних отношений Израиля с двумя стратегическими партнерами Тегерана – Индией и КНР. Более того, не будет преувеличением сказать, что попытки Израиля убедить Пекин и Нью-Дели скорректировать курс внешней политики в отношении Ирана оказались безрезультатными. Китайско-иранские отношения вышли на уровень стратегического партнерства, предусматривающего более тесное сотрудничество в военной сфере и на уровне разведывательных служб. Более того, Иран явно заинтересован в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь». Индийско-иранские отношения, несмотря на снижение импорта нефти из Ирана из-за угрозы санкций США, остаются на достаточно высоком уровне, при этом страны продолжают переговоры по реализации крупных проектов, таких как порт Чабахар или газопровод Иран-Оман-Индия.

Единственным успешным для Израиля примером можно считать снижение уровня индийско-иранских отношений и снижение импорта иранской нефти в результате антииранской политики США во время президентства Д.Трампа.

В то же время произошли объективные изменения в ирано-китайских и ирано-индийских отношениях. Так, в экономической плоскости объем товарооборота КНР и Индии с монархиями Персидского залива и арабскими странами региона стал превышать товарооборот с Ираном. Параллельно с этим идет процесс нормализации отношений между Израилем и арабскими странами региона, что в свою очередь выстраивает новую расстановку сил в регионе. Тем не менее, принимая во внимание особенность позиций КНР и Индии в регионе, в рамках которых страны развивают отношения со всеми государствами Ближнего Востока, ставя во главу угла свои интересы, кардинальные изменения в их ближневосточной политике кажутся маловероятными.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Морозов В.М. Признаки государственности ХАМАС, «Хезболлы» и ИГИЛ: Историкографический обзор. *Научный диалог*. 2019. № 9, с. 391–406. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-391-406
Morozov V.M. Signs of Statehood of Hamas, Hezbollah and ISIS: Historiographical Review. *Nauchniy dialog*. № 9. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-391-406
2. שגב ה. רימר א. לא שיטפון, אך זרם מתגבר – מכירת נשק מסין למזרח התיכון: מאפיינים, מגמות והשלכות על ישראל-סין: *הודמנויות ואתגרים*. מזכר 185, המכון למחקרי ביטחון לאומי, תל אביב ע' 71-90
Segev H. Riemer O. Not a Flood, but a Rising Current: Chinese Weapons Sales to the Middle East. *China-Israel Relations: Opportunities and Challenges*. Memorandum 185. 2019. Pp. 71–90. (In Hebr.). <https://www.inss.org.il/he/wp-content/uploads/sites/2/2018/12/%D7%9C%D7%90-%D7%A9%D7%99%D7%98%D7%A4%D7%95%D7%9F-%D7%90%D7%A-%D7%96%D7%A8%D7%9D-%D7%9E%D7%AA%D7%92%D7%91%D7%A8-%D7%9E%D7%9B%D7%99%D7%A8%D7%AA-%D7%A0%D7%A9%D7%A7-%D7%9E%D7%A1%D7%99%D7%9F-%D7%9C.pdf> (accessed 19.07.22)
3. צימט ר. רימר א. כנר י.ש. אבידן ט. יחסי סין-איראן בעקבות הסכם הגרעין והסרת הסנקציות — שותפות בעירבון מוגבל. *עדכן אסטרטגי*, כרך 20, גיליון 2, יולי 2017, המכון למחקרי ביטחון לאומי, תל אביב – ע' 37-47
Zimmit R.P. Riemer A. Kaner I. Avidan T. China-Iran Relations following the Nuclear Agreement and the Lifted Sanctions: Partnership Inc. *Strategic Assessment*. 2017. Vol. 20, № 2, pp. 37–47. (In Hebr.). https://www.inss.org.il/he/wp-content/uploads/sites/2/2017/07/Adkan20-2HEB_4-1.pdf (accessed 21.07.22)
4. Vatanka A. China's Great Game in Iran. *Foreign Policy*. 05.09.2019. <https://foreignpolicy.com/2019/09/05/chinas-great-game-in-iran/> (accessed 19.07.22)

5. לים ק. היחסים בין סין לאיראן: היבטים אסטרטגיים, כלכליים ודיפלומטיים בראייה השוואתית. *מזכר 215*, המכון למחקרי ביטחון לאומי, תל אביב ע' 62. 2021.
Lim K. China-Iran Relations: Strategic, Economic and Diplomatic Aspects in Comparative Perspective. *Memorandum 215*. P. 62. 2021. (In Hebr.). <https://www.inss.org.il/he/publication/iran-china-memorandum/> (accessed 19.07.22)
6. Abadi J. Israel's Quest for Recognition and Acceptance in Asia: Garrison State Diplomacy. L.: Frank Cass, 2004. P. 607.
7. Yee H. Storey I. (eds) The China Threat: Perceptions, Myths and Reality. L.: Routledge. 2002. P. 344
8. Shai A. Sino-Israeli Relations: Current Reality and Future Prospects. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2011. Vol. 5. № 2, pp. 17–42. DOI: 10.1080/19370679.2011.12023178
9. אוריון א. יחסי ישראל-סין – שותפות אסטרטגית בע"מ: עיקרי מסקנות והמלצות לישראל. *מזכר*, המכון למחקרי ביטחון לאומי, תל אביב המכון
Orion A. Strategic Partnership Ltd.: China-Iran Relations and their Significance for Israel. The Institute for National Security Studies. Tel-Aviv. 2021. (In Hebr.). <https://www.inss.org.il/he/wp-content/uploads/sites/2/2021/03/%D7%A4%D7%A8%D7%A1%D7%95%D7%9D-%D7%9E%D7%99%D7%95%D7%97%D7%93-290321.pdf> (accessed 21.07.22)
10. 2022, 1557, פלדמן ב.ח. לביא ג. סין, רוסיה ושיחות הגרעין בווינה: המתנה שלא מפסיקה לתת. מבט על, גיליון 1557, 2022.
Feldman-Druyan B.C. Lavi G. China, Russia, and the Nuclear Talks in Vienna: The Gift that Keeps Giving. *INSS Insight № 1557*, 2022. <https://www.inss.org.il/he/publication/china-russia-jcpoa/> (accessed 19.07.22)
11. Shichor Y. Israel and China: Mutual demystification in Chinese-Israeli relations. *Israel and The World Powers: Diplomatic Alliances and International Relations beyond the Middle East*. 2014. I.B.Tauris & CO Ltd, Pp. 106–124. DOI: 10.5040/9780755611522.ch-005
12. Микаелян А.А., Морозов В.М. Фактор США в израильско-китайских и израильско-индийских отношениях. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021. VI. 21, № 2, с. 338–349. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-349
Mikaelian A.A., Morozov V.M. The U.S. Factor in Sino-Israeli and Indian-Israeli Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*. № 2. Pp. 338–349. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-34
13. Sen A. India-Iran trade dips 79.4 per cent in April-Nov: may fall further. *The Hindu*. 07.01.2020. <https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-iran-trade-dips-794-per-cent-in-april-nov-may-fall-further/article30505810.ece> (accessed 21.07.22)
14. Teja J. India-Iran Relations in a New Context. *American Foreign Policy Interests*. 2015. Vol. 37. Pp. 87–94. DOI: 10.1080/10803920.2015.1038922
15. Baidya S. India's Policy towards Iran: Reflection of Intentions, Ambiguities and Complexities. *International Studies*. 2017. Vol. 54. № 1-4. Pp. 141–161. DOI: 10.1177/0020881718790432
16. Cheema S. A. Essays on Iran and Israel: An Indian Perspective. KW Publishers Pvt Ltd. 2014. P. 230.
17. שפיר י. על חבל דק – ישראל, הודו ואיראן \ י. שפיר \ עדכן אסטרטגי המכון למחקרי ביטחון לאומי, תל אביב, כרך 16, גיליון 1, אפריל 2013 ע' 65 - 74
Shapir Y. Walking a Fine Line: Israel, India and Iran. Strategic Assessment. 2013, V. 16, № 1, pp. 65–74. (In Hebr.). <https://www.inss.org.il/he/wp-content/uploads/sites/2/systemfiles/%D7%A9%D7%A4%D7%99%D7%A8.pdf> (accessed 21.07.22)
18. Basu M. Oil, Chabahar, 'violence against Muslims' – why India-Iran ties are going into free fall. *The Print*. 2020. <https://theprint.in/diplomacy/oil-chabahar-violence-against-muslims-why-india-iran-ties-are-going-into-free-fall/376836/> (accessed 21.07.22)
19. Agarwal R. India-Iran Ties are Ripe for a Reset. *The Diplomat*. 2022. <https://thediplomat.com/2022/06/india-iran-ties-are-ripe-for-a-reset/> (accessed 21.07.22)
20. Лиюкумович Я.Б., Ахматшина Э.К. (Санкт-Петербург). «Авраамовы соглашения» между Израилем, ОАЭ и Бахрейном: изменения геополитической реальности Ближнего Востока. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 64–68. DOI: 10.31857/S032150750016335-0
Liokumovich Ya.B., Akhmatshina E.K. The Abraham Accords between Israel, UAE and Bahrain in the context of changing of the geopolitical reality in the Middle East. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 64–68. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016335-0

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Микаелян Арман Артакович, кандидат исторических наук, кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока, МГИМО-университет МИД России, Москва, Россия.

Arman A. Mikaelian, PhD (History), Department of Middle East Languages, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 03.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.12.2022

Япония. Меры поддержки государством цифровой трансформации малых и средних предприятий

© Шапошников С.В.^a, Садои Ю.^b, 2023

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-4563-259X; svshaposhnikov@hse.ru

^b Университет Мэйдзё, Нагоя, Япония

ORCID: 0000-0002-3830-5614; sadoi@meijo-u.ac.jp

Резюме. Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса становится важной задачей для обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности Японии, где число малых и средних предприятий составляет около 99,7% от общего числа компаний. МСП обладают ограниченными ресурсами и возможностями для роста и развития, что создает ряд барьеров на пути цифровой трансформации. В Японии большая часть барьеров связана с управлением и деловой культурой МСП. Поскольку правительство Японии возлагает большие надежды на повышение производительности труда МСП в качестве драйвера роста и конкурентоспособности экономики, то поддержка правительства становится основой перехода малых и средних предприятий к цифровой трансформации.

Меры поддержки правительства Японии направлены на обучение персонала МСП, повышение квалификации управленцев и рядовых сотрудников, обеспечение консультационных услуг. Кроме того, Правительство обеспечивает налоговые вычеты при реализации цифровой трансформации МСП, подталкивает компании к переходу на цифровые платформы документооборота, обеспечивает повышение кибербезопасности бизнеса.

Ключевые слова: Япония, малые и средние предприятия, цифровая трансформация, барьеры цифровой трансформации, роль правительства в цифровой трансформации

Для цитирования: Шапошников С.В., Садои Ю. (Япония). Япония. Меры поддержки государством цифровой трансформации малых и средних предприятий. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 42–48. DOI: 10.31857/S032150750020537-2

Japan. Government Support Measures for Digital Transformation of Small and Medium-Sized Enterprises

© Sergey V. Shaposhnikov^a, Yuri Sadoi^b, 2023

^a HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4563-259X; svshaposhnikov@hse.ru

^b Meijo University, Nagoya, Japan

ORCID: 0000-0002-3830-5614; sadoi@meijo-u.ac.jp

Abstract. The digital transformation of small and medium-sized enterprises (SMEs) is becoming an important challenge and an aim for economic growth and development in different countries. Digital transformation enhances competitive advantage, improves business efficiency and ensures economic growth of companies worldwide. Considering that the SMEs in Japan account for over 99,7% of the total number of enterprises, the digital transformation of SMEs is becoming an important instrument for the Government of Japan to ensure economic growth of the national economy.

SMEs have limited resources and capabilities and this fact creates a number of barriers to implement the digital transformation. These barriers include the limited financial resources, companies' management, technological, digital security barriers, and others. In the case of small and medium-sized companies in Japan, most of the barriers are related to management and business culture of SMEs. Since the Japanese government has high expectations for SME productivity, competitiveness and economic contribution as drivers of economic growth and national competitiveness, in such an environment, the support of the government is becoming the basis and an essential condition for SMEs to advance along the path of digital transformation. The government support measures are aimed at training SME personnel, upgrading the skills of managers and owners, and providing consulting services to implement the digital transformation.

In addition, the Government of Japan provides tax deductions for companies to implement the digital transformation, encourages companies to employ the electronic document management systems, and ensures the cybersecurity improvements for business community.

Keywords: Japan, SMEs in Japan, digital transformation, barriers for digital transformation, government role in digital transformation

For citation: Sergei V. Shaposhnikov, Yuri Sadoi (Japan). Japan. Government Support Measures for Digital Transformation of Small and Medium-Sized Enterprises. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 42–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020537-2

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия, наряду с проблемой стагнации японской экономики, актуальным стал вопрос низкой производительности и конкурентоспособности японского бизнеса. Компании, оказавшиеся в еще более жестких условиях работы во время пандемии *COVID-19*, были вынуждены приступить к организационным реформам для повышения производительности труда и конкурентоспособности. Эти реформы касаются не только институциональных и системных реформ, таких как сокращение персонала, обновление кадровых систем (пожизненная занятость, оплата и продвижение за выслугу лет и др.), но и связаны с разработкой новой философии управления организацией, активным внедрением цифровой трансформации (ЦТ).

Цифровая трансформация в малых и средних предприятиях (МСП) Японии становится актуальной темой, особенно учитывая тот факт, что из 4,21 млн компаний Японии около 99,7% – малые и средние, которые обеспечивают почти 70% всей занятости населения и создают около 50% добавленной стоимости¹. Цифровая трансформация рассматривается малыми и средними предприятиями как инструмент выживания, повышения производительности и конкурентоспособности.

Учитывая возрастающий экономический потенциал экономик стран Азии, с одной стороны, и снижение рождаемости, старение населения и сокращение рабочей силы – с другой, правительство Японии возлагает большие надежды на повышение производительности труда МСП в качестве драйвера роста экономики и конкурентоспособности страны.

Следует отметить то, что, по сравнению с крупными компаниями, МСП уступают им в располагаемом финансовом капитале, человеческих ресурсах, встречают ряд барьеров, препятствующих реализации ЦТ. В таких условиях роль правительства в разработке политики и программ поддержки МСП на пути цифровой трансформации приобретает исключительную актуальность.

МСП И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Малые и средние предприятия классифицируются на основе числа занятых, выручки, капитала или комбинации этих показателей. Роль малых и средних предприятий в экономиках различных стран существенна – они создают рабочие места, развивают национальные экономики, на них приходится около 90% всех предприятий и более 50% рабочих мест в мире².

Поскольку МСП зачастую зависят от государственной политики и программ поддержки, изучение цифровой трансформации МСП должно включать и роль государства. Осознавая значимость МСП для национальных экономик, правительства инициируют специальные программы поддержки и финансирования [1].

Сегодня цифровая трансформация становится инструментом для достижения конкурентных преимуществ в условиях быстрых изменений и возрастающей рыночной конкуренции. Осуществляя цифровую трансформацию, компании отмечают её положительное влияние на экономические показатели [2], производительность [3], конкурентоспособность [4]. Цифровые технологии изменили работу компаний, снизив затраты на транспортировку, воспроизводство, поиск новых рыночных возможностей [5], дали возможность компаниям находить новые пути создания ценности [7]. Однако, согласно исследованиям, уровень цифровизации малых и средних предприятий в развитых странах всё еще остается низким³.

¹ https://chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2021/PDF/chusho/03Hakusyo_part1_chap1_web.pdf (In Jap.) (accessed 28.04.2022)

² Small and Medium Enterprises (SMEs) Finance. 2022. *WB*. <https://www.worldbank.org/en/topic/sme/finance> (accessed 07.05.2022)

³ *OECD*. <https://www.oecd.org/sti/ind/oecd-business-dynamics-insights-japan.pdf> (accessed 16.12.2021)

Существуют различные драйверы перехода компаний к цифровой трансформации, такие как мобильные приложения, социальные сети, Интернет вещей (*IoT*), аналитические инструменты, платформы для общения и обмена данными⁴. Однако наличие или применения цифровых технологий недостаточно для реализации цифровой трансформации [7], для этого компания должна иметь достаточные цифровые возможности, стратегии, культуру и практику обучения сотрудников в контексте цифровой трансформации. Кроме того, поведение и ожидания клиентов, цифровые сдвиги в отрасли, изменения в конкурентной среде [8], а также изменения в законодательстве [9] могут быть движущими силами цифровой трансформации. Более того, цифровая трансформация может быть вызвана возможностью повысить эффективность бизнеса, прибыль, удовлетворенность клиентов, технические стандарты, производительность труда сотрудников и обеспечить гибкость бизнеса для выявления новых источников доходов [10].

Несмотря на то, что цифровая трансформация положительно влияет на эффективность бизнеса, производительность и его рост, некоторые препятствия могут встать на её пути. Эти препятствия могут различаться в зависимости от отрасли, размеров компании, её культуры, уровней рыночной конкуренции, бизнес-сред и т.д. [11]. Предыдущие исследования выявили несколько препятствий для внедрения технологий в МСП: технические, финансовые, связанные с культурой компании, менеджментом, безопасностью данных, экономические, рыночные⁵.

МСП И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЯПОНИИ

Прежде чем приступить к рассмотрению ЦТ, необходимо привести определения цифровой трансформации малых и средних предприятий в Японии. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии в «Руководстве по продвижению цифровой трансформации» (2018 г.) определяет ЦТ как «преобразование продуктов, услуг и бизнес-моделей на основе потребностей клиентов и общества, а также преобразование самих операций, организаций, процессов, корпоративной культуры и климата с целью создания конкурентных преимуществ за счет использования данных и цифровых технологий в ответ на быстро меняющуюся бизнес-среду»⁶.

В Японии МСП определяются согласно «Основному закону об МСП» и классифицируются в зависимости от отрасли, капитала и числа занятых на постоянной основе (см. табл.).

Таблица. Малые и средние предприятия в Японии
Table. Small and medium-sized enterprises in Japan

Отрасль	Определение в «Основном законе о малых и средних предприятиях»
Обрабатывающая промышленность и другие	С капиталом или общим объемом инвестиций не более ¥300 млн, 300 или менее занятых на постоянной основе сотрудников
Оптовые компании	С капиталом или общим объемом инвестиций ¥100 млн или менее, 100 или менее занятых на постоянной основе сотрудников
Компании розничной торговли	С капиталом или общим объемом инвестиций ¥50 млн или менее, 50 или менее занятых на постоянной основе сотрудников
Компании сферы услуг	С капиталом или общим объемом инвестиций ¥50 млн или менее, 100 или менее занятых на постоянной основе сотрудников

Составлено авторами по: 中小企業庁. Definition of SMEs, the Small and Medium Enterprise Agency. (In Jap.). <https://www.chusho.meti.go.jp/soshiki/teigi.html> (accesses 05.05.2022)

Учитывая то, что число МСП в Японии составляет около 3,6 млн (99,7% от общего числа компаний⁷), цифровая трансформация МСП становится важным инструментом экономического роста Японии⁸. До недавнего времени вопросу ЦТ малых и средних предприятий не уделялось должного внима-

⁴ <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (accessed 12.05.2022)

⁵ Barriers to the Adoption of Future Digital Engineering Technology. Get it Right Initiative (GIRI). 2019. Pp. 1–52. <https://getitright.uk.com/live/files/reports/8-giri-ucl-barriers-adoption-future-digital-engineering-technology-1-452.pdf> (accessed 21.04.2022)

⁶ https://www.meti.go.jp/policy/it_policy/investment/keiei_meigara/keiei_meigara.html (In Jap.) (accessed 15.05.2022)

⁷ https://www.chusho.meti.go.jp/koukai/chousa/chu_kigyocnt/index.htm (In Jap.) (accessed 21.05.2022)

⁸ <https://prtimes.jp/main/html/rd/p/000000110.000010407.html> (In Jap.) (accessed 15.05.2022)

ния, предпринимаемые шаги были эпизодическими и несистемными, не затрагивали специфику МСП. Усилия Японии по цифровой трансформации и сегодня отстают от других развитых стран. Так, Япония по реализации цифровой трансформации занимает 23-е место в мире, отставая от других развитых стран⁹, а согласно рейтингу «*World Digital Competitiveness Ranking 2021*», ежегодно публикуемому швейцарской бизнес-школой *IMD*, Япония занимает 28-е место по общей цифровой конкурентоспособности (64 страны/региона)¹⁰.

В настоящее время более 40% компаний в Японии реализуют ЦТ. Из них на крупные компании приходится 60%, а на малые и средние компании – чуть менее 30%, и разрыв в этой сфере между компаниями растет¹¹.

Важность реализации ЦТ малых и средних предприятий указана в прогнозе «Цифрового обрыва 2025 г.», опубликованном Министерством экономики, торговли и промышленности в 2018 г. Согласно нему, если японские компании не реализуют цифровую трансформацию, то к 2025 г. международная конкурентоспособность страны снизится, а экономика продолжит дальнейшую стагнацию, что приведет к экономическим потерям в размере до ¥12 трлн (около \$90 млрд) в период 2025–2030 гг.¹²

В сентябре 2021 г. началась активная популяризация цифровой трансформации бизнеса – было создано «Цифровое агентство» для продвижения использования информационных технологий (ИТ) и реализации ЦТ в органах власти (т.е. осуществление процесса цифровой трансформации «сверху-вниз»)¹³.

Основные драйверы ЦТ бизнеса Японии по степени их значимости для компаний представим следующим образом:

- повышение операционной эффективности и снижение затрат;
- повышение ценности существующих продуктов и услуг;
- расширение каналов сбыта существующих продуктов и услуг;
- создание новых продуктов и услуг;
- создание нового бизнеса;
- трансформация бизнес-моделей;
- изменение корпоративной культуры и стиля работы¹⁴.

То есть, исходя из вышеуказанного, учитывая определение ЦТ, компании больше ориентируются на цифровизацию бизнеса, чем на цифровую трансформацию бизнеса.

БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МСП ЯПОНИИ

Остановимся на причинах сложившейся ситуации. В случае японского бизнеса необходимо упомянуть специфику деловой культуры и менеджмента. В деловой культуре Японии приоритет отдается межличностным отношениям, групповой гармонии и консенсусу, а не принятию быстрых решений и изменений, которые могут нарушить рабочую обстановку и потенциально разъединить стороны.

Трудолюбие, перфекционизм и избегание неопределенности также присущи национальному характеру японских менеджеров. Такая специфика национального характера создает барьеры для ЦТ, особенно в традиционных малых и средних компаниях, ограничивает или не позволяет внедрять новые технологии из-за опасения возможных трудностей, потери доверия, лояльности, что приводит к формированию среды, в которой с большим трудом принимаются изменения.

Учитывая основные барьеры цифровой трансформации в компаниях малого и среднего бизнеса Японии, их можно разделить на 4 основные группы – финансовые, связанные с безопасностью данных, менеджментом и деловой культурой.

К финансовым барьерам можно отнести *бюджетные ограничения*. Цифровая трансформация основывается на дорогостоящих ИТ-решениях, МСП достаточно сложно обеспечить необходимый объем инвестиций, которые не могут быть возмещены за короткий период времени¹⁵.

⁹ https://juas.or.jp/cms/media/2020/05/JUAS_IT2020_original.pdf?20200522 (In Jap.) (accessed 27.05.2022)

¹⁰ <https://www.ipa.go.jp/files/000082053.pdf> (In Jap.) (accessed 29.05.2022)

¹¹ <https://www.ipa.go.jp/files/000082053.pdf> (In Jap.) (accessed 29.05.2022)

¹² https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/digital_transformation/pdf/20180907_03.pdf (In Jap.) (accessed 18.05.2022)

¹³ デジタル庁. (Digital Agency). 2022. (In Jap.). <https://www.digital.go.jp/> (accessed 25.05.2022)

¹⁴ <https://www.otsuka-shokai.co.jp/erpnavi/topics/dx-mikata/archive/dx-minor-enterprises.html> (In Jap.) (accessed 12.05.2022)

¹⁵ <https://www.digital-transformation-real.com/blog/advantages-of-dx-for-sme.html#toc-1> (In Jap.) (accessed 18.05.2022)

Безопасность данных – недопонимание значимости и сути ЦТ создает опасения у руководства и сотрудников МСП, что цифровая трансформация может привести к утечке данных¹⁶.

Менеджмент японских МСП имеет определенную специфику, для которой характерен *дефицит ИТ-специалистов в области ЦТ*. Так, к 2025 г. дефицит достигнет 580 тыс. специалистов, а поскольку в Японии более 70% ИТ-специалистов – это сотрудники ИТ-компаний (поставщики инструментов и решений), привлечение и обучение ИТ-кадров в компаниях-пользователях является актуальной задачей.

В большинстве случаев у руководства МСП *отсутствует понимание значимости ЦТ и готовности измениться*, присутствует *негибкость мышления*, что ведет к тому, что решение о реализации ЦТ может быть запоздалым. В большинстве МСП сохраняются система менеджмента, основанная на значимости старшинства, и строгая иерархия, которые не позволяют реализовывать изменения без одобрения, поддержки достаточно пожилого руководства (средний возраст руководителей компаний неуклонно растет – с 54 лет в 1990 г. до 60,3 года в 2021 г.¹⁷).

Этот факт существенно ограничивает готовность компаний изменить бизнес-модели, организационные структуры и процессы. Около 20% компаний, которые идут по пути ЦТ, работают под началом руководителей в возрасте до 39 лет, а самый низкий показатель по внедрению ЦТ оказался у компаний, возглавляемых руководителями в возрасте 70 лет и старше¹⁸.

Из-за системы пожизненного найма большинство сотрудников МСП никогда не меняли место работы, что привело к утрате гибкости мышления, потере творческого подхода, стандартизации процессов. В такой среде сотрудники, следуя групповому мышлению, отказываются от реализации ЦТ¹⁹.

В большинстве МСП руководители испытывают сложности с *формулированием видения и стратегии цифровой трансформации*. Цель продвижения ЦТ – преобразование бизнес-модели и всей организации, однако в настоящее время многие японские компании ориентированы на повышение эффективности бизнеса за счет внедрения ИТ-инструментов, цифровизации, а не на переход к цифровой трансформации²⁰.

Традиционный документооборот – традиционный японский бизнес всё еще зависим от документооборота с использованием физического носителя информации (бумаги) и высокой значимости скрепления документов печатью. Такая ситуация, в свою очередь, существенно замедляет продвижение цифровой трансформации на малых и средних предприятиях.

Значимость личных встреч – значимость личных встреч, социализация, выстраивание отношений с коллегами, партнерами являются важными чертами деловой культуры Японии, не позволяют в полном объеме внедрить системы цифровой коммуникации, это приводит к тому, что рассмотрение возможности внедрения ЦТ подвергается критике и отторжению в МСП.

РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МСП

Проблема цифровой трансформации МСП существует уже много лет, и в последние годы правительство Японии работает над мерами по поддержке инициатив МСП в этой области. Поддержка правительства распространяется на муниципалитеты и торгово-промышленные палаты (ТПП), осуществляющие программы цифровой трансформации МСП, к которым можно отнести:

Обучение персонала МСП – при поддержке правительства местные органы власти и ТПП реализуют программы обучения, ориентированные на представителей МСП, что позволяет решить самый насущный вопрос МСП – нехватки сотрудников со знаниями в области ИТ и ИТ-специалистов, готовых реализовывать и поддерживать ЦТ.

¹⁶ DX 時代における 企業のプライバシーガバナンスガイドブック ver 1.0. In the DX Era, Corporate Privacy Governance Guidebook, ver. 1.0. 2022. METI. (In Jap.). <https://www.meti.go.jp/press/2020/08/20200828012/20200828012-1.pdf> (accessed 01.05.2022)

¹⁷ <https://www.tdb.co.jp/report/watching/press/pdf/p210202.pdf> (In Jap.) (accessed 05.05.2022)

¹⁸ https://image.itmedia.co.jp/l/im/mn/articles/2203/22/1_mn_itnews_22031002d.jpg#utm_source=yahoo_v3&utm_medium=feed&utm_campaign=20220325-146&utm_term=it_monoist-ind&utm_content=img (In Jap.) (accessed 05.05.2022)

¹⁹ 中堅・中小企業がデジタルトランスフォーメーションを推進すべき理由. Why SMEs Should Promote Digital Transformation. 2022. OTSUKA CORPORATION. (In Jap.). <https://www.otsuka-shokai.co.jp/erpnavi/topics/dx-mikata/archive/dx-minor-enterprises.html> (accessed 12.05.2022)

²⁰ <https://www.techfirm.co.jp/blog/dx-tyushokigyogyo> (In Jap.) (accessed 01.05.2022)

Образование управленцев – программа цифрового образования для менеджеров направлена на понимание сути ЦТ, понимание связи между цифровыми технологиями и созданием новых направлений бизнеса.

Эксперты-резиденты в ТПП – чтобы ТПП могли играть ведущую роль в инициативах по реализации цифровой трансформации МСП в различных частях страны, правительство предоставляет субсидии на привлечение экспертов-резидентов ТПП для оказания консультационных услуг для МСП²¹.

Госуслуги как драйвер ЦТ – внедрение цифровой трансформации в систему государственных услуг ведет к большей заинтересованности со стороны компаний (включая и МСП) в инициировании ЦТ.

Рассмотрим государственные административные сервисы для предприятий [16]:

1. *G-biz ID* – система аутентификации, которая позволяет компаниям получать доступ к государственным услугам с помощью единого идентификатора и пароля. Заявления на получение субсидий, процедуры социального страхования и различные сертификаты могут быть оформлены в цифровом формате.

2. *J-Grants* – система, которая позволяет бизнесу подавать заявки на гранты в режиме онлайн. Преимущества использования этой системы включают экономию на транспортных и иных расходах при подаче заявлений, инициирование системы документооборота без бумажных носителей.

3. *MiraSupport PLUS* – система, управляемая «Агентством малого и среднего предпринимательства Японии», позволяет компаниям получать доступ к грантам и программам поддержки малых и средних предприятий. Основные субсидии включают поддержку устойчивого развития, внедрения ИТ и развитие производства. Система также служит порталом с доступом к таким услугам, как поиск организаций по поддержке бизнеса, доступ к тематическим исследованиям, поиск экспертов, оказывающих консультации по управлению ЦТ и др.

Усиление кибербезопасности – при поддержке правительства Японии создан Консорциум кибербезопасности, деятельность которого направлена на усиление мер по кибербезопасности для предприятий, обеспечение работы цепочек поставок для крупных, малых и средних предприятий²².

Пока еще рано говорить об эффективности поддержки цифровой трансформации МСП Японии со стороны правительства. Но работа правительства в данном направлении дает четкий сигнал бизнесу о значимости осуществляемых мероприятий, осуществляется т.н. подход «сверху-вниз», что заставляет бизнес принимать во внимание предлагаемую поддержку. Ориентация на обучение не только сотрудников компаний, но и менеджеров / владельцев бизнеса, консультационные услуги и подталкивание компаний к переходу на цифровой путь посредством внедрения цифровых услуг, документооборота дает основание говорить о том, что изменения будут носить позитивный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня цифровая трансформация – неотъемлемая часть стратегии большинства компаний, нацеленных на улучшение бизнес-показателей, повышение производительности, рост конкурентоспособности. Экономика Японии строится на ключевой роли малых и средних предприятий, цифровая трансформация МСП становится важным инструментом экономического роста национальной экономики. Долгие годы вопросу цифровой трансформации малых и средних предприятий не уделялось должного внимания, предпринимаемые шаги были несистемными, не затрагивали специфику МСП, а усилия Японии по цифровой трансформации всё еще отстают от других развитых стран. Выявление основных драйверов цифровой трансформации бизнеса Японии дает основание сделать вывод о том, что компании больше ориентируются на цифровизацию бизнеса, чем на цифровую трансформацию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Eniola A., Entebang H. 2015. Government Policy and Performance of Small and Medium Business Management. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. Vol. 5. <https://www.researchgate.net/pub->

²¹ <https://www.jccci.or.jp/2021/12/202112digitalhonbun.pdf> (In Jap.) (accessed 17.05.2022)

²² なぜ海外では、中小企業のリスキリング支援が始まっているのか. Why is SME reskilling support starting overseas? 2021. Recruit Works Institute. (In Jap.). <https://www.works-i.com/project/dx2021/overseas/detail001.html> (accessed 18.05.2022)

- lication/274512494_Government_Policy_and_Performance_of_Small_and_Medium_Business_Management (accessed 28.05.2022); Park S., Lee I.H., Kim J.E. 2019. Government support and small- and medium-sized enterprise (SME) performance: The moderating effects of diagnostic and support services. *Asian Business and Management*. Vol. 19. https://www.researchgate.net/publication/332021001_Government_support_and_small-_and_medium-sized_enterprise_SME_performance_the_moderating_effects_of_diagnostic_and_support_services (accessed 25.05.2022)
2. Sundaram R., Sharma R., Shakya A. 2020. Digital transformation of business models: A systematic review of impact on revenue and supply chain. *International Journal of Management*. Vol. 11, pp. 9–21. https://iaeme.com/MasterAdmin/Journal_uploads/IJM/VOLUME_11_ISSUE_5/IJM_11_05_002.pdf (accessed 03.05.2022)
 3. Downes L., Nunes P. Big-bang disruption. 2013. *Harvard Business Review*. <https://hbr.org/2013/03/big-bang-disruption> (accessed 03.05.2022)
 4. Gigova T., Valeva K., Nikolova-Alexieva V. 2019. Digital Transformation - Opportunity for Industrial Growth. Proceedings of the 2019 International Conference CREBUS. <https://www.semanticscholar.org/paper/Digital-Transformation-%E2%80%93-Opportunity-for-Industrial-Gigova-Valeva/09b74e4625917b5a58d831bb13deaaf6faba2d8c> (accessed 13.05.2022)
 5. Chen Y. Improving market performance in the digital economy. 2020. *China Economic Review*. Vol. 62. <https://ideas.repec.org/a/eee/chieco/v62y2020ics1043951x20300791.html> (accessed 25.05.2022)
 6. Nambisan S., Wright M., Feldman M. 2019. The digital transformation of innovation and entrepreneurship: Progress challenges and key themes. *Research Policy*. <https://maryannfeldman.web.unc.edu/wp-content/uploads/sites/1774/2019/05/The-digital-transformation-of-innovation-and-entrepreneurship.pdf> (accessed 29.05.2022)
 7. Kane G., Palmer D., Phillips A.N., Kiron D. 2015. Is your business ready for a digital future? *MIT Sloan Management Review*. <https://sloanreview.mit.edu/article/is-your-business-ready-for-a-digital-future/> (accessed 17.05.2022)
 8. Piccinini E., Gregory R.W., Kolbe L.M. 2015. Changes in the Producer-Consumer Relationship-Towards Digital Transformation. *Wirtschaftsinformatik. Proceedings 2015*. <https://aisel.aisnet.org/wi2015/109> (accessed 22.05.2022)
 9. Berghaus S., Back A. 2017. Disentangling the Fuzzy Front End of Digital Transformation: Activities and Approaches. *ICIS 2017 Proceedings; Association for Information Systems*. 2017. https://www.alexandria.unisg.ch/254097/1/Disentangling%20the%20Fuzzy%20Front%20End%20of%20Digital%20Transformation_%20Acti.pdf (accessed 12.04.2022)
 10. Gremyr I., Witell L., Lofberg N., Edvardsson B., Fundin A. 2014. Understanding new service development and service innovation through innovation modes. *Journal of Business and Marketing*. Vol. 29, pp. 123–131. <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:706491/FULLTEXT01.pdf> (accessed 15.04.2022)
 11. Parida V., Johansson J., Braunerhjelm P. 2010. Barriers to information and communication technology adoption in small firms. *Working Paper. Swedish Entrepreneurship Forum*. https://entreprenorskapsforum.se/wp-content/uploads/2013/03/WP_03.pdf (accessed 15.04.2022)
 12. Tonsho N. 加速する行政のデジタル改革と、企業のDX推進に役立つ電子申請サービス例. Examples of electronic application services that are useful for accelerating digital reform of government and promoting DX of companies. 2021. *Frontier Consulting America*. (In Jap.). https://www.workersresort.com/jp/technology/dx_of_meti_and_companies/ (accessed 22.05.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шапошников Сергей Вячеславович, кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа бизнеса, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Sergey V. Shaposhnikov, PhD (Economics), Associate Professor, Graduate School of Business, HSE University, Moscow, Russia.

Садои Юри, доктор экономических наук, профессор, Экономический факультет, Университет Мэйдзё, Нагоя, Япония.

Yuri Sadoi, Dr. (Economics), Professor, Faculty of Economics, Meijo University, Nagoya, Japan.

Поступила в редакцию
(Received) 19.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.12.2022

SADCC as the First Step of Regional Integration in Southern Africa

© Singuwa Chimuka (Zambia)^{a,b}, Svetlana A. Bokeriya (Russia)^{a,c}, 2023

^a Russian Peoples' Friendship University (RUDN University),
Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-0812-9234; Jonathanial@yahoo.com

^c ORCID: 0000-0002-9052-4363; bokeria_sa@pfur.ru

Abstract. The formation of regional blocs and groupings in recent years became a stable feature of the world politics after 1945. The Conference on the Coordination of Southern African Development (SADCC) was formed in 1980 and later transformed into the Southern African Development Community (SADC), with the focus on integration of economic development. On the one hand, the main goal of the SADCC was to oppose South African apartheid, as well as to expand regional economic cooperation through effective coordination of the use of specific characteristics and strengths of each country and its resources. On the other hand, SADCC's objectives went beyond just reducing dependency to encompass basic development and regional integration.

This article reveals a brief history of the formation and evolution of SADCC as regional bloc and analyses the bilateral relations between SADCC/SADC and the Russian Federation. Methodologically, the article employed qualitative research by relying on the broad sources of data such as the United Nations official documents, and statistics of the specialized organizations. By applying a situation-structural approach to analyze and explain the development of institutionalized regional integration, the authors argue that, more than anything, the greatest success of SADCC/SADC since its formation, was not only in creating a regional identity, but in cultivating a sense of common destiny among the member states.

Keywords: SADCC, SADC Regional Integration, Southern Africa, frontline states, Russia, the United Nations, economic cooperation and development, public diplomacy, decolonization, sanctions, African liberalization, regionalism

Acknowledgment. The research was funded by the Russian Science Foundation (project № 23-28-01195).

For citation: Singuwa Chimuka (Zambia), Svetlana A. Bokeriya (Russia). SADCC as the First Step of Regional Integration in Southern Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 49–56. DOI: 10.31857/S032150750024037-2

САДКК как первый шаг региональной интеграции на юге Африки

© Singuwa Chimuka (Zambia)^{a,b}, Svetlana A. Bokeriya (Russia)^{a,c}, 2023

^a Российский университет дружбы народов (Университет РУДН),
Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-0812-9234; Jonathanial@yahoo.com

^c ORCID: 0000-0002-9052-4363; bokeria_sa@pfur.ru

Резюме. В статье представлена история создания организации Конференция по организации развития Юга Африки (САДКК), а также анализируются двусторонние отношения между САДКК/Сообществом развития Юга Африки (САДК) и РФ. Применяя ситуационно-структурный подход для анализа развития институционализированной региональной интеграции, авторы утверждают, что наибольший успех САДКК/САДК достигло не только в формировании региональной идентичности, но и в воспитании чувства общности судьбы у жителей стран-участниц.

Ключевые слова: САДКК, региональная интеграция САДК, юг Африки, прифронтовые государства, Россия, ООН, экономическое сотрудничество и развитие, публичная дипломатия, деколонизация, санкции, африканская либерализация, регионализм

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01195).

Для цитирования: Singuwa Chimuka (Zambia), Svetlana A. Bokeriya (Russia). SADCC as the First Step of Regional Integration in Southern Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 49–56. DOI: 10.31857/S032150750024 037-2

INTRODUCTION

The quest for regional integration in Africa has long been entrenched in the history of the continent [1]. Anchored in its diversities, African regional integration has been emerging from the politics of anti-colonialism, but on the basis of pre-existing colonial arrangements [2].

As a political response to both apartheid and colonial rule in the Republic of South Africa, Frontline States (FLS) emerged in 1975. The founding members were Angola, Botswana, Mozambique, Nigeria (Nigeria, which was voted as a member of the FLS by Zimbabwe, participated in several meetings as an informal associate member), Tanzania, and Zambia, and after independence in 1980, Zimbabwe joined the loose coalition and served as the coalition's Chairman for most of its existence [3].

The evolution of regional security structures in South Africa has a history that predates decolonization [4]. In the first decades, at the beginning of this cooperation in the late 1950s, the focus by African countries was on decolonization and the end of the white minority regime in the former Northern and Southern Rhodesia, South-West Africa and Southern Africa at large. Indeed, during this period, decolonization throughout the African continent was the main theme of African political consciousness and became an important impetus in the formation of the Organization of African Unity (OAU).

Within the anti-colonial context, Front-line States can be seen as one of the most important mechanisms that emerged in the mid-1970s at a time when ending colonialism and racial oppression were the most pressing issues in the region, as well as on the continent. The activities of Front-line States were often adopted after the activities of the OAU African Liberation Committee (ALC)¹, whose main task was to promote the process of decolonization in African countries. Besides, the Inter-State Defense and Security Committee (ISDSC) was established in 1975 as an important structure of FLS with a mandate to address various security issues, mainly related to the ideology of apartheid in South Africa, faced by member States in Southern Africa. The ISDSC played a crucial role in the liberation struggles against colonial and racist regimes and the maintenance of the national sovereignty and territorial integrity of the member states.

Apart from operating on the ideological foundations of Pan-Africanism, frontline state solidarity was based on three other factors. Firstly, the FLS operated within the framework of the decision-making principle with the presidential summit. The summit of FLS is attended by heads of state and government, as well as representatives of liberation movements. Secondly, the self-consistent restriction of FLS on membership had created a simplified governance structure and reduced conflicts within Front-line States. Thirdly, the informal nature of FLS had given members the flexibility to pursue independent policies [5]. Later after, these factors significantly influenced the structure and nature of the SADCC in terms of the special form of decision-making and the informal nature of the organization.

The FLS, as well as SADCC later, are not only focused on fighting for the independence and liberation of member states, but also on meeting some of their political as well as economic security needs. By the late 1970s, attempts by frontline states to counter their weaknesses in Southern Africa had evolved into a comprehensive search for a functional regional grouping to promote economic liberation through coordinated development initiatives.

African leaders were unanimous in their assessment of the threat that the regime in South Africa posed to the peace and stability of the region and its consequences if the international community would not take urgent and effective measures. African leaders were convinced that the main goal of South Africa was to consolidate and perpetuate the system of apartheid within the country and extend its domination to neighboring independent African States. The regime was hostile to cooperation between the independent African States and did everything in its power to sabotage such cooperation, especially in the field of transport and communications.

Although the goals of the South African regime have remained the same, it had developed a system of differential policies towards different countries in the region. It had occupied a large territory of Angola and was waging an open war against that country. South Africa supported the rebels and other hostile groups in Mozambique by providing funds and weapons. Concerning Zimbabwe, South Africa pursued a policy of destabilization at the economic, political, and propaganda levels. Its acts of destabilization, aggression, and ter-

¹ The African Liberation Committee was a body of the Organization of African Unity that aimed to serve the goals of African liberalization.

rorism against Zambia included supporting and training rebel groups, violating Zambia's air and land borders, mining sites and abducting civilians, and attacking refugee camps. Botswana, which shares a long border with South Africa, was forced to shelter many refugees. Its airspace had been violated and there had been cases of abductions and attacks from its territory. Even countries such as the United Republic of Tanzania that does not border South Africa had not escaped the impact of Pretoria's destabilizing political, economic, and propaganda activities.

The FLS were deeply concerned about the growing military burden of the regime and the threat that this growth posed to their security and independence. South Africa's nuclear programs had further aggravated the situation and created a sense of insecurity in neighboring African countries.

In November 1977, the UN Security Council adopted Resolution 418, which decided that all States should "cease forthwith any provision to South Africa of arms and related materiel of all types, including the sale or transfer of weapons and ammunition, military vehicles and equipment, paramilitary police equipment, and spare parts for the aforementioned, and should cease as well the provision of all types of equipment and supplies and granted of licensing arrangement for the manufacture or maintenance of the aforementioned" [6]. The mandatory arms embargo was imposed in response to the increasing violence of the apartheid regime in South Africa, including the response to the Soweto Uprising in 1976.

Some African leaders expressed deep concern about the cooperation of certain Western Countries with the apartheid regime, which allowed the latter to pursue a policy of aggression, destabilization, and economic war against the Front-line States. The continued political, economic, and military cooperation of some Western States and their transnational corporations with the South African regime allowed it to ignore the international community and created significant obstacles to the elimination of the inhumane and criminal apartheid system in South Africa and the achievement of self-determination, freedom and national independence by the people of Namibia.

However, while FLS had identified their role in economic cooperation outside the region as well as within, the key to leading the organization had been a strategy focused on political security, as a response to the destabilization of apartheid policies in the Republic of South Africa. The policy of destabilizing the white South African regime against black States in Southern Africa continued throughout the 1980s until the defeat of Southern Africa at Cuito Cuanavale in Angola in 1988 [7]. During that period, the destabilization of the region was carried out by the regime of Peter Willem Botha's "General strategy". That strategy was aimed at promoting economic and political cooperation with their neighbors on their terms and preserving access to regional resources without compromising their political system. That policy was formalized in early 1979 as part of the Constellation of South African States (CONSAS) program, which was to be confirmed by mutual security agreements, as well as various forms of political and economic Association².

Under its strategy of establishing dominance in this region, South Africa continued and intensified its aggressive and destabilizing actions against neighboring Front-line States, thereby trying to weaken their economies and thus maintain their dependence on South Africa, using them as hostages to ease external pressure on this country, forcing them to abandon support for opponents of the regime and, indeed, physically destroy such opponents. The South African regime was increasingly using death squads to kill and kidnap freedom fighters in neighboring states [8].

Despite the positive nature of the sanctions, they had their limits. Their impact on South Africa's economic and military power is still negligible, if not completely erased by the multilateral assistance from the UK, USA and Israel still provided to the regime. Moreover, these sanctions had not changed South Africa's attitude, which continued to be characterized by a lack of flexibility at home, aggressiveness, hegemony in the region, and stubbornness and contempt internationally.

In this sense, the destabilizer sought to disband the newly independent black states in the region, by supporting the rebel groups politically, economically, and militarily. This implied that the region was a battleground in which it was split and even more fragmented among the newly independent states. This regional conflict, which was caused by apartheid South Africa, hindered economic development, as well as disrupted transport, created large numbers of refugees, and forced southern African counties to increase military spending.

² CONSAS was to include South Africa, Botswana, Lesotho, and Swaziland (the so-called BLS countries), Rhodesia, Namibia, and the Bantustan states (Transkei, Venda, Bophuthatswana, and Ciskei).

Subsequently, “there was increased militarization in the region, on the one hand by forces that viewed colonial regimes as hindering their freedom, independence and security, and on the other by colonial powers that saw their acquired benefits and interests in danger” [9]. In this regard, Front-line States were seen as an important opportunity for building and strengthening a realistic security perspective in the region, mainly focusing on military and state thinking.

Nevertheless, regional security helped eventually propel Front-line States to form a resistance throughout Southern Africa and beyond. Thus, despite some manifestation of destabilization in the region, the experience of anti-colonial struggle and pan-African liberation in accordance with independence, were fundamental elements in the formation of FLS [10].

In the asymmetric environments between the white minority in dominance and the black majority in submission or resistance, national sovereignty, which was centrally placed in the thinking of realistic security in the region, was slightly compromised by a cooperative initiative, rather strengthened to not only preserve the newly gained independence, as to strengthen the cohesion of African nationalism in accordance with the pan-African liberation. Therefore, the FLS, as the predecessor of the SADCC, determined and largely characterized the successors of the regional security mechanism.

SADCC: FROM FORMATION TO THE REGIONAL INTEGRATION IN SOUTHERN AFRICA

Southern Africa Development Coordination Conference as an intergovernmental economic organization was created in 1980. The goal of the organization was to counter the economic dictates of South Africa in the sub-region. It provided the development of broad economic, scientific, technical, and foreign trade cooperation of the member countries and the expansion of their economic ties to achieve economic independence.

The Lusaka Declaration of 1980 provided the guiding Principles for economic liberation in Southern Africa. By adopting the Declaration, the SADCC leaders agreed to create a regional economic organization that would strengthen members, harmonize their policies, and reduce the influence of the Republic of South Africa in the region. As follows from this Declaration, the goals of the regional grouping were as follows: reducing the economic dependence of member States on the Republic of South Africa, creating and restoring a regional network of transport and telecommunications infrastructure as a prerequisite for genuine and balanced regional integration, resource mobilization for the implementation of national, bilateral, and regional development strategies and programs, coordinating actions to ensure international cooperation and support for SADCC projects, etc.

To achieve the goal of economic liberation in the region, SADCC member States had prioritized collective self-sufficiency to build the “political liberation of the region”. However, since SADCC emerged from the interaction of regional, continental, and global forces, its evolution should not be limited to the efforts of Southern Africa. Both the influence of Western actors and the African States themselves were largely responsible for the creation and development of SADCC. Therefore, it is important to note that the evolution of SADCC was a mixed and intertwined product of African initiatives and European influences. In this regard, the Director of the analytical center (Sapes Trust) in Harare Ibbo Mandaza states: “...Even left-wing analysts should be reminded of the dialectical relationship between imperialist domination and revolutionary pressure”. Not surprisingly, the antiimperialist/colonialist struggles of the 20th century drew inspiration from the Bolshevik Revolution: from Europe itself to China, Vietnam, and Cambodia in Asia, to Cuba and Nicaragua in Latin America, and to Africa itself. But it was in Southern Africa that this struggle was played out from the 1960s onwards, delicately poised in a Cold War in which the Western world stood behind apartheid and white settler colonialism, while the Socialist bloc, led by the Soviet Union and China, supported the liberation movements of South Africa, Angola, Mozambique, Guinea Bissau, Zimbabwe, and Namibia.

In 1987, the UN General Assembly adopted a resolution on Front-line States. In its resolution 42/201 of 11 December 1987, entitled “Special assistance to “Front-line” States”, the General Assembly urged the international community to continue to provide, in a timely and effective manner, the financial, material, and technical assistance necessary to strengthen the individual and collective capacity of “front-line” and other neighboring states to counter the effects of economic measures taken by South Africa or the international community against South Africa, by their national and regional plans and strategies [11].

The General Assembly also called on all states and relevant intergovernmental and non-governmental organizations to support national and collective emergency programs prepared by the front-line and other neigh-

boring states to overcome the acute problems caused by the situation in South Africa. It requested the Secretary-General to continue to mobilize the organs, organizations, and agencies of the United Nations system to respond to such requests for assistance as might come from individual states or the relevant sub-regional organization and urged all states to respond positively to such requests. It also noted with satisfaction the assistance provided to front-line states by donor countries and intergovernmental organizations.

However, despite the huge support it received from Western donors in the Northern hemisphere, SADCC developed not only from considerations voiced by African leaders (such as Nyerere, Kaunda, and Khama)³ in the early 1960s, but also because of its unique approach to regional cooperation. SADCC leaders had chosen their own projects or sector responsibilities, which differed from other organizations such as the Economic community of West African States (ECOWAS) and the South African customs Union (SACU), which are primarily engaged in economic (market) integration.

In addressing the issue of apartheid for three decades, the United Nations had consistently set out to eliminate apartheid altogether and help the people of South Africa build a democratic state that can play its rightful role in Africa and around the world.

Unfortunately, some influential Western states had tried to help the apartheid regime break out of isolation and exercise dominant influence in southern Africa by encouraging some adjustments to its policies to calm the growing national and international opposition. They had tried to resolve the serious situation in southern Africa through a settlement that would guarantee the continuation of the apartheid regime. In this sense, they gave the apartheid regime the opportunity to buy time to strengthen the apartheid system. They not only helped the apartheid regime to continue its inhumane policies, but also strengthened its aspirations to become the dominant power throughout southern Africa through acts of aggression and blackmail against independent frontline states.

South African forces, which remained in southern Angola, had repeatedly invaded the country, thereby using illegally occupied Namibia as a springboard against Angola. A week before the invasion, on July 28, 1987, the Angolan authorities reported that South Africa kept about 7 ths. soldiers in the southern part of Angola, and to support the bandits from Uniao Nacional para a Independencia Total de Angola (UNITA) some of these forces were stationed in Cuando Cubango province [15]. As a result of the aggressive actions of South Africa and UNITA forces, which were reportedly received military assistance from the United States, Angola has suffered heavy losses of life and, in addition, its economy has been severely damaged. In addition to the death of 60 ths. people, almost one-tenth of the country's population lost their homes, and another 150 ths. residents were forced to flee to neighboring countries [16]. It is estimated that the total amount of United States assistance to UNITA was \$30 mln, while South Africa's assistance to the organization was approximately \$200 mln per year [17].

As part of its policy of destabilization the region and in retaliation for neighboring states support of sanctions against South Africa, Pretoria suspended transit cargo from Botswana, Zambia, and Zimbabwe in August 1986 and February 1987. Under an order of 8 October 1986, it also threatened to expel almost half of the Mozambican workers from South Africa.

According to Yale University Professor Leonard Thompson, the colonial regime in South Africa provided a link to Western markets and served as an Outpost for those markets from the perspective of multinational corporations in Southern Africa⁴ (see: [14]).

Even if the desire and the need to reduce economic dependence on South Africa had been identified as the main goal of SADCC, several states had increased rather than decreased their economic dependence [18]. Therefore, SADC (was formed in 1992 on the base of SADCC) should not be seen as an attempt to create a completely different region, but as defensive attempt to circumvent the consequences of a distorted integrative structure in the region. Thus, some scholars argue that the capacity of the SADCC was fundamentally limited and fragmented by the nature and structure of the organization.

³ Julius K. Nyerere – Prime Minister of Tanganyika (1961–1962), President of Tanganyika (1962–1964), the first President of Tanzania (1964–1985); Kenneth D. Kaunda (b. 1924) – the first President of the Republic of Zambia (1964–1991). President of the United National Independence Party (UNIP) in 1960–1992 and 1995–2000, Seretse G.M. Khama – the first President of Botswana (1966–1980).

⁴ Although the degree of dependence differs, South Africa played the leading role of trading partner with all the SADCC countries, except for Angola and Tanzania.

Professor of Economics at the University of Zimbabwe, Dr. Clever Mumbengegwi gives important point of view in relation to the formation and evolution of SADCC as follows: “The desire for collective independence from the rule of the Republic of South Africa was one thing, but the commitment to regional integration is another ... Therefore, cooperation in the SADCC was a free arrangement whereby a member state could avoid any serious consequences for its domestic economy. Thus, the SADCC’s claim to political strength and unity was its economic weakness” [12].

Although economic development was an important goal of SADCC members, the organization was, in fact, politically motivated by the FLS not only to prevent the hegemonic destabilization of the Republic of South Africa, but also to attract (more) foreign aid.

SADCC/SADC RELATIONS WITH RUSSIA

Russia has a long history of bilateral relations with the countries of the Southern African Development Community. Russia, as part of the then Union of Soviet Socialist Republics (USSR), supported the concerted efforts of frontline states and liberation movements to fight apartheid in Southern Africa.

In this regard, the USSR provided technical and military support to most of the countries that were part of the frontline states such as Angola and Mozambique in order to achieve the complete liberation of the region. Even after the collapse of the USSR, Russia continued to play an important role in providing technical, economic, and military assistance to African countries, including SADCC member states. Therefore, SADCC/SADC countries’ relations with Russia are not new, they are very valuable and should be sustainable. Thanks to such significant historical ties, the SADC member countries and Russia have strengthened friendship and mutual understanding for the development of comprehensive, equal, and fruitful cooperation.

Currently, 10 SADC member states have embassies in the Russian Federation, namely Angola, the Democratic Republic of the Congo, Madagascar, Mauritius, Mozambique, Namibia, South Africa, Tanzania, Zambia, and Zimbabwe. At the regional level, the SADC and Russia signed a memorandum of understanding on the basic principles of mutual relations and cooperation on October 23, 2018, in the following areas: technical cooperation and assistance; capacity-building; peace, security, conflict prevention and resolution; preventive diplomacy; trade, industry, finance and investment; infrastructure development and energy; information and communication technologies (ICT), transport, communications and meteorology, water, agriculture, ocean economy, food security; minerals, natural resources and environmental protection; education and science; healthcare; technology and innovation; culture, tourism and information exchange. In addition, in July 2018, a Memorandum of Understanding (MoU) was signed in the field of military-technical cooperation.

Russian Federation’s priorities are also in line with SADC priorities as evidenced by the priorities of the Foreign Economic Strategy in the region as indicated below: prospecting, mining, oil, construction and mining, purchasing gas, oil, uranium, and bauxite assets (Angola, Namibia and South Africa); construction of power facilities – hydroelectric power plants on the River Congo (Angola, Namibia and Zambia,); railway construction (Angola); creation of Russian trade houses for the promotion and maintenance of Russian engineering products (South Africa); participation of Russian companies in the privatization of industrial assets, including those created with technical assistance from the former Soviet Union (Angola) [13].

The Russia-Africa Summit and Economic Forum were held on October 23–24, 2019 in Sochi under the motto “For Peace, Security and Development”. This is the first time that Russia has no analogues in the history of Russian-African relations. Official delegations of SADC countries and business representatives expressed high interest in deepening and intensifying Russian African cooperation. At the end of the Summit, the participants adopted a final declaration – a document containing agreed goals and objectives for the further development of Russian-African cooperation in all its dimensions: politics, security, economy, scientific, technical, cultural, and humanitarian spheres. It is important to note that the declaration establishes a new dialogue mechanism – the Russian-African Partnership Forum – holding summits in the Russia-Africa format every three years but the pledge has not been fulfilled. The declaration also notes the mutual determination of Russia and African countries to bring this cooperation to a new level – meeting the challenges of the 21st century – when the importance of the exchange of technological products, generation and global trade in knowledge and competencies increases.

Russia and SADC highly appreciate the commitment to the purposes and principles of the Charter of the United Nations, the desire to promote the establishment of a democratic and just world order, the strengthening

of regional and interregional ties to ensure peace, stability, socio-economic development, and mutual trust. On October 2018, Russia hosted the Russia and SADC Investment Forum, which provided great opportunities for business and partnership between Russia and SADC.

Of course, any foreign presence has its pros and cons from the point of view of the SADC countries, who have not forgotten about colonialism. In particular, local leaders in public do not question the vital importance of European economic assistance provided to Africa, especially since the migration crisis. The European Union expanded its activities in this direction, and Brussels provided Africa with a humanitarian aid package in the amount of \$998 mln in early 2020⁵.

SADC countries still see the USA, Western Europe and China as their main partners. Russia, however, is trying to build its bilateral relations using soft power instruments and taking into account the nationalist mood of Southern African elites, for whom sovereignty remains a fundamental symbol of freedom from former metropolises.

CONCLUSION

Throughout the formation of SADCC, the organization had succeeded to some extent in reducing and eliminating the fears of members who have lost their independence by allocating sectoral responsibilities to each member state to pay more attention to the issue of equality rather than justice. Nevertheless, SADCC had difficulties in reconciling national issues with regional ones, which caused serious problems for political and economic cooperation between member states.

However, regionalism in Southern Africa, which manifested itself in the FLS and SADCC, had evolved over time, with the roots being in the nature of a nationalist orientation of sovereignty and deeply rooted in the colonial history of the region. In this context, Southern African regionalism had demonstrated complex networks in solving regional problems. In fact, although one of the main goals of SADCC was to reduce dependence on the Republic of South Africa and the European imperialists, the member states had contradictory consequences, as a result of which they increased their dependence on the Republic of South Africa and foreign aid, rather than reducing influence.

Analyzing Russia's interaction with Africa, and in particular with the countries of Southern Africa, from the time of the USSR to the present, it can probably be found that Russia's public diplomacy has covered many forms. They included educational programs, cultural exchanges, and scientific programs for visitors and, of course, the use of mass media to highlight and project the problems of Africa from the Russian point of view. All these are tools and forms of public diplomacy that usually have an impact on the audience on the African continent and beyond and have a positive impact on what Russia can offer to the world. It can be seen as a form of "soft power", since its purpose is to attract partners. As a result, Russia should intensify the interaction with SADC, using the soft diplomacy instruments.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. Svetlana Bokeriya. African Union in addressing regional peace and conflict in Darfur. *Asia and Africa today*. 2021. № 1. Pp. 37–42. DOI: 10.31857/S032150750013624-8
2. Claire A. Amuhaya. Kenya's Overlapping Membership in Regional Organisations. *Asia and Africa today*. 2018. № 9. Pp. 56–61. DOI: 10.31857/S032150750000692-3
3. Tandeka C. Nkiwane. The quest for good governance / From Cape to Congo: Southern Africa's Evolving Security Challenges. London: Lynne Rienner Publishers, 2003.
4. Khabele Matlosa. Dilemmas of Security in Southern Africa: Problems and Prospects for Regional Security Cooperation. *A United States of Africa?* Pretoria: Africa Institute of South Africa, 2001, p. 399.
5. Khadiagala M. Gilbert. Allies in Adversity: The Frontline States in Southern African Security 1975–1993. Athens: Ohio University Press, 1994, p. 257.
6. UN Security Council resolution S/RES/418(1977) on establishment of an arms embargo against South Africa, 1977. <https://digitallibrary.un.org/record/66633> (accessed 16.04.2022)

⁵ EU sets up \$998 million budget for humanitarian aid. <https://nypost.com/2020/01/20/eu-sets-up-998-million-budget-for-humanitarian-aid/> (accessed 10.09.2022)

7. Robert Davies. After Cuito Cuanavale: The new regional conjuncture and the sanctions question / Sanctions against Apartheid. Cape Town: David Philip, 1990, pp. 198–206.
8. Special report of the Special Committee against Apartheid: recent developments concerning relations between Israel and South Africa, 1987. <https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/42/22> (accessed 10.04.2022)
9. Agostinho Zacarias. Security and the State in Southern Africa. London: Tauris Academic Studies, 1999, pp. 46–51.
10. Mansur Ahmed Tijjani, Svetlana Bokeriya. Mandates in the Success of a Peacekeeping Missions: a case study of Liberia. *Asia and Africa today*. 2018. № 7. Pp. 47–52. DOI: 10.31857/S032150750000098-9
11. UN General Assembly resolution A/RES/42/201 on special assistance to front-line States, 1988. <https://digital-library.un.org/record/153037?ln=ar> (accessed 20.08.2022)
12. Clever Mumbengegwi. Food and Agriculture Cooperation in the SADCC: Progress, problems and prospects. *SADCC: Prospects for disengagement and development in Southern Africa*. London: Zed Books, 1987, pp. 79–80.
13. Kester K. Klomegah. SADC-Russia's economic cooperation: Strategies, challenges and future perspectives, 2018. <https://modern diplomacy.eu/2018/10/21/sadc-russias-economic-cooperation-strategies-challenges-and-future-perspectives/> (accessed 24.05.2022)
14. Thompson L. SADCC: part of a whole or whole of a part? *International Affairs Bulletin*. 1991. Vol. 15, № 1, pp. 65–67.
15. Smith Wayne. A Trap in Angola. *Foreign Policy*. Spring 1986, № 62, p. 62, Carnegie Endowment for International Peace. <https://www.jstor.org/stable/1148796> (accessed 10.09.2022)
16. Weigert, Stephen L. Angola: A Modern Military History, 1961-2002. Palgrave Macmillan. Pp. 33–34.
17. Bondarenko P.V. Cuito Cuanavale: Frontline Accounts by Soviet Soldiers. Eds. G.Shubin, I.Zhdarkin, V.Barabulya, A.Kuznetsova-Timonova, 29–45. Auckland Park: Jacana, 2014.
18. Ibbo Mandaza. SADCC: Problems of Regional Political and Economic Cooperation in Southern Africa: An Overview. *Regional Integration in Africa: unfinished agenda*. Ed. P.Anyang' Nyong'o. Nairobi: The Regal Press Kenya Ltd., 1990. P. 143.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Singuwa Chimuka (Zambia), PhD Candidate, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Сингува Чимукаа (Замбия), аспирант, факультет гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Svetlana A. Bokeriya (Russia), PhD (Law), Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Светлана Александровна Бокерия, кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 09.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 20.12.2022

Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро: устойчивое развитие и традиционность

© Бутовская М.Л.^{a,b}, Бутовский Р.О.^c, 2023

^a Институт этнологии и антропологии РАН

^b Российский государственный гуманитарный университет
ORCID: 0000-0002-5528-0519; marina.butovskaya@gmail.com

^c ВНИИ «Экология» Минприроды России
ORCID: 0000-0002-4265-6038; r.butovsky@vniiecolgy.ru

Резюме. В статье освещены современные проблемы устойчивого развития природоохранных территорий, в границах которых проживают коренные народы, на примере масаев на охраняемой территории Нгоронгоро (ОТН) в северной Танзании. ОТН в течение 30 лет (с 1959 г.) являлся уникальным долговременным экспериментом по поддержанию устойчивого сосуществования популяций диких животных и масайской общины, практикующей традиционные способы ведения скотоводства. Обсуждаются варианты развития ОТН с учетом новых вызовов, таких как рост популяции масаев и домашнего скота и необходимости расширения правительством Танзании площади строго охраняемой зоны ОТН в природоохранных целях.

Проведенные авторами опросы среди молодых масаев Нгоронгоро, обучающихся в старших классах, показали, что эта наиболее продвинутая часть местной молодежи характеризуется специфическим сочетанием традиционных и современных установок в отношении личных планов на будущее, доступа к современным техническим средствам, приверженности традиционным установкам и тенденциям к размыванию стереотипов репродуктивного и брачного поведения.

Ключевые слова: Танзания, охраняемая территория Нгоронгоро, масаи, устойчивое развитие, экологические проблемы

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН (Б.М.Л.) и Государственным заданием Минприроды РФ № 051-00148-22-01 на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. (Б.Р.О.).

Для цитирования: Бутовская М.Л., Бутовский Р.О. Масаи на охраняемой территории Нгоронгоро: устойчивое развитие и традиционность. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 57–65. DOI: 10.31857/S032150750024036-1

Maasai in the Ngorongoro Conservation Area: Sustainable Development and Traditionality

© Marina L. Butovskaya^{a,b}, Ruslan O. Butovsky^c, 2023

^a Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5528-0519; marina.butovskaya@gmail.com

^c Research Institute "Ecology", Ministry of Natural Resources of Russia, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4265-6038; r.butovsky@vniiecolgy.ru

Abstract. The paper highlights the modern problems of sustainable development of protected areas with the living indigenous peoples on the example of the Maasai of the Ngorongoro Conservation Area (NCA) in northern Tanzania. NCA for 30 years (since 1959) has been a unique long-term experiment to maintain a stable coexistence of wild animal populations and the Maasai community practicing traditional methods of cattle breeding. Options for the development of NCA are discussed, taking into account new challenges, such as the growth of the population of Maasai people and livestock and the need to expand the area of the NCA strictly protected zone.

The interviews conducted by the authors among the young Maasai of Ngorongoro have demonstrated that this the most advanced group of young people can be characterized by the specific combination of traditional and modern trends as regards to the future life plans, access to modern technical means, attitude towards the traditions and trends on the blurring of the stereotypes of reproductive and sexual behavior including information on the self-protection against malaria and COVID. One of the acceptable solutions for the provision of the sustainable development of Ngorongoro conserva-

tion area could be the relocation of the part of the Maasai population for the decrease of the competition for resources with the wildlife and the control of the abundance of the Maasai cattle.

Keywords: Tanzania, Ngorongoro Conservation Area, Maasai, sustainable development, environmental problems

For citation: Butovskaya M.L., Butovsky R.O. Maasai in the Ngorongoro Conservation Area: Sustainable Development and Traditionality. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 57–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024036-1

ВВЕДЕНИЕ

Поиск оптимальных путей решения вопросов природопользования с учетом интересов коренных малочисленных народов – проблема мирового масштаба. Для её решения требуется знание климатических и экологических особенностей региона, специфики традиционного природопользования коренных народов данной территории. Не последнюю роль играет национальное законодательство, ограничивающее или расширяющее права местного населения на природные ресурсы [1].

Одним из вариантов решения проблем традиционного природопользования коренных малочисленных народов, известным в международной практике, является сосуществование отдельных *особо охраняемых природных территорий* (ООПТ) и территорий традиционного природопользования. В одних случаях, как в США и Канаде, они включены в состав национальных парков, биосферных резерватов и др., в других, как в России, коренные малочисленные народы ожидают нормативных актов правительства о создании территорий традиционного природопользования. В ряде многонациональных и многоконфессиональных стран (в число которых входит Россия) имеется ряд специфических проблем взаимодействия с местным коренным населением по поводу сохранения традиционного образа жизни и природопользования, разрешения возможных конфликтов между интересами коренных народов и природоохранными интересами государства.

В настоящей статье освещены современные проблемы устойчивого развития природоохранных территорий, в границах которых проживают *масаи* – один из коренных народов Танзании.

ООПТ ТАНЗАНИИ

Несмотря на то, что многие народы Танзании считают себя коренными, только четырем из них удалось самоорганизоваться в борьбе за права, а именно: охотникам-собираателям – *акие* и *хадзабе* и скотоводам – *масаи* и *датого*. По некоторым данным, в Танзании проживают 430 тыс. масаев, 88 тыс. датогов, 5 тыс. акие и 1 тыс. хадзабе¹.

Оособо охраняемые природные территории (ООПТ) являются основой сохранения дикой природы, и эффективность управления имеет решающее значение для поддержания биоразнообразия в долгосрочной перспективе [2; 3; 4]. Многие ООПТ в Африке в колониальные времена создавались в качестве заказников для охоты, которые после обретения странами независимости были преобразованы в национальные парки [5]. Эта модель формирования национальных парков, ориентированная на охрану отдельных видов, отличается от моделей организации ООПТ в других странах, которые часто создавались на малоценных сельскохозяйственных землях. Восточноафриканские ООПТ вносят значительный вклад в экономику этого региона благодаря фото- и охотничьему туризму [6].

Значительные территории были выделены правительством в северной Танзании (около 30 тыс. км²) под национальные парки: Серенгети (14 763 км², основан в 1929 г., статус национального парка с 1951 г.), Маньяра (644 км², 1957 г.), *охраняемая территория Нгоронгоро* (ОТН) (8288 км², 1959 г.), Аруша (137 км², 1960 г.), Тарангире (2850 км², 1970 г.), Мкомази (3200 км², 2006 г.)².

Туризм является важной и доходной отраслью хозяйства именно в северной Танзании, где находятся всемирно известные туристические маршруты. Совокупный доход от туризма в Танзании в 2020 г. составил \$2,6 млрд. Однако из-за вспышки *COVID-19* в 2021 г. доходы от этой отрасли упали до \$885 млн³.

¹ IWGIA. The indigenous world. A Yearbook. 2016. *IWGIA Report 23*. Tanzanian Pastoralists Threatened: Evictions, Human Rights Violations and Loss of Livelihoods. IWGIA with PINGO's Forum, PAICODEO and UCRT. 2016. 91 p.

² Ibidem.

³ Tourism receipts in Tanzania from 2019 to 2021. <https://www.statista.com/statistics/1190810/tourism-receipts-in-tanzania/> (accessed 20.09.2021)

ОХРАНЯЕМАЯ ТЕРРИТОРИЯ НГОРОНГОРО (ОТН)

Географически ОТН представляет собой часть высокогорной степи Серенгети и на северо-западе плавно переходит в южные равнины Серенгети. Эти степные равнины распространяются также на север до неохраняемой территории Лолиондо. Юг и запад ОТН представляют собой вулканические высокогорья. Южные и восточные границы территории практически совпадают со стеной Восточно-Африканского разлома, которая препятствует миграции животных в этих направлениях.

Кальдера Нгоронгоро – часть ныне не существующего вулкана Нгоронгоро, который сформировался 5–7 млн лет назад, причем предполагается, что он превосходил по размерам вулкан Килиманджаро. Формирование кальдеры произошло 1–2 млн лет назад. Кратер Нгоронгоро занимает только 3% территории. В состав охраняемой территории входит Северный горный лесной заповедник, буш и степные экосистемы [1].

На территории ОТН разрешены поселения скотоводов из племени масаев (за исключением самого кратера) с очень ограниченным доступом к водным ресурсам внутри кратера.

ИСТОРИЯ ПРОЖИВАНИЯ МАСАЕВ НА ТЕРРИТОРИИ НГОРОНГОРО

Когда в 1959 г. власти объявили о создании *охраняемой территории Нгоронгоро*, здесь проживали примерно 10 тыс. масаев со своим скотом, переселенные ранее из Серенгети [7]. Их поселения сейчас образуют узкую полосу, которая простирается от юго-западной до северо-восточной границы территории ОТН. Конфигурация поселений представляет собою компромисс между выбором оптимальных пастбищных угодий и ограничениями доступа к конкретным территориям со стороны администрации ОТН (например, запрет на выпас скота в самом кратере Нгоронгоро).

На юго-востоке находится кратер Нгоронгоро, в котором масаям не разрешено находиться, однако они периодически нарушают запрет и спускаются со своими стадами к озеру Магади, т.к. считают соленоватую воду важным профилактическим средством против зоонозов. Масаи избегают селиться на юго-западе ОТН из-за набегов представителей *сукума* – племени скотоводов, которые могут угонять у них скот [8].

Образование ОТН было представлено общественности как уникальный долговременный эксперимент по поддержанию устойчивого сосуществования популяций диких животных и масайской общины, практикующей традиционные способы ведения скотоводства [9]. Эксперимент считался удачным на протяжении 30 лет: численность диких животных практически не уменьшалась, а численность домашнего скота оставалась относительно стабильной при сохранении его высокого качества, причем на душу населения приходилось в среднем по 6 голов крупного рогатого скота [10].

Нгоронгоро получило статус территории мирового наследия ЮНЕСКО в 1979 г. и до последнего времени считалось успешным примером государственно-частного партнерства [11].

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ МАСАЕВ В НГОРОНГОРО КАК ВЫЗОВ СОХРАННОСТИ ЭКОСИСТЕМЫ РЕГИОНА

Демографические данные свидетельствуют, что популяция масаев Нгоронгоро с 1959 г. растет быстрыми темпами. В 2007 г. правительственной Комиссией было рекомендовано сократить численность масаев примерно наполовину – с 40 тыс. до 25 тыс., что позволило бы снизить антропогенную нагрузку на экосистемы и диких животных. Однако решительных мер по реализации этой стратегии принято не было. В результате, по некоторым данным, в 2020 г. численность масаев достигла 100 тыс., т.е. за 10 с небольшим лет увеличилась в 2,5 раза. С 2017 г. поголовье скота выросло с 260 тыс. до 1 млн особей⁴.

Со всей очевидностью «масайская проблема» в Нгоронгоро требует безотлагательного решения. Для поддержания устойчивости экосистемы власти Танзании предполагают выселить до 2/3 масаев за пределы ОТН. 12 апреля 2021 г. Администрация ОТН (*Ngorongoro Conservation Area Administration*,

⁴ Tanzanian Government prepares to evict thousands of Indigenous Maasai residents to make space for trophy hunting and elite tourism. <https://www.forestpeoples.org/en/rights-based-conservation/press-release/2022/tanzanian-government-prepares-evict-thousands> (accessed 05.06.2022)

НСАА) издала 30-дневное уведомление о выселении 45 семей коренных скотоводов, проживающих в ОН. Это вызвало сопротивление со стороны самих масаев, вынудив Администрацию отказаться от своих первоначальных планов⁵.

Тем не менее проблема приобретает всё большую остроту. Администрации ОН и Министерство природных ресурсов и туризма не отказались от масштабного плана по выселению в ближайшее время в общей сложности 73 тыс. скотоводов из ОН.

1 января 2022 г. правительство Танзании приступило к демаркации территории площадью 1500 км² в Лолиондо, чтобы освободить её для элитного туризма и трофейной охоты в пользу *Ortello Business Company* – охотничьей компании, принадлежащей королевской семье Объединенных Арабских Эмиратов.

Планируется выселить десятки тысяч коренных масаев, чтобы создать охраняемую зону в Лолиондо. Эти планы вызвали бурные протесты местной общины масаев. 21 января более тысячи человек собрались на акцию протеста у места демаркации. Власти, стремясь избежать открытой конфронтации, вынуждены были пойти на уступки и 22 января 2022 г. отозвали полицию.

В настоящее время правительство Танзании готовится к реализации нового Плана многоцелевого землепользования ОН (*MLUM*). По крайней мере 82% территории, которая сейчас легально доступна для скотоводства, станет заповедной зоной, а остальные 18% образуют зону многоцелевого землепользования. Предлагается выселить более 70 тыс. масаев за пределы ОН. Первыми подлежат выселению 296 семей, которые должны переместиться к югу в Хандени на расстояние более 600 км, где правительство выделило им для поселений более 162 тыс. га земель.

Существует и альтернативный вариант – полное переселение всех лиц, в настоящее время законно проживающих в ОН, с возможностью перепрофилирования его в зону трофейной охоты.

Эти варианты значительно сократят площадь территории, доступной скотоводам масаев для выпаса скота и их доступ к другим источникам средств к существованию (например, доходам от туризма), и вынудят всех масаев покинуть ОН. Предполагается, что в общей сложности число местных жителей, которые могут пострадать от выселения и ограничения доступа в эти районы, составит около 167 тыс.⁶

ПРАВА ТРАДИЦИОННЫХ СКОТОВОДОВ

Вопрос о правах традиционных скотоводов стоит сегодня остро не только в Танзании.

Масаи, как и повсеместно многие традиционные пастушеские группы, оказываются ущемленной стороной. Скотоводов потеснили сегодня в Маньяре, Тарангире, Лолиондо (Танзания), то же самое происходит в Масаи Мара (национальный парк в Кении). Краеугольным камнем проблемы является практически повсеместное отсутствие у скотоводческих общин документов, подтверждающих их права на земельные угодья и отсутствие должного понимания специфики природопользования у традиционных кочевых и полукочевых скотоводческих культур. Масаи считают, что должны иметь право на землю и территории, традиционно используемые ими под пастбища, и настаивают на том, что эти земли нельзя урезать и отдавать под распашку земледельцам-соседям [1].

В настоящее время, по подсчетам специалистов, в границах ОН находится 160–170 тыс. голов скота, что уже превышает допустимые нормы. При этом, однако, даже такая численность скота не удовлетворяет потребности нынешней масайской популяции ОН. По некоторым данным, улучшение качества жизни масаев возможно в этих условиях за счет более эффективной работы ветеринарной службы и получения доступа к низкотравным степям и выпаса скота в юго-восточной части ОН [12].

Эксперты по природопользованию считают, что устойчивое развитие масайских общин и их сбалансированное существование в границах природоохранных территорий возможны при условии традиционных способов ведения хозяйства, ориентированных на кочевой образ жизни. Создание новых масайских «деревень», расширение земледелия и доступности к ресурсам не только негативно сказываются на охране диких животных, но и приводят к смене традиционного уклада землепользования у самой этой этнической группы. Между тем, кочевой образ жизни в меньшей степени приводит к истощению ресурсов, чем земледелие, поскольку скот часто перегоняют на новые территории в поисках пастбищ и воды. Миграции

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

скота благоприятно сказываются на экологии региона, т.к. позволяют восстанавливаться съедобным видам трав. Напротив, постоянные поселения, выпас скота на одном месте приводят к появлению и распространению в границах природной территории инвазивных и несъедобных для домашних и диких копытных видов растений, в частности *Eleusine jaegeri* (растение семейства Мятликовые) [13].

Серьезной угрозой скотоводству масаев в Африке в наши дни стали захват, приватизация и огораживание пастбищных земель. Признание прав собственности на землю – необходимое условие для продолжения существования скотоводства во многих регионах мира. Снизить риски скотоводства в Африке возможно путем разработки стратегий, позволяющих подготовить скотоводов и местные власти, например, к таким явлениям, как засуха. Проекты Всемирного банка, осуществленные в Кении и Монголии, выявили такие способы смягчения последствий засухи, как ранняя система оповещения скотоводов о наступлении засухи, создание дополнительных водных источников (колодцы, водные резервуары, микроплотины для удержания воды) и др. [14].

Обычно предполагается, что наличие охраняемых территорий (заповедников, национальных и природных парков) однозначно способствует возникновению конфликта между правами и традициями проживающих на них или рядом коренных народов. На самом же деле, в тех случаях, когда коренные народы заинтересованы в охране и традиционном использовании своих земель и природных ресурсов, конфликты между этими людьми, правами и интересами, а также природоохранными целями не возникают или сглаживаются.

Международный союз охраны природы и Всемирный фонд дикой природы (*WWF*) признают, что охраняемые территории способны существовать только в случае, если они представляют ценность для нации в широком смысле слова и особенно для коренных народов. В результате анализа *WWF* были разработаны основные принципы управления и рекомендации по практическому вовлечению коренных народов в управление охраняемыми территориями и решению конфликтов⁷.

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В НГОРОНГОРО

В рамках нашей экспедиции к масаям Нгоронгоро в июне 2021 г. (см. *фото 1*), были проведены опросы масаев-подростков, обучающихся в местных школах (см. *фото 2*).

**Фото 1. М.Л.Бутовская с ассистентом Самсоном Коромоо и его женой Региной.
Photo 1. Marina Butovskaya with the assistant Samsoni Koromoo and his wife Regina.**

Участникам мы задали ряд вопросов, касающихся их жизненных ценностей в отношении семьи, экономического уклада, культурных установок, демографических характеристик, отношения к окружаю-

⁷ Indigenous and Traditional Peoples and Protected Areas Principles, Guidelines and Case Studies. Edited and coordinated by Javier Beltrán. Series Editor: Adrian Phillips World Commission on Protected Areas. Best Practice Protected Area Guidelines Series № 4 IUCN. The World Conservation Union. 2000.

щей среде, информированности о природоохранных и археологических зонах на территории Нгоронгоро, отношения к малярии и пандемии *COVID-19*.

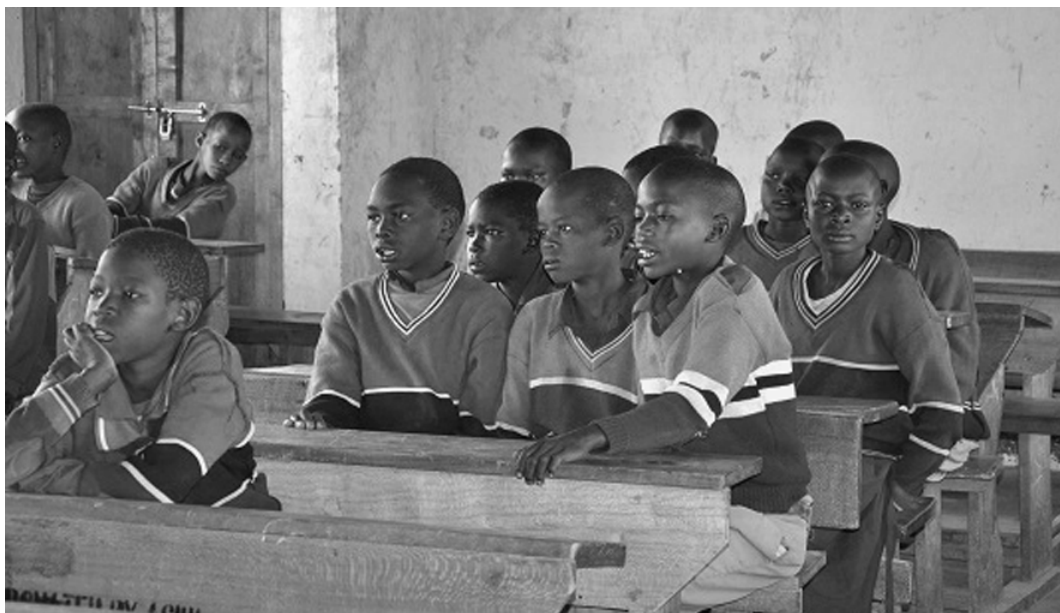

Фото 2. Школьники поселка Какесио в Нгоронгоро.
Photo 2. Schoolchildren of the settlement Kakesio in Ngorongoro.

В опросе участвовали 186 учеников старших классов, средний возраст составил 14,6 года. У респондентов в среднем было по 3 единоутробных брата (от 0 до 8 лет) и 3 сестры (от 0 до 12 лет). В выборке оказалось 8% приверженцев традиционной религии, 88,2% христиан и 3,8% мусульман. В домохозяйствах, из которых происходили школьники, имелось в среднем 26 коров (от 0 до 120) и 41 коза и овца (от 0 до 305).

Проведенные опросы среди молодых масаев Нгоронгоро показали, что эта наиболее продвинутая часть местной молодежи характеризуется специфическим сочетанием традиционных и современных установок в отношении личных планов на будущее, доступа к современным техническим средствам, приверженности традиционным установкам и тенденциям к размыванию стереотипов репродуктивного и брачного поведения, информированности о средствах защиты от малярии и ковида (см. *табл*).

Большинство опрошенных никогда не покидали пределов национального парка, однако почти половина из них имела родственников, работающих за границами парка. Таким образом, большинство молодых масаев, несомненно, обладают некоторой информацией о жизни «на Большой Земле», планируют остаться в родном краю после окончания школы и вести традиционный образ жизни, разводить скот. Более половины живут сейчас в традиционных масайских домах, и многие уверены, что устройство таких домов очень удобно и комфортно.

В процессе опросов нами было установлено, что в большинстве масайских домов сегодня имеются небольшие солнечные батареи. Так что современные технологии вносят некоторый комфорт в повседневный быт масаев без ущерба для окружающей среды и нарушения правил поведения на охраняемой территории. При этом лишь немногие школьники имеют мобильные телефоны (см. *табл*), что, возможно, объясняется не столько дороговизной телефонов, сколько самого интернета. Школьники знакомы с современной медициной и большинство побывало в местном госпитале, расположенном в Эндолене. При этом менее 40% школьников пользовались противомоскитными сетками, хотя территория, на которой они проживают, является зоной распространения тропической малярии, и количество смертельных случаев остается высоким. Большинство школьников были информированы о пандемии *COVID-19* и боялись им заразиться.

Подавляющее большинство школьников говорили, что им нравится традиционная масайская одежда, они знают традиционные сказки, лекарственные растения и масайские традиции в целом. Юноши

продолжают проходить инициацию и соблюдать кодекс моранов⁸. Все респонденты знают, что такое оллул⁹, и хорошо разбираются в том, где лучше всего проводить это мероприятие (см. табл.).

Таблица. Результаты опросов молодых масаев, проживающих на территории Нгоронгоро (июнь 2021 г.)
Table. The results of the survey of the young Maasai at the Ngorongoro Conservation Area (June, 2021)

Вопросы	Варианты ответов		
Выезжали ли вы за пределы Нгоронгоро?	29,6% (да)	70,4% (нет)	
Работает ли кто-либо из родственников за пределами Нгоронгоро?	44,1% (да)	55,9 % (нет)	
Хотите ли вы после окончания школы остаться в Нгоронгоро?	79,2% (да)	20,8% (нет)	
В каком доме предпочитаете жить?	54,1% (традиционном)	45,9% (современном)	
Что важнее для вашей взрослой жизни в будущем?	2,7% (скот)	2,7 (деньги)	94,6% (образование)
Есть ли у вас мобильный телефон?	8,3% (есть)	91,7% (нет)	
Имеется ли в домохозяйстве солнечная батарея?	76,2% (есть)	23,8% (нет)	
Предпочитаете ли вы носить традиционную одежду?	92,9% (да)	3,3% (не уверен)	3,8% (нет)
Бывали ли в госпитале?	90,8% (да)	9,2% (нет)	
Знаете ли масайские сказки?	82,7% (да)	12,4% (немножко)	4,9% (нет)
Знаете ли масайские традиции?	88% (да)	6,0% (немножко)	6% (нет)
В каком месте лучше всего проводить оллул (ритуал воинов моранов)?	5,4% (в степи)	26,5% (в буше)	67,7% (в пещере)
Посещали ли музей в Олдувае?	16,1% (да)	83,9% (нет)	
Посещали ли музей в Лаэтоли?	7% (да)	93 % (нет)	
Слышали ли об археологических раскопках в Олдувае?	5,4% (да)	94,6% (нет)	
Слышали ли об археологических раскопках в Лаэтоли?	4,3% (да)	95,7% (нет)	
Важно ли защищать диких животных?	86,4% (да)	5,4% (не уверен)	8,2% (нет)
Нужно ли беречь археологические площадки?	87,4% (да)	5,5% (не уверен)	7,1% (нет)
Спите ли вы ночью под противомоскитной сеткой?	38,8% (да)	9,0% (время от времени)	52,2% (нет)
Слышали ли о пандемии COVID-19?	92,9% (да)	7,1% (нет)	
Бойтесь ли заразиться COVID-19?	82% (очень)	11,5% (не очень)	6,6% (нет)
Оптимальный возраст вступления в брак для мужчины?	22 года		
Оптимальный возраст вступления в брак для женщины?	21 год		
Оптимальное число детей у женщины?	5 детей (от 1 до 15)		
Возможен ли, по-вашему, брак с не масаем/масайкой?	33,7% (да)	37,6% (не уверен)	28,7 (нет)

Составлено авторами.

Вместе с тем, взгляды современных школьников на матримониальные отношения отличаются от традиционных. Средний возраст вступления в брак для мужчин, по их мнению, должен составлять 22 года, а женщин – 21 год (см. табл.), тогда как в традиционном масайском обществе мужчины всту-

⁸ Мораны (иль-мурраны) – мужчины-воины у масаев. Это юноши возраста от 12 до 25 лет, достигшие зрелости и прошедшие инициацию, сопровождающуюся болезненной процедурой обрезания (эморат). Как только появляется новое поколение иль-моранов, прежняя возрастная группа переходит в статус «младших старшин». Мораны проживают в отдельном поселении – маньяттах, которое оборудуют для них матери (прим. авт.).

⁹ Оллул – трапеза, состоящая из жаренного на костре мяса, приготовленная мужчинами-моранами в маньяттах или временном лагере за пределами основного масайского поселения при полном отсутствии женщин поблизости. Его потребляют совместно находящиеся в лагере мужчины (прим. авт.).

пали в брак после 30, а женщины – в 13–14 лет. Однако представление о количестве детей в семье изменилось мало. В среднем, как говорили респонденты, оптимальное количество детей у женщины должно быть 5. В отличие от жестких традиционных установок на браки с масаями, более 30% школьников говорили, что этническое происхождение будущего супруга/супруги для них не играет роли. Лишь около 28% настаивали на необходимости брака с масаем/масайкой.

Известно, что природоохранная территория Нгоронгоро – это место проживания значительного количества не только травоядных, но и хищных животных (львов, леопардов, гепардов, гиен, шакалов). Практически каждый школьник указывал, что стадо его домохозяйства неоднократно подвергалось нападению гиен (см. *табл.*). Почти все респонденты были хорошо осведомлены о том, что ОН организована для охраны диких животных и признавали, что природу следует охранять. Знали они также и о том, что в Нгоронгоро много лет ведутся археологические раскопки и большинство понимают ценность археологических находок. Однако, как показали опросы, практически никто из школьников никогда не бывал в музеях Олдувая и Лаэтоли¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Охраняемая территория Нгоронгоро – один из первых и самых длительных экспериментов по охране природы на общинном уровне (*community based conservation*) [15]. Скотоводы не должны исключаться из системы охраны природы, как это иногда происходит в Африке и других странах. Выселение скотоводов из охотничьих заказников не обязательно решает проблему неустойчивого использования территории, но одновременно может создавать для них трудности, поскольку переселенцы скотоводы вступают в конкурентные отношения с земледельцами и другими группами скотоводов. Желательно, чтобы природоохранная политика была скоординирована с нуждами скотоводов, предпочтительно путем проведения регулярных встреч с администрацией охраняемых территорий и перераспределения части дохода от туризма в пользу коренного населения [16; 17].

В случае с Нгоронгоро такой диалог действительно имеет место. Администрация ОН вкладывает значительные средства в образование и медицину, закупку ветеринарных препаратов и обеспечение доставки воды в засушливые районы¹¹.

Мы полагаем, как и другие исследователи [18], что при условии грамотного планирования и скоординированных действий администрации природоохранных территорий и местных старейшин консенсус по успешному сохранению ценных местообитаний и ландшафтов потенциально может быть достигнут. Тем не менее одним из приемлемых вариантов обеспечения устойчивого развития охраняемой территории Нгоронгоро, вероятно, следует считать переселение части масаев из Нгоронгоро для снижения конкуренции с дикими животными и контроль численности домашнего скота.

Фото О.Р.Бутовскго

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бутовская М.Л., Бутовский Р.О. Масаи Танзании: проблемы устойчивого развития на охраняемой территории Нгоронгоро. *Сибирские исторические исследования*. Томск. 2017. № 3. С. 221–251.
Butovskaya M.L., Butovsky R.O. 2017. Maasai of Tanzania: problems of sustainable development in Ngorongoro Conservation Area. *Siberian Historical Research*. № 3, pp. 221–225. Tomsk. (In Russ.)
2. Riggio Jason, Andrew P.Jacobson, Robert J., Hijmans Tim Caro. How effective are the protected areas of East Africa? <https://doi.org/10.1016/j.gecco.2019.e00573> (accessed 14.09.2021)
3. Rodrigues A.S.L., Andelman S.J., Bakan M.I. et al. 2004. Effectiveness of the global protected area network in representing species diversity. *Nature*. 428, pp. 640–643. <https://doi.org/10.1038/nature02422> (accessed 20.09.2021)

¹⁰ Олдувай – ущелье на севере Танзании вдоль равнин Серенгети в ОН глубиной ок. 100 м и площадью 250 км². Известно своими находками палеолитического человека, связано с именами выдающихся антропологов Луиса и Мэри Лики. На территории ущелья расположен современный музей.

Лаэтоли – местность на территории ОН, где в 1978 г. были обнаружены отпечатки ног прямоходящих гоминидов, живших около 3,6 млн лет назад. Эти находки также были сделаны исследовательской группой под руководством супругов Лики. В Лаэтоли функционирует музейный комплекс (*прим. авт.*).

¹¹ Tanzanian Government prepares to evict thousands of Indigenous Maasai residents...

4. Watson J.E.M., O.Venter, J.Lee et al. 2018. Protect the last of the wild. *Nature*. 563, pp. 27–30. <https://doi.org/10.1038/d41586-018-07183-6> (accessed 14.09.2021)
5. Caro T.M. Umbrella species: critique and lessons from East Africa. *Animal Conservation*. 2003. V. 6, pp. 171–181.
6. Lindsey P.A., Roulet P.A. & Románach S.S. 2007. Economic and conservation significance of the trophy hunting industry in sub-Saharan Africa. *Biological Conservation*. Vol. 134, pp. 455–469.
7. Neumann R.P. 2000. Land, Justice and the Politics of Conservation in Tanzania, People, Plants, and Justice: The politics of Nature Conservation. Ch.Zerner ed. N.Y., Columbia University Press. Pp. 117–133.
8. Field C.R., Moll G., ole Sonkoi C., Livestock Development, Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania (ed. D.M. Thompson). Gland, Switzerland and Cambridge, UK: IUCN, 1997, pp. 181–199.
9. Thompson D.M. 1997. Multiple Land-Use: The Experience of the Ngorongoro Conservation Area, Tanzania. IUCN, Gland, Switzerland, and Cambridge, UK. Pp. 417–440.
10. Brown L.H. 1973. Pastoral people and conservation, Conservation for survival – Ethiopia’s choice, Haile Selassie. Addis Ababa, Ethiopia. Pp. 67–69.
11. Coast E. 2001. Maasai demography. Diss. University of London, University College London; Conde Nast Traveller. 2010. Last days of the Masai? By Joshua Hammer. <http://www.cntraveler.com/stories/2010-10-19/last-days-of-the-masai> (accessed 23.03.2017)
12. Boone R.B., Coughenour Michael B., Galvin Kathleen A., Ellis James E. 2002. Addressing management questions for Ngorongoro Conservation Area, Tanzania, using the SAVANNA modelling system, *African Journal of Ecology*. Vol. 40, pp. 138–150.
13. Homewood K.M., Rodgers W.A. 1991. Maasailand Ecology: Pastoralist Development & Wildlife Conservation in Ngorongoro, Tanzania. Cambridge *Studies in Applied Ecology & Resource Management*. Cambridge: Cambridge University Press. Nairobi: Initiatives Publishers.
14. Barton D., Morton J., Hendy C. 2001. Drought contingency planning for pastoral livelihoods. *Policy series 15*. NRI. Univ. Greenwich.
15. Бутовская М.Л. Масаи Нгоронгоро: парадокс законодательных ограничений хозяйственной деятельности и лучшей сохранности традиционной культуры в условиях природоохранной территории. *Антропология в поисках нового языка описания (тезисы международной научной конференции)*. 15–17 сентября 2016 г. / отв. ред. Томск, 2016. С. 93–94.
Butovskaya M.L. 2016. Maasai of Ngorongoro: paradox of the legislative restrictions of the human activities and best conservancy of the traditional culture in conditions of the conservation area. *Anthropology in seeking of the new tools of research (abstracts of the international conference)*. 15–17 September 2016 / chief ed. Tomsk. Pp. 93–94. (In Russ.)
16. Mearns R. Contextual factors in the management of common grazing lands: lessons from Mongolia and Northwestern China. World Bank, Washington DC, USA. <http://www.internationalgrasslands.org/files/igc/publications/2001/tema29-2.pdf> (accessed 23.03.2017)
17. TNRF & Maliasili Initiatives. Integrating pastoralist livelihoods and wildlife conservation? Options for land use and conflict resolution in Loliondo Division, Ngorongoro District. Arusha, Tanzania: Tanzania Natural Resource Forum (TNRF). 2011. <http://www.maliasili.org/technicalreports> (accessed 23.03.2017)
18. Fratkin E., Mearns R. 2003. Sustainability and pastoral livelihoods: lessons from East African Maasai and Mongolia. *Human Organization*. Vol. 62, № 2, pp. 112–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бутовская Марина Львовна, чл.-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, зав. сектором кросс-культурной антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.

Marina L. Butovskaya, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (History), Professor, Head, Sector of Cross-Cultural Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia.

Бутовский Руслан Олегович, доктор биологических наук, профессор, рук. отдела инноваций ВНИИ «Экология» Минприроды России, Москва, Россия.

Ruslan O. Butovsky, Dr.Sc. (Biology), Professor, Head, Department of Innovations, Research Institute “Ecology”, Ministry of Natural Resources of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 06.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 12.11.2022

Христианство в Индии: от апостола Фомы до нашего времени

© Мязин Н.А.^a, 2023

^a Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
ORCID: 0000-0002-9819-0732; marknote@rambler.ru

Резюме. Первые христиане появились в юго-западной Индии во времена Античности. В середине XVI в. в португальском владении в Гоа была создана католическая епархия, в католичество было обращено большинство местных христиан. Движение евангельского пробуждения в конце XVIII в. привело к созданию миссионерских обществ, ориентированных на христианизацию новых земель. Британская администрация не оказывала значительной поддержки миссионерам, используя противоречия между конфессиями для укрепления власти империи.

Проповедь была наиболее успешна среди народов, исповедующих племенные религии, а также среди далитов. Миссионерство среди далитов вызвало серьезное недовольство в обществе и способствовало возникновению реформаторских движений в индуизме. Подъем индусского национализма, рассматривающего христианство как чужеземную религию, оказался фактором, сдерживавшим распространение христианства. Во второй половине XX в. наиболее быстро развивались новые направления христианства: пятидесятнические и неденоминационные протестантские церкви, а также католические харизматические движения.

В настоящее время христиане составляют около 2,6% населения страны, наибольшее распространение христианство получило в штатах северо-востока, где христианские деноминации смогли заместить племенные религии, и в штате Керала, в котором христианство закрепилось почти две тысячи лет назад.

Ключевые слова: Индия, католицизм, протестантизм, миссионерство, политика, демография

Для цитирования: Мязин Н.А. Христианство в Индии: от апостола Фомы до нашего времени. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 66–73. DOI: 10.31857/S032150750020551-8

Christianity in India: From the Apostle Thomas to the Present

© NikolayA. Myazin^a, 2023

^a Tsiolkovski Kaluga State University,
Kaluga, Russia
ORCID: 0000-0002-9819-0732; marknote@rambler.ru

Abstract. The first Christians appeared in southwestern India during Antiquity. In the mid-16th century a Catholic diocese was established in the Portuguese possession of Goa and most of the local Christians were converted to Catholicism. The evangelical revival movement at the end of the 18th century led to the creation of missionary societies focused on the Christianization of new lands. The British administration did not provide much support for missionaries, using the confessional controversy to bolster the power of the empire.

Preaching was most successful among the tribal peoples and among the Dalits. The rise of Hindu nationalism, which viewed Christianity as an alien religion, proved to be a deterrent to the spread of Christianity. The second half of the 20th century saw the most rapid development of new strains of Christianity: Pentecostal and non-denominational Protestant churches and Catholic charismatic movements.

Christians now make up about 2.6% of the country's population; Christianity has spread most widely in the states of the northeast, where Christian denominations have been able to replace tribal religions, and in Kerala, where Christianity took hold nearly two thousand years ago.

Keywords: India, Catholicism, Protestantism, missionaryism, politics, demographics

For citation: Myazin N.A. Christianity in India: From the Apostle Thomas to the Present. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 66–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020551-8

ВВЕДЕНИЕ

По преданию, христианство было принесено в Индию одним из 12 учеников Христа апостолом Фомой в середине I в. В эпоху Античности существовали постоянные торговые связи между Римской империей и Индией. Согласно преданию, апостол прибыл на Малабарское побережье на юго-западе субконтинента (современный штат Керала), где основал 7 церквей.

Продвижение христианства было связано с деятельностью Ассирийской церкви Востока. Многие выходцы с Ближнего Востока, преимущественно торговцы, иммигрировали в Южную Индию в период с IV по VIII в. Христиане были разделены на касты: одни являлись потомками ассирийцев из Сирии и Персии и называли себя христианами апостола Фомы, другие были потомками новообращенных. Браки между христианскими кастами не практиковались. Потомки христиан-переселенцев к IX в. приобрели для себя определенные привилегии, которые по положению приравнивали их к высшим кастам [1]. Монашество Северной Индии было уничтожено в период мусульманских завоеваний, автохтонная христианская церковь сохранилась на Малабарском побережье [2]. К эпохе позднего Средневековья связь индийских христиан с Ассирийской церковью Востока была утрачена.

В XIII–XIV вв. во время правления монгольской династии Юань в Китае в Пекине была основана католическая епархия, осуществлялись эпизодические контакты католиков и индийских христиан [3, р. 653–656].

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ИНДИИ

В 1498 г. португальский мореплаватель Васко да Гама открыл морской путь в Индию. Португальцы потеснили мусульманских торговцев с морских торговых путей и основали первые поселения на побережье. Один из основателей иезуитского ордена Франциск Ксавьер три года пробыл в Индии, где положил начало миссионерской деятельности католической церкви. В 1553 г. была создана католическая епархия с центром в Гоа, спустя 20 лет в Индии насчитывалось 280 тыс. католиков. Португальцы стремились к насаждению среди христиан апостола Фомы католичества, местные христиане хотели сохранить свои традиции. В качестве компромисса в 1662 г. была образована Сиро-Малабарская католическая церковь. В 1705 г. в Транкебаре на юго-восточном побережье Индии была основана первая лютеранская миссия. Миссионер Бартоломей Цигенбалг перевел Новый Завет и часть Ветхого Завета на тамильский язык [4].

В 1790-е гг. были основаны Баптистское миссионерское общество, Лондонское миссионерское общество и Церковное миссионерское общество. Основные усилия миссионеров были направлены на евангелизацию Африки – Великобритания и Франция участвовали в колониальном разделе Африки и поддерживали организацию миссий в своих владениях [5]. Основатель Баптистского миссионерского общества Уильям Кэри перевел Библию на бенгальский, санскрит и маратхи [6]. В 1830-е гг. под давлением евангелистов Ост-Индская компания отказалась от поддержки индуистских праздников и фестивалей. После Сипайского восстания 1857–1859 гг. административные функции были переданы от Ост-Индской компании британской администрации. В это время в Тропической Африке христианство распространялось более широко, миссионеры предоставляли доступ к образованию, что могло послужить социальным лифтом [7]. В Индии это проявлялось значительно слабее из-за господства кастовой системы.

В 1860–1870-х гг. протестантские церкви на юге Индии обратили в христианство многих далитов («неприкасаемых»). Начиная с 1880-х гг. протестантские церкви стали создаваться на севере Индии, в Пенджабе. В это же время протестантские и католические миссионеры пришли в горные районы северо-восточной Индии, в которых сохранялись племенные религии. Переход индуистов в христианство способствовал возникновению индуистских реформаторских движений, выступающих за возвращение индусов в индуизм.

Национальная элита Британской Индии стремилась к самоуправлению. В 1885 г. состоялся учредительный съезд первой партии – Индийского национального конгресса (ИНК). В 1906 г. были созданы две новые партии – «Мусульманская лига» и «Хинду махасабха». Каждая из них претендовала на представление интересов соответствующей религиозной общины. Основатели «Хинду махасабхи» ставили главной задачей консолидацию индусской общины и создание в Индии государства, которое должно

было объединить индусов, буддистов, сикхов и джайнов [8] – буддизм, сикхизм и джайнизм в данном случае рассматривались как разновидность индуизма. В 1909 г. был принят закон об индийских советах, который предоставил индийцам ограниченное самоуправление. Общество было разделено на общий электорат и отдельные электораты, в которые были включены далиты и религиозные меньшинства (христиане, мусульмане и сикхи). Это стало политическим фактором, дополнительно способствовавшим формированию коллективной идентичности через религию.

В 1914 г. протестанты создали «Всеиндийскую конференцию христиан Индии» с целью влияния на британскую администрацию, но существенного успеха добиться не удалось. В 1936 г. далиты-христиане были лишены права на получение государственных льгот, предназначенных для далитов. В 1936–1946 гг. во многих независимых княжествах северной Индии были приняты «законы против насильственного обращения», которые ограничили возможность проповеди среди далитов¹. В эти годы в Британской Индии набирала силу и католическая церковь. В 1923 г. впервые в сан епископа был рукоположен местный житель.

ИЗМЕНЕНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА

В конце XIX в. около 3% населения исповедовали племенные религии, впоследствии большинство из них были обращены в христианство, ислам и буддизм. В первой половине XX в. на юге Индии быстрее всего росли англиканские и баптистские церкви², во второй половине XX в. – независимые протестантские и пятидесятнические церкви. По данным переписей населения (см. табл.), доля христиан увеличивалась до 1970 г., а затем стала уменьшаться. Предполагается, что некоторые скрывают факт обращения в христианство. С учетом этого, можно предположить, что верна оценка исследовательского центра *Pew* (США), который определяет долю христиан в 2,6% населения³ (35 млн человек), из которых 1,5% протестанты, 0,9% католики, а 0,2% принадлежат к церквям восточного обряда⁴. Протестантская неденоминационная церковь «Калвари» в г.Хайдарабад – третья по посещаемости церковь мира (первая – «Церковь полного евангелия Ёйдо» в столице Южной Кореи Сеуле, вторая – «Церковь живой веры» в крупнейшем городе Нигерии Лагосе), её еженедельно посещают 225 тыс. человек [23].

Таблица 1. Конфессиональный состав Индии
Table 1. The religious composition of India

	1881 г.	1901 г.	1941 г.	1951 г.	1971 г.	1991 г.	2011 г.
Население, млн	250	284	389	361	548	846	1211
Индусы, %	79,3	77,1	73,8	84,1	82,7	81,5	79,8
Мусульмане, %	20	21,9	24,3	9,8	11,2	12,6	14,2
Христиане, %	0,7	1	1,9	2,3	2,6	2,3	2,3

Составлено по: [22, с. 9]; Demographics. *Zoom in India*. <https://zoominindia.com/demographics/> (accessed 04.06.2022)

Индия является федеративной парламентской республикой, регионы значительно различаются между собой экономически, культурно и религиозно. Зачастую штат, а не страна стоит на первом месте для самоопределения человека. В большинстве штатов основная часть населения исповедуют индуизм. Христиане составляют большинство в трех небольших штатах северо-востока – в Нагаленде (с 1961 г.) преобладают баптисты, в Мегхалае – пресвитерианцы, и в Мизораме (с 1991 г.) значительная часть христиан принадлежит к Католической церкви⁵. При этом значительно больше христиан проживает в

¹ Historical Overview of Pentecostalism in India. *Pew Research Center*. 05.10.2006. <https://www.pewforum.org/2006/10/05/historical-overview-of-pentecostalism-in-india/> (accessed 04.06.2022)

² Ibidem.

³ Доля христиан подсчитана на основании Переписи населения 2011 г. Проверить актуальность прогнозов можно будет в 2024 г. – после подведения итогов переписи населения 2022 г. (прим. авт.).

⁴ Global Christianity. A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population. *Pew Research Center*. 2011. Pp. 83–90.

⁵ Historical Overview of Pentecostalism in India...

штате Керала на юго-западе, где христианство закрепилось еще во времена Античности. По данным переписи 2011 г., христиане составляли 18% населения штата, там проживал каждый четвертый христианин Индии.

Переход из одной религии в другую оказывает небольшое влияние на религиозный состав Индии. По данным опроса исследовательского центра *Pew*, проведенного в 2020 г., продолжали исповедовать ту веру, в которой они родились, 99% индусов, 97% мусульман и 94% христиан. Это свидетельствует о том, что жители Индии чаще всего переходили в христианство, хотя число новообращенных не было велико. Межконфессиональные браки редки и осуждаются обществом [24]. Наименее терпимыми являются мусульмане и индусы, наиболее терпимыми – христиане и буддисты [25]. Можно предполагать, что по мере роста образованности населения и экономического развития страны жесткость кастовой системы будет смягчаться, и люди чаще смогут менять веру или, что более вероятно, от неё отказываться.

Росту числа христиан препятствует более низкая рождаемость, связанная в первую очередь с более высоким уровнем образования женщин. В 1992 г. коэффициент рождаемости в Индии составлял 3,4 ребенка на женщину (у христиан – 2,9, у мусульман – 4,4), в 2015 г. коэффициент рождаемости составлял 2,2 ребенка на женщину (у христиан – 2, у мусульман – 2,6) [24]. По данным Министерства здравоохранения Индии, в 2019–2021 гг. коэффициент рождаемости в Индии снизился до 2 детей на женщину, это означает, что демографический переход, за исключением мусульман, завершился. Вероятно, рождаемость в мусульманских семьях также продолжит снижаться. В богатой мусульманской стране – Объединенных Арабских Эмиратах – коэффициент рождаемости в 2020 г. составил 1,4 ребенка на женщину.

НОВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Христианство в Индии представлено церквями разных направлений. Во второй половине XX в. динамично развивалось пятидесятническое движение. Пятидесятничество возникло в США в 1906 г. От других направлений протестантизма пятидесятничество отличала вера в «духовные дары», которые верующий получал при крещении Святым Духом [28, с. 79]. Наиболее известный из «духовных даров» – глоссолалия⁶. Верующие считали, что они обретали способность говорить на иностранных языках, подобно апостолам Христа в день Пятидесятницы [9, pp. 86–87].

Первые пятидесятнические миссионеры преимущественно занимались прозелитизмом – проповедовали среди христиан, принадлежащих к другим деноминациям [10]. Особенностью пятидесятнического движения Южной Индии был акцент на строгое равенство, первым лидером «Цейлонской пятидесятнической церкви» был далит. Для этих церквей также был характерен полный отказ от украшений. Это означало разрыв с традициями других христиан – в традиционных церквях штата Керала женское золотое ожерелье служило символом брака сродни обручальному кольцу.

В Северной Индии пятидесятнические миссионеры обратились к миссионерству через благотворительность, они открывали детские дома, школы, приюты для прокаженных и медицинские учреждения. Сеть социальных учреждений церкви «Ассамблея Бога» в основном сосредоточена в долине реки Ганг. В католической церкви Индии получило распространение харизматическое движение. Харизматическое движение зародилось в США в 1967 г. и было альтернативой пятидесятничеству: его участники верили в крещение Святым Духом и обретение «духовных даров», в первую очередь – глоссолалии. Участникам движения было разрешено остаться в Римско-католической церкви [11]. В последние десятилетия значение харизматического движения в большинстве стран уменьшилось, исключением служат Филиппины [12, с. 199–200] и Индия.

В настоящее время из 10 наиболее крупных мегацерквей Индии шесть относятся к пятидесятничеству, больше всего прихожан – 70 тыс. человек – еженедельно собираются в «Церкви новой жизни» в Мумбаи [23]. По мнению автора, пятидесятники составляют до 20% индийских протестантов.

Известные пятидесятнические проповедники использовали агрессивную стратегию евангелизации, нередко публично осуждали индуизм и выступали с проповедями рядом с индуистскими храмами [13].

⁶ Глоссолалия – произнесение похожих на речь бессмысленных слов и словосочетаний в состоянии религиозного экстаза. Данная практика получила широкое распространение у пятидесятников и христиан харизматического движения, которые считают глоссолалию одним из даров Святого Духа (прим. авт.).

Пятидесятническое и католическое харизматические богослужения с акцентом на молитвы об исцелении приобрели значительную популярность не только среди христиан. Многие из индусов, не покидая индусской общины, принимают участие в христианском богослужении, они посвятили себя Иисусу Христу как своему Ишваре (личному божеству) подобно тому, как их единоверцы посвятили себя Вишну или Шиве.

Пятидесятничество привлекательно для низших слоев общества. Многие христианские традиции отождествляются с определенными кастами. Христиане апостола Фомы ведут свое происхождение с эпохи Античности и принадлежат к числу высших каст. Многие из принявших протестантизм в конце XIX – начале XX в. благодаря полученному образованию и упорному труду стали принадлежать к среднему классу. Они не стремятся к миссии среди низших каст. Пятидесятники более открыты [13, pp. 508–509]. Большинство приверженцев движения пятидесятников по-прежнему принадлежат к маргинализированным группам индийского общества, но число представителей среднего класса увеличивается [14].

ХРИСТИАНСТВО И КАСТОВАЯ СИСТЕМА

Обращение далитов в христианство начали еще португальские миссионеры, далиты нередко крестились целыми общинами, но это не сопровождалось полноценной евангелизацией [15, с. 95].

После обретения Индией независимости кастовая система сохранилась. Согласно Конституции, часть мест на государственной службе, в учебных заведениях и представительных органах отводится для «зарегистрированных каст» и «зарегистрированных племен». Эта квота соответствует их доле в населении Индии и регулярно пересматривается.

Дискриминация и сегрегация низших каст делает их более чем остальных индусов склонными к смене вероисповедания. Выбор христианства или ислама в качестве новой религии приводит к крайне негативной реакции со стороны индусов. Среди христиан сохраняются кастовые различия. Кастовая сегрегация сильнее там, где доля далитов в обществе меньше. В целом в Индии дискриминация далитов-христиан внутри церковной общины значительно меньше в сравнении с дискриминацией далитов в индусском сообществе [15, с. 99–103]. В 2022 г. Папа Франциск возвел в кардинальское достоинство Энтони Пулу, он стал первым далитом-кардиналом в истории Индии.

В 1980-е гг. в штате Бихар на северо-востоке и штате Керала действовали католические священники, которые распространяли грамотность, проводили правовое просвещение далитов, участвовали в демонстрациях и забастовках. Распространение «теологии освобождения» вызвало резкое противодействие индусов из высших каст, которые стали разрушать миссионерские школы [16, с. 20].

Переход далитов в христианство способствовал повышению уровня образования [17, р. 3], это приводило к росту благосостояния. В 2004 г. в сельской местности доля живущих за чертой бедности далитов составила: у индусов – 46%, у мусульман – 35%, у христиан – 24%. В городах проживающие за чертой бедности далиты-индусы составляли 43%, далиты-мусульмане – 38%, далиты-христиане – 24% [18, с. 37].

Доля низших каст в населении Индии увеличивается, это обусловлено более высокой рождаемостью. Представители «зарегистрированных каст» и «зарегистрированных племен» в 1961 г. составляли 21,6% населения Индии⁷, в 2011 г. их доля возросла до 25,2% (16,6% – далиты и 8,6% – представители «зарегистрированных племен»).

ХРИСТИАНСТВО И ПОЛИТИКА

Конституция Индии гарантировала право исповедовать и распространять любую религию. Вместе с тем, в 1950 г. не исповедующие индуизм были исключены из квот, предназначенных для далитов. Поправки 1956 и 1990 гг. позволили сикхам и буддистам претендовать на такие должности, но они остались недоступны для христиан.

В 1964 г. был основан Всемирный совет индусов, одной из главных целей было противодействие обращению в христианство и ислам представителей низших каст и племенных групп. В 1960–1970-е гг. в

⁷ *Economic and Political Weekly*. 1969. Vol. 4, № 4. Pp. 257–263.

трех штатах Индии: Мадхья-Прадеш, Одиша и Аруначал-Прадеш были приняты законы против «насищенного обращения». Выход из индуизма не был запрещен, но требовалось уведомлять муниципалитет о принятом решении, на желающего сменить веру могло быть оказано давление⁸. В 2000-е и 2010-е гг. законы против «насищенного обращения» были приняты в Чхаттисгархе, Гуджарате, Химачал-Прадеше, Джаркханде и Уттаркханде [26].

Противодействие выходу из индуизма связано во многом с желанием индусских политиков сохранить свой базовый электорат. Индия – парламентская республика, выборы в Парламент проходят по мажоритарной системе – вся страна разделена на избирательные округа, от каждого округа избирается один депутат. Долгие годы правящей партией был Индийский национальный конгресс (1947–1977, 1980–1998, 2004–2014), который стремился получить поддержку избирателей всех религий и каст, но постепенно позиции партии ослабели, а индусские националисты укрепились. С 1925 г. в Индии действует националистическая организация «Раштрия Сваямсевака Сангх» («Союз добровольческих слуг Родины») [19]. При её поддержке в 1980 г. была создана «Бхаратия джаната парти» («Индийская народная партия», далее – БДП), которая рассматривает индуизм как неотъемлемую часть национального духа Индии. В 1998–2004 гг. БДП возглавляла правящую коалицию, в 2014 г. вернулась к власти. Индусы составляют почти 80% населения страны, однако значительное число менее религиозных индусов, а также индусов из низших каст не поддерживают партию [20, р. 2210]. БДП пытается получить голоса мусульман в регионах их компактного проживания, но поддержка партии среди мусульман в 4–5 раз ниже средней по стране [21, с. 68].

В условиях мажоритарной избирательной системы христиане не могут оказать значимого влияния на результат выборов. В трех штатах северо-востока с высокой долей христиан они являются, в первую очередь, представителями конкретных этнических групп. На парламентских выборах 2019 г. из 4 мест от этих штатов одно занял представитель ИНК, а три остальных – представители местных региональных партий.

Индусско-мусульманские отношения имеют достаточно кровавое прошлое. На бытовом уровне отношение индусов к христианам лучше, вместе с тем известны случаи христианских погромов, которые чаще всего имели политические причины. На Рождество 2007 г. массовые беспорядки произошли в округе Кандхамал штата Одиша, несколько христиан были убиты, сожжено около 100 церквей и 700 домов. Причиной столкновений послужили требования христиан из племени Кхоны предоставить им статус «зарегистрированного племени». Это не устраивало индусских лидеров, которые боялись усиления позиций низших каст. Значительно большие беспорядки произошли в том же округе в августе 2008 г. после того, как индусский монах и лидер местных националистов Свами Лакшмананада Сарасвати был убит вместе с несколькими учениками. Хотя убийцами были маоистские террористы, националисты обвинили в преступлении христиан. В ходе беспорядков было убито не менее 39 человек, 395 церквей сожжены и разрушены, 600 деревень разграблены и 54 тыс. человек стали беженцами [27].

По версии американского исследовательского агентства *Open Doors*, Индия в течение последних трех лет занимает 10-е место в мире в списке стран, в которых христиане подвергаются наибольшему преследованиям. По мнению автора, эта оценка слишком негативна. Информация о значительном количестве межконфессиональных конфликтов с участием христиан связана во многом с огромным населением страны, а также с наличием независимых СМИ, освещающих данные инциденты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что христианство пришло в Индию почти две тысячи лет назад, эпоха современного миссионерства началась в отдельных частях Индии в середине XVI в. со служения Франциска Ксавьера. Массовое миссионерство началось в начале XIX в., когда ограничения на миссионерскую деятельность на землях Ост-Индской компании были сняты и католические и протестантские миссионеры смогли свободно вести проповедь.

Представители индуизма как мировой религии с разработанной религиозной и философской системой оказались слабо подвержены христианизации, за исключением представителей далитов, которые стремились выйти из кастовой системы, тесно связанной с индуизмом. Но обращению далитов в хри-

⁸ Historical Overview of Pentecostalism in India...

стианство препятствовали представители высших каст и индусские националисты. Проповедь христианства была успешна среди племен, проживающих в штатах северо-востока. Чаще всего обращение племени происходило в конкретную христианскую деноминацию. Таким образом, племенные религии были замещены христианством, вместе с тем племя продолжало сохранять единство.

За последние 70 лет доля в населении оставалась стабильной: обращение было компенсировано более низкой рождаемостью в христианских семьях. Рост доли христиан в современной Индии возможен за счет обращения горожан первого поколения, чьи связи с традиционным обществом и семьей оказываются ослаблены. Это возможно в случае потери позиций индусских националистов, делающих ставку на сохранение своего электората, основой которого являются исповедующие индуизм. Более вероятно, что значение христианства и доля христиан в Индии существенно не изменятся.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Missick S.A. Mar Thoma: The Apostolic Foundation of the Assyrian Church and the Christians of St. Thomas in India. *Journal of Assyrian Academic Studies*. 2000. Vol. 14. № 2. Pp. 33–61.
2. Нестеров А.Г., Ракульцева Е.А. Маланкарская церковь Южной Индии в конце XIX – начале XX вв. *Научный диалог*. 2014. Том 32. № 8. С. 48–56.
Nesterov A.G., Rakultseva E.A. 2014. Malankara Church in South India in the late 19th – early 20th centuries. *Scientific Dialogue*. 2014. Vol. 32. № 8. Ekaterinburg. Pp. 48–56. (In Russ.)
3. Ryan J.D. European Travelers before Columbus: The Fourteenth Century's Discovery of India. *The Catholic Historical Review*. 1993. Vol. 79, № 4. Pp. 648–670.
4. Hedlund R.E. The Witness of New Christian Movements in India. *AMS Conference Malaysia*. 31 July – 7 August 2004. 19 p.
5. Mkenda F. Jesuits, Protestants and Africa before the Twentieth Century. (eds. Maryks R.A., Mkenda F.) *Encounters between Jesuits and Protestants in Africa. Jesuit Studies*. 2018. Vol. 13. Pp. 11–29.
6. Veer P. The Moral State: Religion, Nation, and Empire in Victorian Britain and British India. *CSST Working Paper*. 1996. № 111. Pp. 15–43.
7. Peel J. D. Y. *Christianity, Islam, and Orisa-Religion. Three Traditions in Comparison and Interaction*. Oakland: University of California Press, 2016. 310 p.
8. Шаумян Т.Л. Индуизм в общественно-политической жизни Индии. *Международная аналитика*. 2021. Том 12. № 4. С. 106–122.
Shaumyan T.L. 2021. Hinduism in Indian social and political life. *International Analytics*. Moscow. Vol. 12. № 4. Pp. 106–122. (In Russ.)
9. Burgess S.M. Pentecostalism in India: An Overview. *Asian Journal of Pentecostal Studies*. 2001. Vol. 4. № 1.
10. Stanley J. The Rise of 'New Generation' Churches in Kerala Christianity. *Theology and Mission in World Christianity*. 2021. Vol. 19. P. 271–291.
11. Кляченко Е.А. Харизматическое движение в Католической Церкви. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 2. С. 73–82.
Klyachenkov E.A. 2019. The Charismatic Movement in the Catholic Church. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. № 2. Moscow. Pp. 73–82. (In Russ.)
12. Мязин Н.А. Филиппины – оплот католицизма в Юго-Восточной Азии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Том 1. № 1 (54). С. 193–205.
Miazin N.A. The Philippines is a Stronghold of Catholicism in Southeast Asia. *Southeast Asia: Current Development Issues*. 2022. Moscow. Vol. 1. № 1 (54). Pp. 193–205. (In Russ.)
13. Jones A.W. Faces of Pentecostalism in North India Today. *Society*. 2009. Vol. 46.
14. Kuhlin J. Lived Pentecostalism in India. Middle Class Women and Their Everyday Religion. Uppsala. 2022. 205 p.
15. Солодкова О.Л. Положение религиозных меньшинств в Индии на примере христиан-далитов. *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. 2014. № 4.
Solodkova O.L. 2014. The Situation of Religious Minorities in India on the Example of Dalit Christians. *Bulletin of A.M. Gorky Literature Institute*. № 4. Moscow. Pp. 94–105. (In Russ.)
16. Атнашев В.Р., Овчинников В.А. Индийский национализм и экстремизм: опыт для России (политико-правовые аспекты). *Управленческое консультирование*. 2013, № 2.
Atnashev V.R., Ovchinnikov V.A. 2013. Indian nationalism and extremism: Experience for Russia (political and legal aspects). *Management Consulting*. St. Petersburg. № 2. (In Russ.)
17. Federico G. Mantovanelli. The Protestant Legacy: Missions and Literacy in India. *SSRN Electronic Journal*. 2014. 45 p. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2413170 (accessed 04.06.2022)
18. Солодкова О.Л. Рост христианской общины в Индии и хиндутва. *Вестник РУДН*. 2015, № 3.

- Solodkova O.L. 2015. The Growth of the Christian Community in India and Hindutva. *Vestnik RUDN*. № 3. Moscow. (In Russ.)
19. Sud N., Tambs-Lyche H. Introduction: Religion in the Making of a Region. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2011. Vol. 34. № 3. Pp. 319–332. DOI: 10.1080/00856401.2011.620549
20. Bauman C., Leech T. Political Competition, Relative Deprivation, and Perceived Threat: a Research Note on Anti-Christian Violence in India. *Ethnic and Racial Studies*. 2012. Vol. 35. № 12.
21. Спектор И.Б. Индусский национализм и религиозные меньшинства: опыт политического сотрудничества БДП и индийской мусульманской общины. *Ислам в современном мире*. 2021. Том 17. № 1. С. 59–74. DOI: 10.22311/2074-1529-2021-17-1-59-74.
- Spektor I.B. 2021. Hindu nationalism and religious minorities: The experience of political cooperation between the BJP and the Indian Muslim community. *Islam in the Modern World*. Moscow. Vol. 17. № 1. Pp. 59–74. (In Russ.). DOI: 10.22311/2074-1529-2021-17-1-59-74
22. Joshi A.P., Srinivas M.D., Bajaj J.L. Religious Demography of India. Centre for Policy Studies, Chennai, 2005. 56 p.
23. Bird W. 2022 Global Megachurches. <https://leadnet.org/world/> (accessed 06.05.2022)
24. Kramer S. Religious Composition of India. Pew Research Center. 21.09.2021. <https://www.pewforum.org/2021/09/21/causes-of-religious-change/> (accessed 17.03.2022)
25. Evans J., Sahgal N. Key findings about religion in India. Pew Research Center. 29.06.2021. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/06/29/key-findings-about-religion-in-india/> (accessed 18.03.2022)
26. Матур А. Запреты на перемену веры в Индии: политика отдельных штатов. *Институт религии и политики*. 24.12.2020. <https://irp.news/zaprety-na-peremenu-very-v-indii-politika-otdelnyh-shtatov/> (accessed 20.04.2022)
- Matur A. 2020. Prohibitions on Religious Change in India: The Politics of Individual States. *Institute on Religion and Politics*. (In Russ.). <https://irp.news/zaprety-na-peremenu-very-v-indii-politika-otdelnyh-shtatov/> (accessed 20.04.2022)
27. Singh K. 3706 Acquitted in Kandhamal Riots. *Orissa Post*. 24.01.2020. <https://www.orissapost.com/3706-acquitted-in-kandhamal-riots/> (accessed 01.06.2022)
28. Захаров И.А. Распространение пятидесятничества в Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 77–84. DOI: 10.31857/S032150750023566-4
- Zakharov I.A. The expansion of Pentecostalism in Africa. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 77–84. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750023566-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мязин Николай Александрович, кандидат исторических наук, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, доцент, Калуга, Россия.

Nikolay A. Myazin, PhD (History), Associate Professor, Institute of History and Law, Tsiolkovski Kaluga State University, Kaluga, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 12.12.2022

Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан

© Балабейкина О.А.^{a,b}, Кузнецов Л.М.^{a,c}, Янковская А.А.^{a,d}, 2023

^a Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID: 0000-0001-9520-8880; olga8011@ya.ru

^c ORCID: 0000-0002-5445-6527; klm100@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0002-2185-6196; aia777@yandex.ru

Резюме. Авторы рассматривают территориально-административную структуру Римско-католической церкви Филиппин (РКЦФ) и факторы её трансформации в контексте значимости религиозного института в экономической и социальной жизни общества.

Цель исследования – определить экономические, социальные, территориальные и институциональные аспекты деятельности РКЦФ и выявить области, на которые она оказывает значительное влияние. Модель взаимоотношений Римско-католической церкви и государства на Филиппинах не типична для Азиатско-Тихоокеанского региона, и опыт их реализации может быть актуален для других стран и институтов в сфере решения вопросов, связанных с формированием и развитием конфессионального пространства.

С помощью анализа отчетных данных выявлены направления проектной деятельности некоммерческих католических организаций в области экономического и социального развития страны и её регионов. Полигоном для исследования выбрана типовая по ряду характеристик епархия Бутуана РКЦФ.

Авторы приходят к выводу, что РКЦФ – влиятельный институт, играющий существенную роль в разных областях хозяйства страны. Пример РКЦФ позволяет утверждать, что в случае установки на конструктивное сотрудничество мажоритарная религиозная организация может оказывать существенную помощь государственным органам в решении текущих проблем и в процессе реализации мер, направленных на борьбу с ситуациями, требующими мобилизации сил, средств и оперативного реагирования.

Ключевые слова: Филиппины, религиозная организация, экономическая деятельность, Римско-католическая церковь

Для цитирования: Балабейкина О.А., Янковская А.А., Кузнецов Л.М. (Санкт-Петербург). Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 1. С. 74–80. DOI: 10.31857/S032150750020434-9

Philippines. Economic and Social Activities of a Religious Institute: The Example of the Diocese of Butuan

Olga A. Balabeykina^{a,b}, Leonid M. Kuznetsov^{a,c}, Anna A. Yankovskaya^{a,d}, 2023

^a Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

^b ORCID: 0000-0001-9520-8880; olga8011@ya.ru

^c ORCID: 0000-0002-5445-6527; klm100@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0002-2185-6196; aia777@yandex.ru

Abstract. In the study, the authors consider the territorial and administrative structure of the Philippine's Roman Catholic Church (RCC) and the factors of its transformation at the present stage in the context of the importance of the religious institution in the economic and social life of society. The purpose of a comprehensive study is to identify the economic, social, territorial and institutional aspects of the RCC's activities in the Philippines and to identify the areas on which it has a significant impact.

The model of relations between the RCC and the state in the Philippines is not typical for the Asia-Pacific region. This fact allows the authors stating that the experience of their implementation may be relevant for solving issues related to the formation and development of the confessional space of Russian regions, including the Far East, in social and economic aspects. For an objective characterization of the elements of the confessional space in the presented study the mathematical and statistical tools were used. By analyzing the available data published in English, the main directions

of the project activities of non-profit Catholic organizations in the field of economic and social development of the country were identified.

The authors reveal that the RCC actively implements activities in the field of social responsibility at the regional and local levels by allocating its own funds, labor resources, providing for the use of its buildings for religious and other purposes for organizing and holding socially significant events, in many ways contra-typing state functions. Finally, the authors conclude that the RCC in the Philippines is an influential institution that plays a significant role in various areas of the country's economy and contains prospects for expanding the field of its activities in the mentioned direction.

Keywords: Philippines, religious organization, economic activity, Roman Catholic Church

For citation: Olga A. Balabeykina, Anna A. Yankovskaya, Leonid M. Kuznetsov (St. Petersburg). Philippines. Economic and Social Activities of a Religious Institute: The Example of the Diocese of Butuan. *Asia and Africa today*. 2023. № 1. Pp. 74–80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020434-9

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на секуляризационные процессы, охватившие значительную часть современного общества, значение религии и деятельности религиозных институтов для населения, а также для социального и экономического развития регионов и стран остается существенным. Это неоднократно подчеркивали отечественные [1; 2] и зарубежные специалисты [3; 4], избравшие в качестве предметной области своих исследований различные аспекты функционирования структурных элементов геоконфессионального пространства. При этом во многих современных научных работах на первый план выдвигаются вопросы, связанные с экономической [5; 6; 7] и социальной деятельностью религиозных организаций [8].

Для России и её Дальнего Востока зарубежный опыт выстраивания государственно-религиозных отношений представляет научный и практический интерес [9].

Репрезентативным примером в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) выступают Филиппины, занимающие 3-е место в мире по численности адептов католичества. Свыше 80% населения страны, или более 80 млн человек, являются членами национальной Римско-католической церкви (РКЦФ). Особую актуальность исследованиям, связанным с этим религиозным институтом, придает тот факт, что 2021 г. ознаменован празднованием 500-летнего юбилея истории распространения католичества на территории этого государства.

Ранее российские ученые неоднократно касались политических, правовых, исторических аспектов функционирования конфессионального пространства Филиппин [10; 11]. Освещались отечественными специалистами и частные вопросы, связанные с экономической деятельностью РКЦФ [12]. В зарубежных изданиях также встречаются отдельные примеры работ, где предпринимаются попытки научного осмысления последствий территориальной дифференциации основных показателей уровня жизни католического духовенства в центральных и периферийных регионах Филиппин [13]. Рассматривались и особенности трансформации религиозно-государственных отношений в стране [14], но отдельного подробного исследования, отражающего специфику деятельности региональных структур РКЦФ в области социальной ответственности, за счет которой в основном реализуется влияние Церкви на жизнь населения государства и его отдельных регионов, обнаружить не удалось.

Обозначенное выше обстоятельство определило основную научную траекторию представленной статьи – выявление особенностей реализации социальной функции мажоритарного религиозного института Филиппин – национальной РКЦ на основе анализа данных официальной финансовой отчетности одной из её епархий с центром в г. Бутуан (*lat: Dioecesis Butuanensis*), входящей в состав митрополии Кагаян-де-Оро.

Модель взаимоотношений РКЦ и государства на Филиппинах нетипична для АТР, а опыт их выстраивания может быть актуален для решения вопросов, связанных со становлением и развитием конфессионального пространства российских регионов, в т.ч. Дальнего Востока.

Основным источником первичной статистической и фактической информации в представленном исследовании послужили данные официального отчета о деятельности, в т.ч. финансовой, региональной структуры РКЦФ – диоцеза Бутуан за период 2011–2018 гг.¹ Ранее в научном обороте были представле-

¹ Butuan Ad Limina Report 2018. https://989c262f-1c21-4cc5-b5ef-9b9222992703.filesusr.com/ugd/50802c_3f60173abe6e4b1f958288cd74f774d2.pdf (accessed 17.07.2021)

ны только примеры исследований, базирующихся на аналогичных данных национальных христианских Церквей зарубежной Европы [15]. В этом контексте религиозный институт АТР привлекается как объект изучения впервые.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РКЦ ФИЛИППИН

Экспансия католичества, инициированная испанскими миссионерами, началась среди населения Филиппинского архипелага еще в 1521 г. Практически сразу РКЦ приняла на себя ряд социальных функций. Так, работа учреждений начального образования и пунктов оказания медицинской помощи впервые в истории Филиппин была организована по инициативе и за счет средств католических монашеских конгрегаций и орденов. Постепенно приходы РКЦ, самые первые из которых были основаны на о. Себу, распространились повсеместно, оформились в густую сеть церковно-административных единиц.

Несмотря на отделение Церкви от государства в 1898 г. и введение в филиппинское законодательство положений о свободе совести и вероисповедании, часть социально значимых государственных функций по-прежнему делегированы РКЦФ и дублируются её структурами. В первую очередь речь идет о легитимности церковного брака, функционировании института военного духовенства, а также о системе католических образовательных учреждений различного уровня. Помимо реализации официально закрепленных функций, РКЦФ активно проводит социальную работу, затрачивая при этом собственные денежные и иные средства.

В церковно-административном отношении Филиппины подразделяется на 16 макроединиц – католических митрополий, состоящих из 56 епархий (диоцезов). Епархии объединяют в своем составе несколько благочиний – аналогов таксонов районного уровня, в каждое из которых включено по 5–15 приходов. Именно католический приход выступает в качестве низовой территориальной единицы РКЦФ, консолидирующей её адептов вокруг центра – храмового здания.

Национальная церковь на Филиппинах традиционно поддерживает и работу по направлениям, ориентированным на непосредственное оказание помощи незащищенным слоям населения. Так, практически в каждой из епархий за счет средств РКЦФ действуют больницы, дома престарелых, ночлежные дома, пункты раздачи горячего питания нуждающимся. В последние десятилетия получили распространение приходские и епархиальные кризисные центры, куда могут обратиться за психологической и другой помощью жертвы насилия.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕПАРХИИ БУТУАН

Выбор епархии Бутуан в качестве полигона нашего исследования не случаен.

Во-первых, диоцез Бутуан – единственная структурная единица РКЦФ регионального уровня, опубликовавшая в открытом доступе подробные отчетные материалы. Существенным является и тот факт, что эта епархия совпадает в границах с провинциями Агусан-дель-Норте и Агусан-дель-Сур, в совокупности составляющими регион Карага. Кроме того, её центр – г. Бутуан – это развитый торгово-промышленный центр, в котором сильны проявления влияния западной культуры. Проникновение христианских ценностей на о. Минданао берет начало именно в Бутуане.

Наконец, для обоснования выбора данной епархии РКЦФ важное значение имеет то обстоятельство, что по ряду основных показателей – площади территории, количеству приходов и степени равномерности их распределения, а также числу адептов католичества, митрополия Кагаян-де-Оро, в состав которой она включена, характеризуется средними статистическими показателями². К тому же она расположена в сравнительной близости от исторического центра распространения католичества на Филиппинах – о. Себу и длительный период в церковно-административном отношении находилась в подчинении его структурам.

Образование Бутуана как отдельной епархии РКЦФ датируется 1967 г., оно стало результатом укрупнения единиц административно-территориального деления РКЦФ³. Её площадь составляет

² The Hierarchy of the Catholic Church. www.catholic-hierarchy.org/country/scph1.htm (accessed 10.06.2021)

³ Official website of the Diocese of Butuan. <http://www.cbcponline.net/butuan/> (accessed 10.06.2021)

13,5 тыс. кв. км с населением чуть менее 1,4 млн человек. Из них членов РКЦФ – около 960 тыс.⁴, но регулярно посещают богослужения только 15–20%⁵. В церковно-административном плане Бутуан состоит из 11 благочиний, включающих 53 католических прихода⁶. На территории епархии действуют 37 образовательных учреждений РКЦФ и 3 благотворительные организации.

Направления социальной работы епархии отражены в её структуре. Так, получаемые ежегодно пожертвования направляются в различные отделения Объединения католических епископов Филиппин для дальнейшего распределения на пастырскую работу с заключенными, лицами с серьезными заболеваниями, молодежью, социально незащищенными категориями граждан, материальную поддержку и повышение уровня образования духовенства, адаптацию мигрантов.

В епархии Бутуан уделяется внимание развитию образования на всех уровнях (финансовая поддержка католических школ и институтов, программа повышения грамотности и др.), проектов по устойчивому развитию и реализации широкого спектра социально-ориентированных мероприятий (программ обеспечения горячим питанием беспризорных детей, оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий, попечения о духовенстве и т.д.).

Образовательная система Бутуанской епархии и Ассоциация католического образования Агусан работают в тесном контакте с властями. Педагоги и другие работники школ, колледжей и т.д., функционирующих под началом РКЦФ, зарегистрированы в соответствующих государственных органах профессионального развития и социального обеспечения. Учителя в католических школах получают государственную субсидию к заработной плате. Учащиеся также пользуются государственной поддержкой в виде стипендий и субсидий.

Пример успешной интеграции католических университетов в систему управления и социального обеспечения – Университет отца Сатурнино Уриоса (*The Father Saturnino Urios University, FSUU*), через который реализуется ряд социальных проектов. Так, например, университет участвует в «Сообществе оперативного оповещения и готовности» (*Alert and Ready Communities*) и, в частности, в программе «Рука помощи детям» под управлением Департамента внутренних дел.

В рамках внедрения концепции устойчивого развития Университет способствует интеграции местного сообщества, расширению прав и возможностей людей, развитию социального предпринимательства, обеспечению грамотности и непрерывного образования, охране и сохранению окружающей среды, образованию в области здравоохранения и медицинской помощи, развитию инфраструктуры региона, оперативному реагированию на чрезвычайные ситуации на уровне сообществ⁷.

Программа повышения грамотности лумадов (коренные жители на юге Филиппин) Университета отца Сатурнино Уриоса действует в течение последних 35 лет. Ранее в её реализации участвовали и отдельные подконтрольные Университету учреждения. Епархия Бутуан осуществляет попечение о духовенстве: в принадлежащем ей Доме духовенства проживают и обеспечиваются всем необходимым священнослужители, более не способные к дальнейшему служению по причине преклонного возраста или инвалидности.

Епархия обеспечивает материальную компенсацию духовенству, сравнимую с зарплатой учителей местных школ. Также предоставляется медицинское страхование (как по поручению государства, так и в частном порядке), помощь при госпитализации и пособия по восстановлению трудоспособности.

Помощь нуждающимся и пострадавшим оказывают через благотворительные учреждения, которыми управляют члены епархиального духовенства и женских католических общин и орденов⁸. Среди них – Дом престарелых «*Por Cristo*» – учреждение, находящееся в ведении Бутуанской епархии, где на условиях постоянного пребывания и полного обеспечения осуществляется уход (в т.ч. медицинский) за нуждающимися в этом одинокими престарелыми людьми. Диоцез Бутуан несет материальные расходы, связанные с захоронением умерших в Доме престарелых.

Важную социальную роль играет епархиальный реабилитационный центр круглосуточного пребывания *Gesu Eucarisco*. На его базе оказывают помощь несовершеннолетним девочкам региона Карага,

⁴ Butuan Ad Limina Report 2018, p. 26.

⁵ Ibid., p. 47.

⁶ Ibid., p. 28.

⁷ Butuan Ad Limina Report 2018, p. 83.

⁸ Ibid., pp. 186–188.

пережившим различные виды насилия. Близок ему по назначению Дом Вифании (*Bethany Home*), обеспечивающий временный приют и защиту не только детям, но и взрослым женщинам.

Социальная работа РКЦФ в сфере здравоохранения проводится в форме духовной и материальной помощи умирающим в местных больницах и хосписах. У епархии Бутуан нет собственных медицинских учреждений (кроме Дома престарелых «*Por Cristo*»), но представители духовенства и волонтеры регулярно посещают 13 больниц, 1 дом престарелых и 53 родильных дома с целью оказания помощи нуждающимся.

В структуре епархиального Университета есть факультет, на котором проводится профессиональная подготовка медицинских сестер. Его работа, а также работа школ медицинских сестер (их было 4 на 2018 г.) обеспечивают потребности региона в работниках такой квалификации.

Кроме того, в некоторых отдельных католических приходах для их членов несколько раз в год предлагаются бесплатные общемедицинские, стоматологические и офтальмологические услуги.

На современном этапе епархия Бутуана, в отличие от аналогичных католических структур в странах Европы, не реализует полномасштабных программ пастырской помощи мигрантам и иммигрантам. Однако в перспективе учреждение официального апостольства для мигрантов и иностранцев – один из приоритетов епархиальной деятельности.

В РКЦФ прилагаются значительные усилия по сохранению и развитию искусства, а также по сохранению исторического наследия. В ведении диоцеза Бутуан находятся 53 храмовых здания, 1226 часовен, 3 музея и 1 архив. В музейных коллекциях хранятся ценные и редкие экспонаты, связанные с историей католичества на Филиппинах.

Программы и инициативы епархии по сохранению, поддержанию и развитию человеческого капитала включают партнерство с наднациональными и национальными гуманитарными католическими организациями. Им поступает помощь от епархии в виде денежных выплат (например, оказывается постоянная финансовая поддержка программе «Алай Капва», в рамках которой формируется фонд помощи лицам, пострадавшим в результате стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций)⁹.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕПАРХИИ БУТУАН

Финансовое положение епархии можно охарактеризовать как стабильное. Несмотря на то, что точные суммы поступлений от разных видов епархиальной деятельности и объемов денежных отчислений с отдельных приходов отсутствуют в открытом доступе, доходы епархии позволяют ей покрывать расходы с профицитом. Так, в сведениях об аудированной финансовой отчетности за 2016 г. указано, что поступления составили 17,57 млн песо (\$332 тыс.), а расходы (в т.ч. на помощь другим епархиям) – 17,56 млн¹⁰. В отчете отмечается стабильный ежегодный рост сумм поступлений с 2012 г. Среди источников финансовых ресурсов отмечены: доходы от церковной собственности, частные пожертвования, пожертвования со стороны других епархий и архиепархий, – от 15% до 40% от сборов приходов. Для эффективной финансовой поддержки духовенства в сентябре 2018 г. был официально учрежден специальный фонд. В фонд направляется 50% поступлений от внесенных прихожанами средств за совершение всех видов католических обрядов и таинств (крещения, венчания, погребальные обряды, соборования, сбор средств в честь Дня благодарения и т.д.).

Собранные средства передаются в епархиальное финансовое управление и распределяются для выплаты компенсации священникам (в т.ч. по инвалидности; на их госпитализацию, медицинский осмотр и лекарства). Эта сумма также используется для оплаты ежемесячных отчислений по пенсионному плану для духовенства Филиппин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диоцез Бутуана РКЦФ представляет собой пример региональной единицы конфессионального пространства, функционирование которой можно охарактеризовать как конструктивное, а организацию

⁹ Pastoral Letter on Alay Kapwa 2021. Give and gifts will be given to you (9 February 2021). <https://rcam.org/pastoral-letter-alay-kapwa-2021/> (accessed 25.07.2021)

¹⁰ Butuan Ad Limina Report 2018, p. 204.

финансовой деятельности как успешную. О последнем свидетельствуют данные о профиците епархиального бюджета. РКЦФ в пределах Бутуана не только покрывает необходимые собственные расходы на содержание руководства, сотрудников, обеспечение различных нужд духовенства, в области социальной ответственности. Аналитический обзор первичной отчетной информации позволил сделать вывод о том, что основные направления социальной деятельности в пределах Бутуана коррелируют с государственными интересами, на удовлетворение которых выделяются средства из бюджета. Так, деятельность отдельных епархиальных комиссий дублирует за счет денежных и иных средств РКЦФ такие функции государства, как работа с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, забота о состоянии здоровья граждан, обеспечение качественного образования, разработка и выполнение программ рационального использования природных ресурсов и т.д.

Епархия Бутуан РКЦФ – пример конструктивной реализации модели церковно-государственных отношений, деятельность которой ведется на региональном уровне. Описанный опыт может быть интересен как религиозным институтам и организациям, так и представителям органов государственной и административной власти других стран.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Формирование конфессионального пространства Тропической Африки в начале XXI века. *Поляризация российского пространства: экономико-, социально-, культурно-географические аспекты*. Москва. 2018. С. 346–350.
Dmitriev R.V., Zakharov I.A. The formation of the confessional space of tropical Africa at the beginning of the XXI century. *Polarization of the Russian space: economic, social, cultural and geographical aspects*. 2018, pp. 346–350. Moscow. (In Russ.)
2. Манаков А.Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX – начале XXI в. *Географический вестник*. Пермь, 2019, № 2 (49), с. 13–24.
Manakov A.G. Transformation of the territorial structure of the confessional space of Russia in the XX – beginning of the XXI century. *Geographical Bulletin*. Perm. 2019, № 2 (49), pp. 13–24. (In Russ.)
3. Laughlin R.C. Accounting in its social context: an analysis of the accounting systems of the church of England. 1988. https://www.researchgate.net/publication/242349417_Accounting_in_its_Social_Context_An_Analysis_of_the_Accounting_Systems_of_the_Church_of_England (accessed 10.10.2021)
4. Peri Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*. 2016, № 2, pp. 231–265.
5. Гориславская Н.В. Особенности экономического анализа деятельности религиозных организаций. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, 2014, № 4, с. 85–91.
Gorislavskaya N.V. Features of the economic analysis of the activities of religious organizations. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. Astrakhan. 2014, № 4, pp. 85–91. (In Russ.)
6. Гогин А.А., Гогина В.Н. Правовые аспекты экономической деятельности религиозных организаций: прошлое и настоящее. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. Тольятти, 2018, № 2, с. 13–21.
Gogin A.A., Gogina V.N. Legal aspects of the economic activity of religious organizations: past and present. *Bulletin of V.N. Tatishchev Volga University*. 2018, № 2, pp. 13–21. Tolyatti. (In Russ.)
7. Мезенин Н.А., Верзакова А.В. Особенности управления и эффективность деятельности религиозных организаций. *European Social Science Journal*. 2011, № 7 (10), с. 371–377.
Mezenin N.A., Verzakova A.V. Management features and the effectiveness of religious organizations. *European Social Science Journal*. 2011, № 7 (10), pp. 371–377. Moscow. (In Russ.)
8. Богатова О.А., Долгаева Е.И., Митрофанова А.В. Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты. *Регионология*. Саранск, 2019, Т. 27, № 3, с. 489–512. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903>
Bogatova O.A., Dolgaeva E.I., Mitrofanova A.V. Activity of socially oriented organizations of the Russian Orthodox Church: regional aspects. *Regionology*. 2019, vol. 27, № 3, pp. 489–512. Saransk. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903>
9. Дударенок С.М. Религиозная составляющая дальневосточного фронта. *Труды IV конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор цивилизаций»*. Благовещенск, Изд-во Амурского государственного университета. 2018. С. 314–323.
Dudarenok S.M. The religious component of the Far Eastern frontier. *Proceedings of the IV Congress of Russian researchers of religion «Religion as a factor of civilizations»*. 2018, pp. 314–323. Blagoveshchensk. (In Russ.)
10. Левтонова Ю.О. Филиппинский вариант проблемы «религия и политика» (современный ракурс). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2014, № 4, с. 34–57.

- Levtonova Ju.O. Philippine version of the problem "religion and politics" (modern perspective). *Southeast Asia: actual problems of development*. Moscow. 2014, № 4, pp. 34–57. (In Russ.)
11. Сабалдан Н.А., Алепо А.В. Мусульманско-христианский антагонизм на юге Филиппин: истоки и последствия (конец XVI – начало XXI в.). *Актуальные проблемы востоковедения. Сборник научных трудов по итогам работы VIII Международной научно-практической конференции по востоковедению*. Хабаровск, Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2019. С. 26–41.
Sabaldan N.A., Alepko A.V. *Actual problems of Oriental studies. Collection of scientific papers on the basis of the VIII International Scientific and Practical Conference on Oriental Studies*. Khabarovsk. 2019, pp. 26–41. (In Russ.)
12. Balabeykina O.A., Kuznetsova J. A., Yankovskaya A.A. The role of a religious institution in the developing and functioning of social and economic sphere (the case of the Roman catholic church of the Philippines). *Services in Russia and Abroad*. 2020, № 4, pp. 57–68. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10304
13. Serrano Cornelio J. Priesthood Satisfaction and the Challenges Priests Face: A Case Study of a Rural Diocese in the Philippines. *Religions*, 2012, № 3 (4), pp. 1103–1119. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel3041103>
14. Batalla E.V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion. *Religions*. 2019, № 10 (3), p. 197. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel10030197>
15. Балабейкина О.А., Межевич Н.М., Янковская А.А. Официальная отчетность религиозных организаций как источник эмпирических данных о деятельности Церкви: некоторые вопросы теории и практики Евангелическо-Лютеранской Церкви Швеции. *Управленческое консультирование*. 2020, № 10 (142), с. 135–145.
Balabeykina O.A., Mezhevich N.M., Yankovskaya A.A. Official Reports of Religious Organizations as a Source of Empirical Data on the Activities of the Church: Some Questions of Theory and Practice of the Evangelical Lutheran Church of Sweden. *Management consulting*, Moscow. 2020, № 10 (142), pp. 135–145. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), Санкт-Петербург, Россия.

Olga A. Balabeykina, PhD (Geography), Faculty of Humanities, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Кузнецов Леонид Михайлович, кандидат биологических наук, доцент, гуманитарный факультет, СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия.

Leonid M. Kuznetsov, PhD (Biology), Associate Professor, Faculty of Humanities, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Янковская Анна Андреевна, кандидат экономических наук, гуманитарный факультет, СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия.

Anna A. Yankovskaya, PhD (Economics), Faculty of Humanities, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 03.09.2022